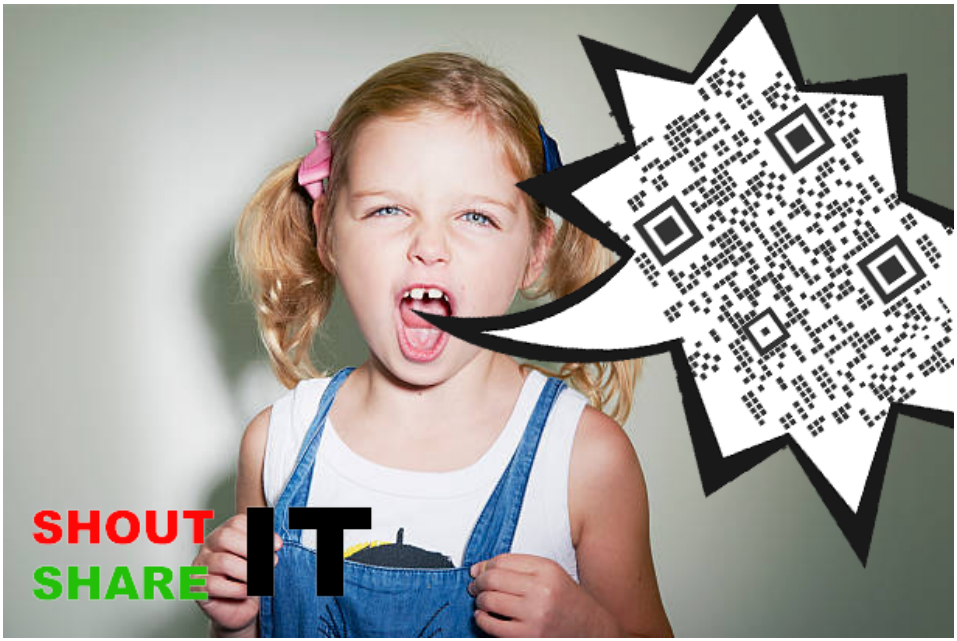
КЭТРИН ФИШЕР

АЛАЯ ШКАТУЛКА

Глубина чувств и безупречное писательское мастерство.

The Bookseller


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Алая шкатулка» – это вторая книга из цикла «Хроноптика». Героев романа «Обсидиановое зеркало» ждут новые приключения. Вместе с ними мы побываем в средневековой Италии времен Черной смерти и в сражающемся Лондоне 1940-х, продолжим разгадывать тайны волшебного Леса и его коварной и мстительной хозяйки. Джейк Уайльд найдет своего потерявшегося в дебрях времени отца, а Сара отыщет загадочную алую шкатулку в самом сердце зачарованных владений леди Саммер. Только вот помогут ли сокровища, хранящиеся в этом ларце, победить зло, таящееся в обсидиановом зеркале? И при чем здесь трое детей – три маленьких мальчика, – что преследуют Джейка, подкидывая ему все новые и новые загадки? Впервые на русском!

- Кэтрин Фишер
  - ○
  - ○
  - ○ Когда нам вновь сойтись втроем…[1]
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
  - ○ И знать, чье семя всхоже, чье – не всхоже…[3]
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
    - ■ 9
    - ■ 10
  - ○ Ты можешь исцелить болящий разум,
    - ■ 11
    - ■ 12
    - ■ 13
    - ■ 14
    - ■ 15
  - ○ Бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра»
    - ■ 16
    - ■ 17
    - ■ 18
    - ■ 19
    - ■ 20

    - Свет меркнет, ворон летит в туманный лес…[7]
        - 21
        - 22
        - 23
        - 24
        - 25
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

Кэтрин Фишер
Алая шкатулка

Catherine Fisher
BOX OF RED BROCADE
Copyright © 2013 by Catherine Fisher
All rights reserved

Перевод с английского Илоны Русаковой
Оформление обложки Виктории Манацковой

© И. Б. Русакова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

Когда нам вновь сойтись втроем… [1]

1

Если прошлое – это место, куда можно совершить путешествие, насколько осторожен должен быть решивший посетить его? Путь будет пролегать во мгле неопределенности, и человек окажется вовлечен в истории, сюжета которых не знает. Как путешественник, очутившийся в чужой стране и непонимающий языка ее жителей…

Мортимер Ди. Исследование тайн

Бомба достигла земли за долю секунды.

Джейк мчался по улице и вдруг почувствовал, как свело зубы и до предела напряглись нервы. Он затормозил, ухватившись за фонарный столб, и бросился на землю.

Жуткий взрыв яркой белой вспышкой отразился на его сетчатке. Волной выбило все окна. На мостовую полетели обломки кирпичей.

Голову и плечи юноши усыпали осколки стекол, на спину упали куски штукатурки. На секунду он оглох и ослеп от поднявшегося в воздух пепла и кирпичной пыли. Джейк даже испугался, что сломал руку или ногу, но потом заставил себя встать на четвереньки и огляделся.

Улицы больше не было.

На месте площади с особняками в георгианском стиле образовалась огромная воронка, которая, словно вулкан, изрыгала языки пламени и гряз-но-желтые клубы дыма. Джейк с трудом поднялся и почувствовал, как в лицо ударила горячая волна.

Не хватало воздуха, глаза воспалились от пыли, а руки стали черными от сажи, которая, подобно снегу, падала на землю.

Кто-то схватил Джейка за руку и что-то сказал. У парня еще звенело в ушах, поэтому он не расслышал и переспросил:

– Что?

Расплывчатый силуэт превратился в мужчину в черной форме и каске с белыми буквами ПВО.

Джейк как через радиопомехи услышал:

– …говорю же – дуй в убежище! Чертов дурень!

Мужчина потянул Джейка от погнутого фонарного столба.

В небо вонзились лучи прожекторов.

Юноша мельком заметил кровь у себя на руке и, ничего не соображая, спросил:

– Что за убежище?

– Метро! Господи, откуда ты такой взялся?! Я должен убрать всех людей с улицы!

Джейк сумел выдавить смешок:

– Так это не шестидесятые?

Бдительность мгновенно, как закрывшие окно ставни, изменила выражение лица дружинника. Он внимательно осмотрел ничем не примечательную темную одежду Джейка и уставился на узкий серебряный браслет:

– Тебя как зовут? Есть документы?

– Джейк Уайльд.

Джейк смотрел на разрушенные дома. Его захлестнула волна отчаяния. Хроноптика, черное зеркало, которое переправило его сюда из настоящего времени, могла быть в одном из этих домов. Его нельзя уничтожить бомбой – значит, оно где-то здесь, под развалинами.

Но прежде чем почувствовать ужас оттого, что он уже никогда не сможет вернуться в свое время, Джейк успел спросить:

– Что это за звук?

Тихий такой, похожий на писк. На секунду Джейк даже испугался, что это падает очередная бомба, но тут дружинник резко оглянулся.

– Кто-то под завалом! – крикнул он и метнулся в клубы дыма.

Джейк стер грязь с лица, потом достал из кармана тонкую квадратную коробочку и прикоснулся пальцем к маленькому экрану:

– Пирс! Пирс? Ты слышишь меня? Эй! Все пошло не так! Пирс, я во Второй мировой!

Ничего.

Джейк оставил их всего несколько секунд назад возле пульта управления. Теперь Пирс наверняка суетится там и что-то бормочет под нос. Венн – крестный отец Джейка – в бешенстве мечется по лаборатории и сыплет проклятиями. А Гидеон, подменыш, наблюдает за ними зоркими зелеными глазами.

Ну и команда! Слепой ведет слепых.

– Пирс! Это Джейк! Верни меня. Быстрее!

Но он уже понял, что его никто не слышит. Еще бы, ведь это «Лондонский блиц», то есть тридцать девятый или сороковой. Выходит, все знакомые остались в будущем, в восьмидесяти годах впереди. Познания Джейка о Второй мировой войне глубиной не

отличались, но ему было очевидно, что он от зеркала годах в двадцати как минимум, а от сотового телефона, пусть даже усовершенствованного Пирсом, толку не будет.

– Эй, парень! Иди помоги! Тут внизу живая женщина. Шевелись давай!

Джейк сунул телефон в карман и полез через завалы. По небу рыскали лучи прожекторов, тень молодого человека разделилась на три, каждая вытянулась и поползла под руины. Под ногами скользили и крошились обломки керамической плитки, путались оборванные шторы и скомканное постельное белье, в воздухе снежными хлопьями летали клочки канцелярской бумаги и вырванные книжные страницы.

Как тут вообще кто-то мог уцелеть?

Дружинник присел на корточки возле торчащей под острым углом потолочной плиты.

– Я не смогу вас сейчас вытащить… – объяснял он. – Мне нужна помощь. С минуты на минуту придет вторая волна.

– Не беспокойтесь, друг мой, со мной все будет хорошо, – отвечал ему приглушенный голос.

Мужчина встал и трижды дунул в свисток. Никто не откликнулся. Тогда он принялся торопливо разгребать обломки.

Джейк наконец добрался до дружинника. Они слаженно слой за слоем разбирали завал, но парнишка понимал, что это бесполезно – дом превратился в руины с целой сетью гнутой арматуры.

А еще пахло газом.

Дружинник посмотрел на небо. Белки его глаз контрастно выделялись на черном от пыли и сажи лице.

– Они возвращаются, – пробормотал дружинник. – Надо уходить.

Джейк не верил своим ушам.

– И оставить ее?

– У нас нет выбора.

Издалека доносился гул самолетов.

– Тут очень темно, – тихо проговорила женщина. – Отсюда можно выбраться?

Джейк ухватился за половицу, потянул и отбросил ее в сторону:

– Вот так.

Получилась небольшая дыра. Запах газа усилился, и Джейк с трудом сдержал кашель. Он почувствовал, что вспотел. Эти руины могут в любую секунду взлететь на воздух.

Надо бежать. Найти зеркало. Вернуться домой и попробовать еще раз. Все, что здесь происходит, его не касается. Это чужое

время. Если Джейка вместе с серебряным браслетом разорвет тут на куски, он никогда не найдет потерявшегося в прошлом отца. Все будет кончено. Для него, для Венна, для всех них. Юноша отступил на шаг.

Дружинник растянулся в полный рост на обломках.

– Этого должно хватить, – решил он.

В дыру посыпалось кирпичное и алебастровое крошево.

Испуганная женщина взмолилась:

– Быстрее, прошу вас!

И Джейк замер. Ее стон заглушил все, что творилось вокруг.

Когда-то он испытал этот ужас на себе.

Ему было лет шесть, может, семь.

Широкий песчаный пляж и высоченные дюны на фоне раскаленного неба. Мама в солнечных очках и голубом бикини сидит в полосатом шезлонге.

Жара. Он самозабвенно выкапывает пещеру.

Джейк помнил, как песок постепенно стал сырым, как в него вонзался совок. Помнил спутанные корни колосняка над головой.

– Помоги! – с натугой попросил мужчина.

А потом внезапно на него навалилась тяжесть – обрушился потолок пещеры. Непролазная темнота давила на грудь, просачивалась в глаза, в нос.

И жуткий, сдавленный, беззвучный крик.

Дружинник оглянулся на Джейка:

– Я ее вижу. Она внизу, неглубоко, но мне не дотянуться. Ты худой, пролезешь.

Но Джейк не мог. Ему годами снились кошмары после того случая. О смерти, которая длилась и длилась, пока в дыре не появилась большая рука и мальчик не увидел наконец отцовское лицо.

– Джейк! Не бойся, все хорошо!

Потом ему говорили, что все это продолжалось какие-то секунды, но на самом деле – годы.

И вот теперь отец тоже попал в западню, а Джейк даже не может его отыскать.

Юноша обернулся и посмотрел на черную дыру.

– Буду держать тебя за ноги. – Лицо дружинника блестело от пота. – Черт тебя подери, шевелись!

Джейк выругался, улегся и подполз к краю дыры. Потом протиснулся в нее. Темнота сгустилась настолько, что он едва мог разглядеть собственные руки.

Паренек потянулся вперед. Сквозь темноту. Пальцы наткнулись на мягкое.

– Я что-то нашел!

Воздуха не осталось, он вдыхал газ. А потом…

Тепло.

Когда женщина взяла Джейка за руку, тот почувствовал, какие у нее тонкие и хрупкие косточки, прямо как у птички. Пальцы изуродованы артритом, но кожа очень мягкая.

Джейк слышал ее сиплое дыхание в темноте.

– Все в порядке! – воскликнул Джейк. – Я вас вытащу. – Но на самом деле он понимал, что это нереально. – Как вас зовут?

Лаз в завале искажал его голос. Послышался треск, темнота пошевелилась.

Женщина крепко держала его за руку.

– Алисия. Не волнуйся, дорогой. С нами все хорошо.

Старушка. Голос слабый, однако чувствуется, что она настроена решительно.

– Но мы можем… – начал Джейк.

– Говорю же, мы вылезем сразу за тобой.

Джейк услышал гул самолетов.

– Вам страшно? – спросил он.

– Нет, Джейк. Теперь, когда ты в безопасности…

От неожиданности он чуть не выпустил ее руку, но потом сжал еще крепче и почувствовал, как похолодели ее пальцы.

– Откуда вы знаете мое имя?

Она рассмеялась. Кто может смеяться в подобных обстоятельствах?

– Меня называли шарлатанкой. Обманщицей. Но мы доказали им, да, Джейк? Мы доказали, что мадам Алисия по-настоящему общалась с духами. Дэвид говорит…

– Дэвид!

– Он говорит: «До скорой встречи!»

У старушки, наверное, начался бред. А как еще это понимать?

– Послушайте! Я вернусь после налета и…

– Слишком поздно. Ждали только тебя.

Артритные пальцы сунули что-то в его ладонь. Джейк услышал звук, похожий на шорох сминаемой бумаги.

– Вот, возьми, – прошептала Алисия. – Время вышло. Пора…

В нескольких кварталах упали первые бомбы.

– Джейк, найди это. Обещай, что найдешь.

– Да, хорошо! Обещаю!

Юноша висел вверх ногами, у него кружилась голова, к горлу подкатывала тошнота. Сверху посыпался песок. Джейк заскользил вниз и завопил.

Дружинник ухватил его за ремень и потянул наверх. Песок забивал рот и нос.

Парень отплевался и выговорил:

– Подождите… Нет… послушайте! – Кровь молотом стучала в висках. – Мы не можем ее здесь оставить!

– Беги! – заорал дружинник. – Быстрее!

Приближалась новая волна бомбардировщиков. Время остановилось, как будто та старушка умерла, а Джейк это почувствовал. Он перестал понимать, где находится. Посмотрел наверх и увидел самолеты. Их красота завораживала, пропеллеры сверкали в лучах прожекторов. Словно клин из бриллиантов.

И вот он уже на ногах, бежит мимо разрушенных домов по усыпанной битым кирпичом улице.

Та походила на черную взлетно-посадочную полосу. Джейк бежал, его тень все удлинялась. Бомбардировщики снизились, изломанный горизонт окрасился в алое, Лондон попал в смертельную ловушку.

Впереди мглистой пастью пещеры возник вход в метро. Джейк перепрыгнул через мешки с песком, и тут начались взрывы. Бомбы падали через равные промежутки времени. Последняя взрывная волна швырнула Джейка лицом вниз на землю у входа в метро.

Оцепеневший от боли, он смог-таки встать.

Дружинник уже бежал вниз по ступенькам.

Джейк захромал следом.

Это просто безумие! Как будто он очутился то ли в перевернутом вверх тормашками, то ли в ускоренном фильме, где не может быть ничего реального. Он в лондонском метро. В его время метро ярко освещено, расписано граффити, сверкает полированными поверхностями. Но здесь это бесконечный спуск в темноту и сырость. У Джейка шел пар изо рта, мимо проплывали стены: грязная кафельная плитка и обрывки старых афиш.

Закололо в боку, и Джейк задержался, чтобы восстановить дыхание.

Из темноты доносился тихий гул. Юноша спускался, гул усиливался. Голоса сотен людей. И вот юноша внизу, на длинной платформе, где укрылись от бомб горожане.

Рельсы убегали в продуваемую ветрами темноту. Платформа метро и была убежищем. А еще концертной площадкой и преддверием ада.

Здесь теснились тысячи людей. Одни спали, другие ели, третьи распевали песни, четвертые разговаривали, сбившись в небольшие компании. Повсюду самодельные кровати. В проходах между ними бегали собаки. Воздух в тоннелях согревался человеческими телами. Пахло потом, экскрементами и едой, которую наскоро готовили здесь же.

Джейк уперся рукой в стену и согнулся пополам. Он

задыхался, его подташнивало, да вдобавок спина болела после висения вниз головой в развалинах.

Он все еще чувствовал костлявые пальцы в своей руке.

Теперь она мертва. Джейк был до одури зол на старуху, которую даже никогда не видел.

Их разговор занял несколько секунд. Но она знала его имя.

И знала имя его отца.

Что-то хрустнуло в кулаке. Юноша разжал его. На грязной ладони лежал потертый картонный прямоугольник.

У Джейка вдруг подломились колени, и он, скользнув рукой по стене, опустился на корточки.

Это катастрофа. Зеркало могло быть в любом из домов, которые теперь превратились в руины.

Он оказался не в том времени, и нужно проститься с надеждой найти отца. Или Венна. Джейк на секунду почувствовал взгляд крестного, увидел его изможденное лицо и глаза цвета арктического льда. Все их планы рухнули.

Картонный прямоугольник оказался талоном с оторванным уголком, на котором было напечатано: «Вокзал Сент-Панкрас. Камера хранения № 615».

Пару секунд Джейк тупо смотрел на талон. Потом в поле зрения возникли три пары детских ног в сандалиях.

Юноша поднял голову.

Перед ним на фоне укрывшейся в метро толпы стояли три мальчика.

С виду каждому было лет десять, не больше. Все в школьной форме: серый блейзер, галстук в красно-серую полоску, мятая рубашка и носки по щиколотку.

– Мотайте отсюда! – грубо велел Джейк.

Они были похожи друг на дружку. Тройняшки. Щекастые и бледные дети стояли перед Джейком, скрестив на груди ручонки. Все в простых круглых очках. И, учитывая царящий вокруг хаос, смотрели дети на юношу удивительно спокойно.

– Джейк, Черный лис освободит тебя, – заявил первый.

Второй кивнул и добавил:

– Поговори с Человеком с глазами ворона.

– Сломанный император лежит в алой шкатулке, – сообщил третий.

Джейк смотрел на них во все глаза и ничего не понимал.

– Да о чем вы?!

2

Я буду искать повсюду:
Внизу и вверху, вдалеке и рядом,
В летнем зное и в зимних холодах,
В лесах, в полях и на воде.
Я исхожу и объезжу весь мир,
Но я найду свою возлюбленную.

Баллада лорда Уинтера и леди Саммер

Сара протянула сидящему за столом молодому человеку карточку аспиранта.

– У вас точно нет другого удостоверения личности? – спросил он.

Сара выдала свою самую очаровательную улыбку:

– В приемной меня заверили, что билета вполне достаточно. Мой куратор из Оксфорда назначил встречу по телефону. Профессор Мертон.

– Ах да. Верно.

Служащий перевел взгляд на монитор компьютера и что-то набрал на клавиатуре. Сара крепко сжала ручку сумки.

Молодой человек расслабился и протянул Саре авторучку:

– Пожалуйста, впишите свое имя.

Она написала округлыми буквами: «Сара Венн».

Служащий оторвал бейдж от блока с незаполненными образцами и вставил его в пластиковый зажим.

– Прикрепите его к одежде. И наденьте белые перчатки. Не забывайте – строго запрещено фотографировать манускрипты и другие раритетные материалы, а также выносить что-либо из музея.

Сара кивнула и закрепила бейдж на груди. Воздействие слов «Оксфорд» и «профессор» определенно трудно переоценить. Особенно учитывая тот факт, что она сама назначила встречу, карточка была поддельной, а профессора она просто выдумала. Девушка прошла через зал к столу возле окна.

С этого места открывался вид на внутренний двор Британского музея. Через прозрачную решетчатую крышу проникал свет холодного весеннего солнца. В своем времени Сара никогда не бывала в этом месте. В том времени, где настал конец света. Там Лондон – территория Януса, а Британский музей –

запретные Залы знаний.

Девушка сняла пальто и шарф и села за стол. Внизу туристы рассматривали альбомы и книги у букинистических киосков и жевали сэндвичи. Повсюду бегали дети, их визг эхом разносился в просторном помещении.

Саре трудно было все это принять.

Свобода.

Здесь люди жили так, будто с ними никогда ничего не случится.

Но всего через одно-два поколения все это…

– Вот, пожалуйста.

Сара вздрогнула и подняла голову.

Библиотекарь аккуратно положил на стол серую картонную папку. Девушка с нескрываемым удовлетворением прочитала на потертой от времени этикетке: «11145/6/09 Ди, Мортимер».

– Кто этот человек? – полюбопытствовал служащий.

Сара занервничала.

– Средневековый ученый. – Она облизнула пересохшие губы.

– Это для вашего диплома?

Сара понятия не имела, о чем он спрашивает, но ответила:

– О… да. Да, для диплома.

Молодой человек кивнул и отошел, но не далеко. Он разложил бумаги на соседнем столе и, еще раз пристально взглянув на посетительницу, принялся их изучать.

С этим она ничего не могла поделать.

Сара торопливо натянула белые перчатки, достала блокнот и карандаш и дрожащими от волнения пальцами открыла папку.

В папке лежал пожелтевший манускрипт.

Девушка замерла в нерешительности, ей даже стало немного страшно. Столько времени ушло на то, чтобы добраться сюда: недели в душных библиотеках и бессонные ночи в хостеле, где она составляла планы.

Это стало наваждением, она забыла о еде и сне, даже вопрос выживания в этом опасном и перенаселенном городе отошел на задний план. Главное – найти хоть какую-то информацию об обсидиановом зеркале.

Она похудела и совершенно обессилела.

Но ее фамилия – Венн, а Венны никогда не сдаются.

Сара взяла манускрипт. Один-единственный лист бумаги. По краям – хрупкий. На ощупь как тонкая высохшая кожа и слабо пахнет плесенью. Сверху – относительно недавняя запись на кальке. Сара даже не удивилась, этот почерк был ей знаком. Она улыбнулась. Джон Харкорт Симмс – довольно напыщенный, помешанный на исследовании магии толстяк из Викторианской

эпохи. Джейк с Венном познакомились с ним в прошлом, а сама девушка видела, как он всего на секунду прорвался сквозь время в Уинтеркомбском аббатстве.

Вот что он написал:

Это единственный уцелевший фрагмент работы легендарного Мортимера Ди. Его книга «Исследование тайн» утеряна. Какое-то знание о ней можно составить лишь по обрывочным цитатам из трудов других авторов. Но эта страница, похоже, написана его рукой. Мои попытки расшифровать ее – ниже. Работа Ди зашифрована. Чертовски сложный код, и, признаюсь, он мне не по зубам. Я смог понять ничтожно малую часть его записей, и это повергает меня в отчаяние… Но этот человек определенно владел некими знаниями о черном зеркале, которое попало ко мне в руки и которое он называл Хроноптика.

Если бы только мне удалось это постичь!

Сара бросила взгляд на смотрителя – тот был увлечен своими бумагами. Она поставила сумку на стол, достала носовой платок и громко высморкалась.

Смотритель не среагировал.

Тогда Сара быстро извлекла миниатюрную камеру и сфотографировала манускрипт. Щелчок в тишине зала прозвучал нереально громко. Девушка намеренно закашляла и спрятала камеру прежде, чем служащий библиотеки оторвал взгляд от бумаг. Впрочем, он был так увлечен, что даже не посмотрел в ее сторону и сразу вернулся к работе.

Сара придвинула ближе кронштейн с настольной лупой и включила лампочку. Свет упал на хрупкий манускрипт.

Девушка шумно выдохнула.

Чертовски сложный код – это мягко сказано.

Как это прочитать?! Вся страница испещрена мелким почерком Ди. Похоже, он писал в разных направлениях, то по вертикали, то по диагонали, местами строчки спиралью забегали на поля. Повсюду были какие-то странные диаграммы, непонятные, относящиеся к алхимии формулы и символы, обрывки фраз – на латыни и греческом. И поверх всех этих записей – как будто автор не успевал за своими мыслями – целая паутина рисунков. Странные пейзажи, башни в свете луны, очертания стен замков, углы комнат, деревья. Много деревьев. Переплетенные ветки и сухие сучья. Совсем как древние дубы в Уинтеркомбском аббатстве.

Девушка завороженно смотрела на манускрипт. Все эти странные перспективы и перекошенные миры напоминали о…

Сара похолодела. Она поняла, что все это напоминает.

Саммерленд.

Королевство Ши в сердце заколдованного Леса.

Сара нахмурилась и опустила лупу.

Изогнутая поверхность лупы отражала ее увеличенные голубые глаза. Косые солнечные лучи падали на стол. Внимание привлек самый маленький и темный рисунок.

Разрушенные почерневшие дома дымятся на фоне грозового неба. Похожие на бледные конусы лучи прожекторов шарят в темноте.

Сердце забилось сильнее.

Ди побывал в будущем? Он видел, к чему привела тирания Януса? А место, где держали в кандалах ее родителей? Там, где черное зеркало пульсировало от неконтролируемой энергии и неудержимо превращалось в черную дыру, готовую поглотить весь мир.

Сара моргнула и откинулась на спинку стула.

Записи необходимо расшифровать. Одна-единственная страница могла содержать информацию, способную изменить всё. С ее помощью Сара обретет возможность выполнить возложенную на нее миссию.

Документ подскажет, как уничтожить зеркало.

Сара так разволновалась, что просто не могла усидеть на месте. Она развернулась и посмотрела на людный внутренний двор. Туристы выстроились в очередь за кофе. Возле книжного магазинчика она приметила крупного, широкоплечего, аккуратно причесанного мужчину. Он был в парке армейского покроя и шарфе цветов школы Комптон.

Сара от удивления округлила глаза:

– Нет! Не может быть!

Мужчина разговаривал со смотрителем.

– Джордж Уортон! – воскликнула Сара.

Да, это, вне всяких сомнений, учитель Джейка.

Но что он делает в музее?

Смотритель кивнул, как будто в ответ на заданный вопрос, и указал наверх на окно. Уортон поднял голову. Девушка не успела спрятаться. Их взгляды встретились, и Уортон в ту же секунду узнал Сару. Он был поражен не меньше ее и сразу побежал к лестнице.

Сара так резко вскочила, что лупа с грохотом упала на пол. Лжеаспирантка подхватила сумку и пальто и помчалась к выходу.

– Прошу прощения! Это срочно. Только вспомнила. Мне надо идти!

– А как же бумаги?

– Я вернусь!

Сара на бегу надела пальто, в коридоре свернула налево, затем направо, нашла наконец лестницу и, моля бога о том, чтобы Уортон не решил воспользоваться именно ею, побежала вниз. Надо скорей убраться из музея.

Господи, как Джордж узнал, что она здесь?

Сара покинула Уинтеркомбское аббатство в рождественскую ночь и с той поры скрывалась в Лондоне. Они не могли ее найти… Наверняка просто совпадение…

Если только Уортон, как и она, не был занят поисками бумаг Ди.

Девушка остановилась. Снизу доносились тяжелые шаги. Кто-то поднимался по лестнице. Она перегнулась через перила.

– Сара!

Уортон был на один пролет ниже. Судя по его лицу, он явно обрадовался.

– Это ты, я не ошибся!

Сара развернулась и кинулась к двери с табличкой «пожарный выход».

За дверью оказалось набитое людьми большое помещение. Огромные египетские статуи сурово смотрели сверху вниз. Сара пробежала между статуями богов с головами крокодилов и шакалов в галерею, где скопилось так много школьников, что ей пришлось буквально пробиваться через гомонящую толпу.

Сара оглянулась.

Уортон был возле дверей.

– Стой! Сара! Остановись!

Девушка заметалась и продолжила путь.

– Простите… – бормотала она на ходу. – Извините… Простите…

Она попадала в объективы фотоаппаратов и натыкалась на туристов с аудиогидами в ушах.

Витринное стекло возникло перед ней внезапно. Сара едва в него не врезалась, успела только выставить руки и увидела мумий.

Мумии лежали в ярко раскрашенных саркофагах и смотрели в потолок невидящими глазами, их усохшие тела были туго обернуты тканью. Сара на секунду замерла. Эта секунда оказалась фатальной, но она не могла не остановиться. Как завороженная она смотрела на мумии. Это были путешественники из столь далеких времен, что Сара даже не могла их вообразить. Хрупкие путники из прошлого, которых так любил рассматривать ее отец. А потом над этими раскрашенными безмятежными мумиями возникло лицо Уортона.

Толпа туристов окружала Сару со всех сторон. Бежать некуда.

Уортон что-то закричал, и от его дыхания запотело стекло витрины.

Сара тряхнула головой:

– Отстаньте от меня!

Уортон сумел протиснуться через толпу к Саре. Она наступила кому-то на ногу, развернулась и нащупала на стене кнопку пожарной сигнализации. Оставалось только разбить небольшой стеклянный диск, но вместо стекла девушка ударила по мягкой ладони.

– А вот это действительно было бы глупо, – пробормотал запыхавшийся мужчина. – И совсем на тебя не похоже.

Сара вспотела. Челка упала ей на глаза. У нее было такое чувство, словно она наконец прошла через мучительное испытание или вернулась из долгого изгнания.

– Это правда, – согласилась девушка и добавила: – Знаете, Джордж, я реально устала.

Это было заметно. Они сидели в кафе, и Сара пила чай, который, несмотря на все ее протесты, заказал Уортон. Он видел, как девушка похудела и насколько вымоталась – глаза красные, а светлые гладкие волосы, казалось, истончились. А еще, если судить по тому, как Сара поглощала сэндвич с яйцом и майонезом, она недоедала.

Несколько минут Джордж молчал, просто чтобы дать Саре спокойно поесть.

Потом спросил:

– Где ты жила все это время?

– В хостеле.

– В студенческом?

– Для бездомных.

Уортон не мог поверить своим ушам.

– Но почему?!

Сара с усилием проглотила большой кусок бутерброда.

– Я застряла. Тут, в этом времени. Мне надо найти способ уничтожить зеркало, а Венн этого не допустит. Потому я не могу вернуться в аббатство…

– Но он хочет, чтобы ты вернулась. Все это время Венн не переставал тебя искать.

И это было еще мягко сказано.

Уортон наблюдал, как девушка мелкими глотками пьет горячий чай, и вспоминал о том, как четыре месяца назад она невидимкой ускользнула в ночь из окна Уинтеркомбского аббатства, оставив следы на снегу и странное сообщение.

Учитель Джейка поинтересовался:

– Ты правда думала, Венн не сделает все, что в его силах, лишь бы тебя найти? Ты сказала ему, что была… будешь… его внучкой. Даже несмотря на то, что его жена умерла и у них никогда не было детей. Ты сказала, что прошлое не только возможно изменить, но что в твоем времени он это сделал! И после этого взяла и исчезла! – Уортон пожал плечами и глотнул кофе. – Согласись, даже для нормального мужчины такое невыносимо. А для Оберона Венна это толчок в пропасть безумия.

Сара кивнула.

Уортон понимал, что не нужно рассказывать девушке о том, что Пирс, слуга Венна, буквально прикован к компьютеру и безостановочно прочесывает базы пропавших и полицейские отчеты, а также обзванивает все ближайшие к аббатству больницы, пытаясь отыскать беглянку.

Она слишком умна. Но и Джордж далеко не простак, пусть даже и не смог скрыть радость, увидев ее в музее.

– Ты должна вернуться в аббатство, – заявил Уортон.

Сара размешала сахар, положила ложечку на стол и посмотрела на него:

– Нет. И вы не сможете меня заставить. Не тратьте время.

– Сара…

– У меня своя задача, и я занята ее решением! Венн думает только о том, как вернуть Лию из мертвых. Я ничем не могу ему помочь. Это его задача. Полагаю, он все это время работал над зеркалом…

– Безостановочно. И Джейк…

– Да, конечно, Джейк хочет найти своего отца. У нас противоположные цели. Они с Венном – эгоисты! Я должна уничтожить зеркало, то есть лишить их надежды. И лишить себя будущего. Джордж, мы по разные стороны.

– Нет никаких сторон. Ты нужна нам.

– Нет. Просто оставьте меня в покое.

Сара взяла пальто и встала, но Уортон схватил ее запястье и крепко сжал.

– Послушай меня! Венн отчаянно хочет вернуть Лию, но пока не осмеливается. Честно говоря, думаю, он не сможет смириться с поражением. Надо действовать наверняка, а для этого нужен отец Джейка – Дэвид. Поэтому паренек убедил крестного в том, что сначала надо вернуть отца. Три недели назад Джейк вошел в зеркало. Все вроде бы тщательно спланировали. Пирс был уверен в безопасности Джейка, я же был категорически против, но они не желали меня слушать, и меньше всех этот заносчивый щенок, мой так называемый ученик. Он настоял на том, чтобы его отправили

в тысяча девятьсот шестидесятый, потому как Дэвид именно там. Ты ведь помнишь ту фотографию? Но зеркало, Сара… Оно непредсказуемо. – Уортон тряхнул головой. – Чертово устройство, похоже, помимо всего прочего, реагирует и на эмоции…

Сара медленно опустилась на стул. Она увидела в глазах Уортона неподдельную тревогу.

– Что произошло?

– Ты и сама можешь догадаться. Джейк не вернулся. Он потерялся точно так же, как и его отец. Вместе с ним утерян браслет.

– Но…

– Это не все. Венн в отчаянии. Настолько, что решился на нечто ужасное – собирается просить о помощи Саммер.

– Он сошел с ума!

– Возможно. Но Саммер – это прекрасное, смертоносное и нереальное существо – согласится. Сара, ты понимаешь, что она пойдет на это просто для того, чтобы заманить Венна в ловушку? И бог знает, что он пообещает ей в обмен. Я пытался его урезонить, Пирс спорил, но Оберона не переубедить. Этот человек упрям, как черт! До него не доходит. – Уортон постучал по столу чайной ложкой. – Однако ты можешь на него повлиять. Вы с ним похожи. Ты – часть его.

– У Венна своя дорога, – возразила Сара.

– Вероятно. Но есть кое-что еще. – Уортон скривился так, будто ему было неловко в этом признаваться. – Ты нужна мне. Нужна, потому что никого из них нельзя назвать вполне человеком. Они не такие, как мы с тобой. Им плевать. Венн одержим Лией, Пирс – какой-то хобгоблин, а Гидеон – наполовину Ши. Сара, живой человек из плоти и крови, вот кто мне нужен в Уинтеркомбе! Иначе я останусь один в мире непонятных существ и машин.

Сара пожала плечами:

– Вообще-то, я – девушка из будущего…

– Ты, по крайней мере, человек!

– Вы не обязаны там оставаться.

– Уйти и бросить Джейка? Так уж получилось, что он стал мне небезразличен. И думаю, тебе тоже. Я выступаю в роли in loco parentis[2], помнишь? Я сознаю свою ответственность. Прошу тебя, помоги вернуть Джейка.

Несколько секунд они молча сидели друг напротив друга, а вокруг эхом звучали голоса туристов и визг детей.

Потом Сара рассмеялась. Это был отрывистый горький смех, но Уортон понял, что смог ее убедить.

– Джордж, я просто не в силах вам отказать. В котором часу

наш поезд?

Уортон сдержанно улыбнулся:

– Вообще-то, я на машине.

3

Всю ночь я мерил шагами коридор лазарета. Я полагал, что так надо. Курил сигары, пока воздух не превратился в голубой от дыма туман. Мысли обо всех выходках Молл и даже о том, что надо найти серебряный браслет, улетучились.

А потом вдруг небеса словно озарил яркий свет, зато газовые светильники погасли. Раздался жуткий крик, будто весь мир возопил.

В коридор вышла медсестра.

– У вас девочка, – сказала она, вытирая руки.

Так я, хоть и не мог помыслить об этом, стал отцом.

Дневник Джона Харкорта Симмса

Было в этих детях что-то жуткое. Они не улыбались. Блики на стеклах очков не давали возможности разглядеть глаза. Даже для этого кошмарного времени, наполненного страхом и смертью, их перепачканные грязью лица были слишком уж бледными.

– Какого черта здесь все знают мое имя? – раздраженно проворчал Джейк.

– Не все, только мы, – с серьезным видом возразил мальчик, который стоял с правого края.

– Запомни нас. И запомни то, что мы тебе сказали.

Кто из них это произнес? Тот, что слева? У них и голоса, и лица были совершенно одинаковыми.

Мальчик в центре троицы достал из кармана потертый деревянный йо-йо и принялся спокойно играть.

– Мы вернемся, – пообещал он. – И очень скоро.

– А ну-ка, подождите. – Джейк шагнул к мальчикам. – О чем это вы? Что за Черный лис? Какая такая шкатулка? Вы – Ши? Вы знаете Саммер? И Венна?

Мальчики отвернулись от Джейка и, взявшись за руки, пошли в толпу укрывшихся в метро людей.

– Эй, вы!

Джейк кинулся следом за мальчиками, но споткнулся о закутанного в одеяло человека, который, свернувшись калачиком, спал на платформе. Со всех сторон посыпались проклятия. Парнишка ответил грубиянам и двинулся дальше, натыкаясь на детские коляски и извиняясь.

Дети плакали, а матери кричали ему вслед:

– Смотри, куда прешься!

– Простите, простите, я не хотел, – повторял Джейк, пробираясь вдоль платформы.

Куда они подевались? На секунду показалось, что увидел их у входа в тоннель, но, когда добрался туда через толпы беженцев, там были только спящие дети и уставшие до смерти матери, которые смотрели на него с подозрением.

Джейк огляделся по сторонам.

Они что – испарились? Или просто затерялись среди этих сотен укрывшихся от бомбежки людей? Или они – Ши? Холодные лица. Безжизненный взгляд. Вполне возможно, ведь для Ши времени не существует.

На Джейка вдруг навалилась невероятная усталость, мысли путались.

Надо отдохнуть.

Еще полчаса он потратил на то, чтобы найти свободный уголок возле сырой стены. Улегся на жесткую платформу, подложил под голову найденные по пути скомканные газеты, укрылся вместо одеяла курткой и принялся размышлять о том, что делать. Он оказался не в той эпохе, а вернуться мог лишь через зеркало. Надо найти Хроноптику! Даже думать страшно о том, что это может занять недели или месяцы. Джейк отогнал эти мысли. Газета под щекой была датирована июнем 1940. Апогей операции «Лондонский блиц». В прошлом году Джейк изучал курс истории Второй мировой войны, но понятия не имел, сколько длились бомбардировки.

Если его убьют…

Нет, он не может погибнуть, потому что тогда…

Противоречия наслаивались друг на друга и не давали выстроить ясную картину.

А тут еще эти дети… эти жутковатые дети…

С мыслями о трех мальчиках Джейк и уснул.

Несмотря на далекие залпы зениток и удары, от которых с потолка сыпалась пыль, Джейк проспал несколько часов. Он понял это, потому что, когда проснулся, обстановка вокруг изменилась: людей стало меньше, а те, кто еще остался, скатывали одеяла, собирали вещи в большие сумки и сажали маленьких детей на плечи.

Джейк потянулся и застонал – рука сильно затекла. Женщина рядом с ним торопливо укладывала одеяло в чемодан.

– Который сейчас час? – сонно спросил Джейк.

– Уже восемь, милый. Дали отбой воздушной тревоги, – ответила та.

– А куда все так торопятся?

– Большинство – на работу. Или проверить, целы ли их дома.

Он вспомнил разбомбленную улицу и тихий голос под завалами. Та женщина… Алисия. Теперь она мертва.

Джейк медленно сел, откинул волосы и потер лицо грязными руками. Надо приступать к поискам зеркала.

Юноша достал из кармана багажный талон и внимательно на него посмотрел.

Он дал Алисии обещание, но помочь не смог.

Наверху было темное дождливое утро.

Джейк поднял воротник и зашагал по мокрым тротуарам. Мимо быстро шли люди, проезжали машины, автобусы и армейские грузовики. Прошлое оказалось странным местом – где-то он мог легко поверить в то, что не совершал никакого путешествия во времени, настолько знакомыми выглядели фасады домов и узкие переулки. Зато в другом месте огромный плакат с рекламой крема «Пондс» или мясного экстракта «Боврил» безжалостно напоминали об истинном положении дел. Постепенно Джейк начал замечать, что магазины другие: они меньше, на витрины падали тени от навесов, с которых капала вода, а сами витрины крест-накрест заклеены защитными лентами. Вдоль улиц выстроены стены из мешков с песком. На каждом перекрестке – заграждения. Надолбы против танков? Ни светофоров, ни автоматических шлагбаумов, никаких привычных городских атрибутов. А потом Джейк свернул за угол и ахнул от удивления. Вся улица превратилась в мокнущие под холодным дождем руины, уцелела только маленькая мужская парикмахерская, а над ней гордо возвышался флагшток в красно-белую полоску. И в парикмахерскую выстроилась очередь: мужчины из чувства протеста желали побриться в самодельных креслах посреди развалин.

Потом Джейк увидел и другие очереди. Было рано, но люди терпеливо стояли в очередях практически у всех магазинов. Из пекарни пахло горячим свежим хлебом, и Джейк почувствовал острый приступ голода. Кошелек, согласно протоколу безопасности Пирса, был набит монетами, выпущенными до перехода к десятичной денежной системе. Джейк присоединился к очереди и спустя десять минут уже стоял у прилавка.

– Продовольственную книжку, пожалуйста, – попросил пекарь.

– Простите? – не понял Джейк.

– Где твоя продовольственная книжка, сынок?

– О… я ее забыл.

Пекарь вытаращил на Джейка глаза:

– Что?

– Я просто хочу…

– Чего бы ты там ни хотел, ты этого не получишь. Ступай домой и возвращайся с книжкой. Следующий, пожалуйста.

Джейк выскочил на улицу, он был в бешенстве, но сделать ничего не мог. Это не его мир, он даже не вполне реален и с этим надо смириться. Через пару кварталов удалось купить с лотка маленькое вялое яблоко.

Дождь не переставал. Юноша быстро шел по улице и, морщась, грыз на ходу кислое яблоко. Тоттенхэм-Корт-роуд в этом времени была гораздо тише, а машины и грузовики какие-то квадратные и медленные и с такими выхлопами, что Джейк один раз даже закашлялся.

Ни указателей, ни табличек с названиями улиц нигде не было видно. Заговаривать с прохожими не хотелось, поэтому он постарался представить карту Лондона и взял курс на север. В конце концов парнишка вышел на широкую и грязную Юстон-роуд.

Джейку приходилось бывать на Сент-Панкрас, когда он ездил на «Евростар» в Цюрих. Он хорошо помнил этот огромный и великолепно реконструированный вокзал. Теперь же перед ним возникло мрачное, почерневшее от копоти здание в викторианском стиле. Казалось, вокзал как-то усох под зависшими над ним заградительными аэростатами. Из дверей выходили скромно одетые мужчины и женщины, многие – в военной форме.

В просторном зале прибытия хотя бы было сухо.

Джейк тряхнул мокрыми волосами и огляделся. Поезда, люди, носильщики. Эхо голосов. Гул двигателей.

В стене рядом с буфетом Джейк заметил окно, над которым темно-зеленой краской было написано: «КАМЕРА ХРАНЕНИЯ». Очереди, что удивительно, не оказалось.

Парнишка быстро прошел через зал и снова осмотрелся. В буфете за круглым столом смеялись офицеры ВМФ. Парочка, солдат и девушка, обнимались, стоя возле груды чемоданов. На Джейка никто не обращал внимания. Он достал из кармана талон и подошел к окну камеры хранения.

За деревянной стойкой застыл худой напряженный

кладовщик в железнодорожной форме.

– Чем могу помочь? – спросил он.

– Я бы хотел забрать вещи. – Джейк положил талон на стойку.

Кладовщик посмотрел на талон:

– Шесть пятнадцать. Вы лично оставляли багаж?

– Нет… Моя тетя оставила.

Кладовщик напрягся еще больше:

– Хорошо, подождите здесь, пожалуйста.

Он удалился в глубину кладовой. Там Джейк увидел вешалки с пальто, коробки, горы чемоданов и сваленные в кучи перевязанные бечевками тюки.

Прибыл поезд. Клубы пара и визг тормозов. Зрелище завораживало.

– Распишитесь, пожалуйста, в получении.

Кладовщик пододвинул небольшой коричневый чемодан.

Джейк повернулся к окну и расписался: Дж. Уайльд, потом подхватил чемодан и поспешил к выходу.

Бешено колотилось сердце. У Джейка было такое чувство, будто все на него смотрят. Он огляделся и понял, что это не так. Даже бдительный кладовщик уже разговаривал с другим пассажиром. Юноша быстро прошел в конец платформы, сел на пустую скамейку. Теперь он не только путешественник во времени, но и вор.

Нет, вором он не был, потому что Алисия сама попросила его забрать чемодан. Это было ее последнее желание.

Джейк поставил чемодан на скамейку и щелкнул замками, которые не были заперты на ключ.

Юноша поднял крышку и заглянул внутрь.

Содержимое его удивило: бумаги, письма, расчетные книжки, свидетельство о рождении, фотоальбом в красной обложке. Джейк наугад открыл альбом. Старые фотографии. Застегнутые на все пуговицы люди чинно сидят перед фотографом. Семья на лужайке перед симпатичным домом. Девочка с крохотной собачкой под солнечным зонтом. Алисия в детстве?

Джейк отложил альбом и принялся за другие вещи. Длинные белые вечерние перчатки. Шахматы. Веер. Маникюрный набор. И ювелирные украшения, завернутые в белую папиросную бумагу. Много украшений. Среди них нашлось золотое кольцо, явно дорогое.

Осколки жизни погибшей женщины. Печально.

Джейк завернул кольцо в папиросную бумагу и положил его обратно.

Все это для него бесполезно.

Он уже собрался закончить с осмотром вещей, но тут что-то

плавно соскользнуло на дно чемодана. Это оказался черный бархатный мешочек, завязанный шнурками с золотыми кисточками. Джейк развязал мешочек. Внутри лежал тускло-серый металлический контейнер цилиндрической формы. Юноша открыл крышку контейнера и, к своему удивлению, обнаружил в нем катушку древней фотопленки с перфорированными краями и кадрами в черных рамках. Посмотрев на свет, увидел, что все кадры засвечены. Тогда Джейк положил пленку в контейнер и глянул на изнаночную сторону мешочка. Там были изящно вышиты три буквы: ДХС.

Джейк смотрел на инициалы и не мог поверить своим глазам. Потом снова полез в чемодан, отыскал в бумагах свидетельство о рождении и развернул его дрожащими пальцами.

Бумага на сгибах протерлась до дыр.

Джейк прочитал имя: Алисия Мэри. И имя ее отца: Джон Харкорт Симмс.

– У Симмса была дочь! – Джейк был настолько поражен, что произнес это вслух.

Симмс – человек, который украл зеркало и сумел его активировать. С Симмсом они столкнулись в туманном Лондоне Викторианской эпохи. И та женщина была его дочерью?

Значит, зеркало должно быть в ее доме.

Джейк от расстройства буквально опустил руки, и кое-какие бумаги упали на платформу. Он потянулся за ними, но чья-то рука в кожаной коричневой перчатке его опередила.

Джейк поднял голову.

Напротив него стоял мужчина среднего роста с тонкими чертами лица и темными проницательными глазами. Он был в длинном коричневом пальто свободного покроя и шляпе, которую, насколько помнил Джейк, называли федорой.

И он определенно был из полиции.

– Твое? – спросил мужчина.

– Э-э… да.

Джейк краем глаза заметил в нескольких футах от скамейки двух констеблей, а вместе с ними бдительного служащего из камеры хранения.

– Да, он, – уверенно подтвердил кладовщик.

Служака явно был доволен собой.

Полицейский кивнул и спросил:

– Как тебя зовут?

– Джейк Уайльд.

Джейку стало неловко, он не знал, как себя вести.

– Удостоверение личности? Продовольственная книжка?

– Я… у меня при себе нет.

– Понятно. Где живешь?

– В Уинтеркомбском аббатстве. Это не в Лондоне, в Западной Англии. Я живу там с моим крестным. – Джейк решил, что пришла пора произвести впечатление, он встал и расправил плечи. – Послушайте, я не понимаю…

– Сынок, не стоит говорить со мной в таком тоне. Птичьим языком частных школ меня не проймешь, – спокойно заявил полицейский. – И не рассказывай мне о том, что твой папочка – член магистрата, а мэм Симмс – твоя престарелая тетушка. Просто отойди от скамейки.

Джейк не двинулся с места:

– А вы, собственно, кто?

– Сынок, я – Скотленд-Ярд. Повторяю, отойди от скамейки. Быстро.

Джейк кивнул, закрыл крышку чемодана, а потом одним резким движением подхватил его и бросил в лицо полицейскому.

В воздух взлетели бумаги, на платформу посыпались украшения, а Джейк уже мчался прочь. Он перепрыгнул через чей-то багаж, увильнул от тележки с молочными бидонами.

За спиной кричали пассажиры, Джейк знал, что копы бегут за ним следом. Он быстрее, его не догнать.

Из-под колес локомотива вырвались клубы горячего пара. До отхода поезда оставались считаные секунды, двери в вагоны уже были закрыты. Юноша бросился к ближайшему вагону, распахнул дверь и запрыгнул внутрь. Там он пригладил волосы, уверенно прошел в купе первого класса и сел. Дыхание сбилось, но это не помешало ему с довольной улыбкой посмотреть в окно.

Вагон вздрогнул, поезд проехал чуть вперед и остановился. Раздался свисток.

Джейк, стараясь выглядеть спокойно, вытянул шею – глянуть, что происходит, – но, кроме пара над платформой, ничего не увидел.

А потом дверь в купе с грохотом открылась, красномордый сержант шагнул внутрь, схватил Джейка за плечо и рывком поставил на ноги.

– Вот ты где, мелкий пройдоха, от меня не уйдешь.

– Отпустите меня! Я ничего не сделал!

Джейк попытался вырваться, но хватка у сержанта оказалась железная.

Сержант развернул его лицом к выходу.

В дверях купе стоял тот самый полицейский из Скотленд-Ярда. Он еще не успел восстановить дыхание, но взгляд у него был уверенный и жесткий.

– Инспектор Алленби, – представился полицейский. – Думаю,

мистер Уайльд, вам придется проследовать со мной в участок и ответить на несколько вопросов.

– С какой стати? Что я сделал?

Алленби пожал плечами:

– Вот тебе на выбор: передвижение без должных документов, приобретение товаров обманным путем, сопротивление аресту и, весьма вероятно, государственная измена. Сынок, ты по уши влип. – Инспектор шагнул к Джейку и сунул ему под нос талон камеры хранения, так, чтобы он хорошо мог разглядеть номер 615. – Я не одну неделю ждал, когда же наконец кто-то с ним придет. А старая леди, похоже, заправляла целой сетью.

– Я не понимаю, о чем вы говорите! – изобразил возмущение Джейк.

– Только вот этого не надо. Джо, веди его в фургон.

– С превеликим удовольствием. – Красномордый профессионально заломил Джейку руку за спину. – Ты еще пожалеешь, что заставил меня побегать.

Сержант резко вытолкнул пленника из купе. Джейк взвыл от боли.

– Вы не смеете меня задерживать! У меня есть права!

– О, да неужели? – прорычал сержант. – Ты еще успеешь о них рассказать. В участке.

4

Группа, совершившая последнее восхождение на Катра-Симбу, состояла из пяти мужчин.

О том, что случилось на тех жутких склонах, ходило множество слухов, но, так как вернулся только Венн, лишь он один и знал правду. Венн никогда не рассказывал о произошедшем, но встречался с семьями каждого погибшего альпиниста.

Если бы Моррис и Джеймс сорвались в расселину, Венн сделал бы все возможное ради их спасения.

Его смелость не ставилась под сомнение.

Джин Ламартин. Странная жизнь Оберона Венна

Всю долгую дорогу в Девон Сара смотрела в окно на зеленые леса и вересковые пустоши.

Скрываясь в Лондоне, она не заметила, что уже апрель и весна вступила в свои права. Теперь же с удовольствием наблюдала за тем, как овечки, заслышав рев мотора, резво убегают подальше от автострады, и любовалась белыми зонтиками борщевика вдоль изгородей. В каждой рощице цвели колокольчики, на деревьях распустились почки. Рядом с полями щипали траву маленькие черные лошади.

Сара хорошо знала эти места. С наступлением сумерек на горизонте появились очертания Дартмура – холмы на лиловых пустошах под темнеющим небом. В полудреме Сара подумала подняться туда и вдохнуть свежий воздух. Когда-то они с отцом и тремя собаками любили гулять по этим холмам. Это было до того, как пришел Янус и уничтожил мир.

Уортон не беспокоил спутницу, он аккуратно вел машину и лишь изредка поглядывал на задремавшую девушку. Ближе к Эксетеру окончательно стемнело, и, если бы Сара случайно не открыла глаза и не заметила указатель на Принстон, они бы наверняка потеряли направление. Джордж ударил по тормозам, сдал назад и пересек встречную полосу, благо на дороге никого

не было.

– Молодец! Ты ж понимаешь, я просто хотел проверить – спишь ты или нет.

– Ага, – буркнула Сара и плотнее закуталась в пальто.

– Хочешь, остановимся? Сзади, кстати, есть вода и фрукты.

– Давайте не будем задерживаться. – Сара развернулась и потянулась к заднему сиденью. – Надо добраться туда, пока они не натворили каких-нибудь глупостей.

С наступлением темноты атмосфера в машине становилась все более напряженной.

Сара откусила яблоко и посмотрела в окно.

– Джордж, а как у вас дела? Вы хоть съездили домой? В Шептон-Маллет?

– Нет пока. Но поеду.

– А машина откуда?

– Ты же знаешь – аббатство в такой глуши, что без машины, если что-то потребуется, никак. – Уортон свернул на развилке и приготовился услышать очевидный вопрос.

– И каково вам там было? – тихо спросила Сара.

Джордж переключил скорость. Вдоль дороги мелькали освещенные прямоугольники окон коттеджей, изредка попадались вывески пабов.

– Каково? Пожалуй, это как жизнь в осажденном замке. Возьми хотя бы Ши. Ты их не видишь, не слышишь, но при этом знаешь, что они где-то рядом. Стоит оказаться вблизи Леса, сразу чувствуешь, что за тобой наблюдают. К тому же осажденные, с которыми ты живешь, зациклились на починке некоего диковинного механизма и все время что-то скрывают. Никогда не думал, что скажу такое, но у меня полное ощущение, что все вокруг – полоумные, а я единственный разумный человек. Прямо как будто вернулся в чертову школу.

Сара невольно улыбнулась:

– Пирс-то уж точно…

– Его сложно назвать нормальным. К тому же Венн эксплуатирует его как раба.

– А как там мой… Как Венн?

– Он одержимый. Кажется, не спит совсем. Признаюсь, он меня пугает. А после исчезновения Джейка все только усугубилось.

– Поподробнее, пожалуйста, – попросила Сара.

Они отъезжали все дальше от населенных мест, и Уортон обрадовался этой просьбе. Тому, что может наконец выговориться. Как будто, если рассказать обо всем кому-то, накопившийся страх постепенно ослабнет и исчезнет совсем.

– Три недели назад, кажется в среду, мы с Джейком работали в кухне. Ты ведь помнишь, что это единственное теплое помещение в аббатстве. И вот туда ворвался Пирс. Он был крайне возбужден и кричал: «Идите за мной! Скорее! Его сиятельство зовет!» Не понимаю, почему он использует этот идиотский титул… В общем, мы побежали. Джейк, естественно, первый. Оказалось, Венну с Пирсом удалось совершить своего рода прорыв. Зеркало вдруг каким-то непостижимым образом заработало. Они, надо отдать им должное, были готовы. Путешествие в шестидесятые двадцатого века планировалось не один месяц, и Пирс был уверен, что у них все получится. Джейк быстро переоделся в костюм, который не привлекал бы к нему внимания в любой обстановке. Вдобавок его снабдили всем необходимым в таком предприятии: выдали деньги, аптечку и усовершенствованный телефон, по которому, как надеялся Пирс, можно будет с ним связаться. И оружие.

– Ему дали пистолет?!

– По моей настоятельной просьбе. Я, понятное дело, вообще был против этой затеи, но ты же знаешь, какой Джейк. Этот высокомерный негодник высмеял меня… А потом еще и Венн ясно дал понять, что мое мнение ничего не значит. И Джейк надел браслет.

Машина подъезжала к аббатству, свет фар вырывал из темноты призрачные силуэты деревьев, ворота, погнутый указательный столб.

Уортон замолчал.

– И что было дальше? – тихо спросила Сара, потому что пауза слишком уж затянулась.

– Тебе ли не знать. Все сработало. Произошел мощнейший, направленный вовнутрь взрыв, казалось, зеркало способно вытянуть из тебя всю жизнь… всю душу. А когда я смог встать на ноги, Джейк уже исчез. – Уортон переключил скорость и продолжил хриплым голосом: – Мы ждали. Время – заклятый враг Венна – тянулось жутко медленно. Оно словно издевалось над ним, над всеми нами. Прошел час, потом два. Ночь. Затем – день. А Венн все сидел там, сгорбившись в кресле, и смотрел на свое отражение в зеркале, пока не начало казаться, что он сросся с этим черным камнем. Никогда в жизни не видел до такой степени отчаявшегося человека. Это было невыносимо. Я ушел в свою комнату, завалился на кровать и уснул, у меня просто больше не было сил. К тому же я осознал, что Джейк пропал так же, как пропал его отец. Ну и браслет вместе с ним.

Уортона переполняла злость и холодная ярость, Сара это чувствовала и не решалась заговорить.

Несколько секунд тишину нарушал лишь шорох колес по грязи. Девушка опустила стекло и вдохнула насыщенные запахи сырой земли и прелых листьев из Леса.

– На следующее утро, где-то около пяти, меня разбудили крики Венна, – продолжил рассказ Уортон. – Я подошел к окну и выглянул наружу. Венн стоял на парадном крыльце, не исключено, что немного пьяный. Дождь как из ведра, шквалистый ветер, а ему плевать. Он звал: «Приди ко мне, Саммер! Ты нужна мне! Слышишь меня, ведьма?»

Сара поежилась:

– Наверное, он был в отчаянии.

– Или обезумел.

– Она пришла?

– Никто не пришел. Но они его слышали. Птицы – скворцы, вороны, галки – взлетели над деревьями, кричали, каркали, громко хлопали крыльями, а затем устремились на запад. На крыльцо вышел Пирс с зонтом, и они с Венном страшно разругались. А я вывел машину и отправился искать тебя. Молюсь только, чтобы мы… – Уортон замолчал, как будто боялся закончить фразу, и остановил автомобиль, а потом все-таки добавил: – Чтобы мы не опоздали.

Ворота оказались распахнуты. Львов на колоннах увил плющ. Семена ужаса, дремавшие в душе Сары, дали ростки уверенности.

Уортон дважды просигналил:

– Держись!

Подъездная дорожка давно заросла сорняками, но теперь девушке казалось, что и деревья подступили ближе, будто собирались перекрыть им путь. А Лес при слабом свете звезд стал темнее и гуще, чем прежде, – гробовая тишина, черные тени и узловатые ветки.

Где-то рядом ухнула сова.

Сара поежилась, у нее было такое чувство, словно она возвращается в западню и это западня – одержимость Венна. Это пугало, потому что, если она попадется, если хотя бы на секунду пожалеет его, если ее решимость дрогнет, мир в далеком будущем будет уничтожен, а вместе с ним и вся ее жизнь.

Автомобиль продрался сквозь заросли сорняков на подъездной дороге, рывками объехал поваленное дерево, прошуршал по гравию и остановился. Сара посмотрела на серый фасад аббатства. В окнах было темно.

– Мы опоздали! – Уортон вылез из машины и бросился к дому.

Сара помчалась следом, обогнала его и взбежала на парадное крыльцо. Дверь была заперта.

Девушка позвонила и принялась яростно стучать по двери кулаками:

– Пирс! Венн!

В доме – темно и тихо, как будто там никто никогда и не жил.

Уортон нахмурился и сказал:

– Попробуем через кухню.

Они обогнули кусты и помчались в сторону конюшен. Сара вдруг остановилась, и Уортон чуть в нее не врезался.

– Слушайте!

Ветер принес из темноты тихое поскрипывание. Уортон никак не мог определить его источник. У него даже волосы на затылке зашевелились, настолько странным был этот звук. Висельник раскачивается на веревке? Или колеса проезжающей в ночи призрачной кареты?

– Озеро! – догадалась Сара и рванула с места.

Она бежала так быстро, что Уортон с трудом за ней поспевал.

– Сара! Подожди! – окликнул он. В Лесу было черно, вереск и ежевика цеплялись за ноги, один раз Уортон чудом не угодил в канаву, продрался через папоротник на заросшую вонючими грибами тропинку и снова закричал: – Сара!

Когда они наконец выбежали на берег озера, их ослепил свет фонариков.

Фонарики висели на ветках деревьев и скользили по водной глади, а некоторые парили в воздухе, будто маленькие звезды. И цвета их были просто восхитительные. Изумрудные, оранжевые, бирюзовые, они мерцали и переливались, словно драгоценные камни. К Саре подбежал Уортон, утопая по щиколотку в чем-то мягком. Оказалось, это лепестки. Лепестки миллионов роз, оставшиеся после церемонии. Из-за их насыщенного аромата было даже трудно дышать. Запах лета в самую холодную весеннюю ночь.

Уортон замер рядом с Сарой.

– Дело плохо, – пробормотал он.

– Да уж, – коротко отозвалась Сара. – Смотрите.

На обрывистом берегу озера стоял Венн. Его силуэт четко вырисовывался на фоне луны. К нему по темной воде двигалась небольшая лодка с увешанным фонариками шелковым тентом. Гребли четверо Ши. Скрипели весла. В лодке сидела молодая женщина, ее короткие черные волосы украшали цветы. Она была в простом, похожем на пеньюар, длинном белом платье, шлейф которого плыл за ней по воде. На красных губах Саммер играла торжествующая улыбка.

Лодка коснулась берега. Волшебница встала, слегка

покачнулась и подобрала подол платья, а потом протянула Венну длинную белую руку.

Немного поколебавшись, Венн шагнул вперед. Их пальцы коснулись друг друга.

– Нет! – яростно закричала Сара. Она не задумываясь рванулась к Венну, схватила его и оттащила от берега. – Ты что делаешь? С ума сошел? Забыл о Лии? Венн, как же Лия!

Потрясенный Венн уставился на Сару:

– Сара. Ты вернулась.

– И как раз вовремя. Как ты мог предать…

– Я не предаю, я делаю это, чтобы спасти ее.

Сара заметила, что он похудел. Щеки ввалились, а голубые глаза от внутренней боли стали еще холоднее и ярче. В них жутко было смотреть. Оберон словно ослеп. Сара выпустила его тяжелую руку и отступила на шаг:

– А вот она так не думает.

Саммер продолжала улыбаться. А потом в одно мгновение оказалась на берегу между Сарой и Венном.

Она рассмеялась звонким девичьим смехом и повернулась к Венну:

– С каких это пор ты стал слушать детей?

– Я никого не слушаю, – возразил Венн, но глаза его потемнели.

– Нет, ты будешь слушать! – Саре хотелось оттолкнуть Саммер, но она не осмеливалась прикоснуться к ней. Вместо этого обошла ее и снова встала перед Венном. – Да, я вернулась. Вернулась для того, чтобы работать с тобой над зеркалом. Чтобы найти Джейка, добыть браслет и вернуть Лию. Это то, чего ты хочешь, и мы это сделаем.

– Сара, ты не можешь…

– Ты понятия не имеешь о том, на что я способна! И о том, что я знаю. Тебе не приходило в голову, что я владею информацией из будущего, о которой ты даже не догадываешься, и могу ею воспользоваться?

– Какой, например?

– При ней я ничего не скажу. Избавься от нее. Ты всерьез думаешь, что ей можно хоть в чем-то верить? Ты сам говорил…

– У меня нет выбора, – прошептал Венн.

Признание поражения взбесило Сару.

– Нет, есть! Все это время я без устали занималась исследованиями и нашла страницу из записей Мортимера Ди. Она подскажет нам, как починить зеркало. Мы узнаем все секреты, которые знал он. Ты сможешь это использовать! Тебе не нужно обращаться к черной магии. Это опасно.

Саммер вздохнула. Легкий ветер зашелестел листьями деревьев. Казалось, что Лес пошел рябью от затаившейся в нем тревоги.

– Оберон… – заговорила Саммер.

Венн даже не посмотрел в ее сторону:

– Сара, как я могу тебе верить? Ты ведь хочешь уничтожить зеркало.

– Хочу. Но не сейчас. Поэтому я здесь. Чтобы вернуть Лию. Ты забыл, что я тебе говорила? Она моя прабабушка. Если мы не сможем ее вернуть, у меня не будет шанса появиться на свет.

Венн пристально уставился на нее светло-голубыми, как лед, глазами. Для них обоих это был очень напряженный и очень важный момент. Ветер откинул светлые волосы Оберона, приподнял воротник пальто Сары.

Тишину нарушил резкий, как хруст сломанной ветки, голос Саммер:

– Она врет, очевидно же! Оберон, девчонка на все пойдет, лишь бы получить свое. Идем со мной. Я прикажу своим людям, они прочешут весь Саммерленд и найдут Джейка. Это проще простого.

Венн молчал.

– Не смей меня игнорировать. – Теперь в ее голосе зазвучал лед.

Сара даже не моргнула.

Оберон опустил глаза, а потом резко отвернулся.

– Саммер, я передумал. Ты всегда слишком многого хочешь. Сара права. Обойдусь без тебя.

Красивая волшебница не изменилась в лице, не скривила красные губы, но в одну секунду со всех сторон задул ветер и поднял в воздух лепестки роз, превратив их в облака из черного пепла.

Сара отшатнулась. Уортон, который стоял у нее за спиной, ощутил на лице холодные струи косого дождя.

Саммер, босая, застыла на мокрой траве. За ней усыхала, менялась лодка: флажки превратились в паутину, тент – в лохмотья, четыре гребца взмахнули руками и взмыли в грозовое небо черными скворцами.

– О Венн, за это я разрушу твой дом!

Оберон подтолкнул Сару к Уортону:

– Идите в аббатство. Быстро!

Сара оцепенела, как мышь перед удавом.

Потому что Саммер начала перевоплощаться.

Ее глаза потемнели и расширились, белое платье превратилось в перья. Она распадалась на фрагменты, ее пальцы

вытянулись когтями, маленький красный рот вдруг стал хищным совиным клювом.

– Не стойте! – закричал Венн и дернул Сару за руку. – Беги!

Лес ожил. Между раскачивающимися деревьями двигались чьи-то тени. На фоне Луны, хлопая крыльями, пролетела стая летучих мышей.

Оглушительно завыл ветер.

Сара оторвала взгляд от исчезающей женщины и, не глядя под ноги, помчалась в темноту. Рядом, громко пыхтя, бежал Уортон.

Венн покинул берег последним. Посмотрев назад, Сара увидела, что он тоже оглядывается на ходу. За деревьями полыхал берег озера, будто свет фонариков перерос в пожарище. В небе серебряным кинжалом сверкнула молния.

Ветки трещали над головой, как пистолетные выстрелы, с деревьев осыпалась листва.

Уортон схватил Сару за руку:

– Сюда!

Падающие листья слепили ее. Вдалеке загрохотал гром. Зловещие, вселяющие ужас раскаты сотрясали Лес и всю землю до самого горизонта.

– Она нас убьет, – выдохнула Сара и услышала за спиной чей-то короткий смешок.

Это был Венн.

– Не сейчас, – бросил он.

Наконец они выбрались из подлеска на темную лужайку, и в ту же секунду все окна в аббатстве вспыхнули, как будто кто-то одновременно щелкнул всеми выключателями. Парадная дверь была распахнута настежь, а на пороге топталась маленькая фигура в белом халате.

Как только Сара подбежала к крыльцу, хлынул ливень, и в считаные секунды она вымокла до нитки. Волосы прилипли к голове, вода затекала в глаза и струилась по шее на спину.

Сара выпустила руку Уортона, поднялась по мокрым ступеням, пошатываясь вошла в холл и села на вымощенный черно-белыми плитами пол.

Уортон рядом с ней согнулся и ловил ртом воздух. Последним в холл ввалился Венн. Ветер с диким воем вырвал у него дверную ручку, а потом захлопнул дверь. Тяжело дыша, Оберон задвинул все засовы – от верхнего до нижнего.

– Саммер, не надорвись! – крикнул он.

Снаружи, словно в ответ, снова прогремел гром.

Пирс стоял, сцепив пальцы. Из-под белого халата выглядывал красный жилет.

– Где ты был? – набросился на него Венн. – Что ты за трус такой!

– Она меня пугает, – признался Пирс и пожал плечами. – Простите, мне очень жаль, но я не смог…

– Заткнись. – Венн повернулся к Саре. – Если ты меня обманула… Если я из-за тебя упустил свой последний шанс…

– Расслабься. – Сара медленно встала и откинула мокрые волосы. – Я сказала правду – обойдемся без нее. У меня страница из рукописи Ди. Вернее, ее фотография.

– А еще, – тихо произнес кто-то у нее за спиной, – у вас есть я.

На лестнице, подтянув колени к подбородку, сидел Гидеон. Он был в сшитой из зеленых лоскутов одежде Ши, и глаза его блестели, как у этих потусторонних существ. Но его бледная кожа была вполне человеческой, а в голосе звучали насмешливые нотки.

– Если хотите найти Джейка, позвольте это сделать мне. Я пройду через Саммерленд и выйду туда, где он сейчас.

Венн пристально посмотрел на Гидеона:

– Если Саммер узнает, то убьет тебя.

Гидеон бросил взгляд на Сару:

– И пусть. Это будет большим облегчением.

– Что? – не поняла Сара.

Гидеон пожал плечами и откинулся на ступеньки. Обида и злость буквально пожирали его.

– Смерть, – пояснил Гидеон.

5

Сегодня я попробовала снова. Приготовила стол, карты и доску. У меня есть карты Таро и хрустальный шар. Черное зеркало отца установила возле окна.

Должно быть, какой-то из этих предметов вызвал невероятную по силе энергию. После стольких лет я увидела духа! Прямо здесь, Джейн, в моей комнате!

Теперь никто не будет надо мной насмехаться. Дамы из Лиги парапсихологии больше не станут хихикать в свои платочки. Дорогая Джейн, мой дух-наставник даже назвал имя!

Его зовут Дэвид!

Из письма Алисии Харкорт Симмс к Джейн Хартфилд

– Садись.

В допросной из мебели были стол, стул и табурет.

Джейк устало опустился на табурет.

Ночь в камере оказалась сущим адом, там царили шум, страх и голод. Кожу саднило от соломенного матраса. Джейк постоянно чесался из-за блох и вдобавок ему разбили губу, когда он по глупости попросил заткнуться одного пьянчугу.

Ему требовалась горячая еда и постель, а вместо этого пришлось всю ночь держать ухо востро.

Инспектор Алленби, худой мужчина в аккуратном сером костюме, сел на стул. Он не стал ни о чем спрашивать. Вместо этого в зловещей тишине достал небольшую дорожную сумку, которую изъяли у Джейка при обыске, открыл и не спеша разложил на столе содержимое.

Джейк, стараясь казаться невозмутимым, наблюдал.

Расческа. Не пластмассовая, деревянная.

Кошелек с деньгами. Никакого риска – все выпущены до перехода к десятичной системе.

Аптечка. Таблетки и маленький стеклянный шприц.

Алленби пожелтевшими от никотина пальцами разделил

обезболивающие и антибиотики.

– Что это?

Джейк пожал плечами:

– Тетушкины лекарства от сердца. Купил по рецепту.

– Понятно. А это?

Алленби посмотрел Джейку в глаза.

Пистолет.

Юноша похолодел.

Маленький дамский пистолет с перламутровой рукояткой, сделан в середине девятнадцатого века. Пирс отыскал его в одном из чуланов аббатства, почистил и зарядил. С виду как игрушечный, но убить из него можно. Уортон настаивал на том, чтобы Джейку дали оружие.

Джейк мысленно проклял своего учителя.

– Просто антикварная вещица.

– Это – нарушение закона.

Джейк пожал плечами:

– Сейчас война. Тетушка захотела вооружиться. Так, на всякий случай.

– Например?

– Да не знаю я! На случай, если немецкие парашютисты ворвутся в ее дом. Она была старая… нервы ни к черту. Всего боялась.

Алленби закурил, потушил спичку и сказал:

– Поведай мне о… тетушке.

От Джейка не ускользнула эта короткая заминка. С неприятным чувством, будто он сам загоняет себя в угол, Джейк постарался припомнить все, что успел прочитать, когда просматривал бумаги из чемодана Алисии.

– Ну… ее зовут Алисия Харкорт Симмс. Она живет…

– Я знаю, где она живет. А еще знаю, что ей было семьдесят два года, она никогда не была замужем и не имела детей. А вот каким образом вдруг обрела любящего племянника, даже не представляю.

Джейк молчал.

Алленби подался вперед и уставился на него с нескрываемым интересом.

– Признаюсь, парень, ты меня озадачил. Есть в тебе что-то… не наше. Ты похож на иностранца, а у нас тут война в разгаре. – Инспектор выложил на стол сотовый телефон.

– Что это?

Джейк почувствовал, что начинает потеть.

– Не знаю. Нашел.

– Нашел?

– Да. На развалинах после бомбежки.

– Не вижу никаких повреждений. Просто поразительно. Из чего это сделано?

– Из бакелита?

– И что можно с помощью этого делать?

– Насколько я понимаю, ничего, – с легкостью ответил Джейк, потому что это была чистая правда.

Алленби откинулся на спинку стула и посмотрел на телефон. Потом стряхнул пепел в полную окурков пепельницу.

– Давай перейдем прямо к делу. Сказать, что я обо всем этом думаю?

Джейк пожал плечами – в этой ситуации явно лучше промолчать.

– Я знаю, кем была Алисия Симмс. Для всех, кто жил с ней по соседству, она была старушкой со странностями, которая гадала на кофейной гуще и устраивала спиритические сеансы. Эксцентричная, при деньгах, вполне безобидная. Типичная старушка из Средней Англии. Кружевные платочки, чаепития с викарием… Никто и заподозрить ничего не мог. И тем не менее к нам поступил сигнал о том, что она – шпионка. Паук в центре паутины вражеской сети, которая тянется к немецкой секретной полиции, то есть к СС.

У Джейка глаза полезли на лоб, а по спине пробежал холодок.

– Постойте-ка…

– А три дня назад она поняла, что мы на нее вышли. Наверное, кто-то из наших оказался слишком близко. Или духи подсказали. Алисия собрала чемодан и отправилась на Сент-Панкрас. Мы за ней следили и могли взять в любой момент. Она, видимо, знала об этом, потому что вместо того, чтобы сесть на поезд, сдала чемодан в камеру хранения и пошла пить чай в буфет. Там она мило беседовала, вязала и читала газеты. Из-за этой чертовой старушенции мои люди целый день потеряли. А потом просто вернулась домой. – Алленби затушил сигарету и усмехнулся. – Должен признаться, я втайне ею даже восхищался.

Джейк тряхнул головой:

– Ничего не понимаю. Вы – полицейский. Почему вы просто не взяли чемодан из…

– Не волнуйся, мы его взяли и проверили все содержимое.

– Ну тогда вы видели, что там не было ничего такого. Семейные бумаги. Пленка…

Алленби покачал головой:

– Пленка для просмотра слишком хрупкая. А в бумагах может содержаться зашифрованная информация. Имена, даты,

операции. Возможно, Алисия лично ничем и не занималась, но она была центром сети, через нее выходили на связь. Нам уже некоторое время известно об утечке информации из кабинета министров. Мы запустили дезу.

– Что?

– Дезинформацию. Просто, чтобы проверить. Деза прошла. Тогда мы установили все возможные связи между десятком людей, министров, секретарей, которые были в курсе этой информации. Проверили связи их жен. И оказалось, что шестеро из жен регулярно присутствовали на сеансах нашей милейшей старушки. – Алленби безрадостно улыбнулся. – Гениальное прикрытие. Мы установили слежку и выяснили, что в ее дом каждую неделю приходили самые разные люди: госслужащие, жены офицеров, члены парламента. Кто знает, какие послания передавались там под вертящимся столом или голосами якобы духов? – Инспектор рассмеялся. – Она шарлатанка, они все – мошенники. Но это мелочи, главное – это то, что Алисия была предательницей.

Джейк снова тряхнул головой, вскочил на ноги и быстро подошел к окну:

– Вы не можете знать наверняка. Это мог быть кто угодно из ее гостей. Моя тетя – просто старая женщина, которая думала, что способна говорить с духами.

– И ты в это веришь?

Джейк вспомнил слово, которое донеслось до него из-под завалов разбомбленного здания. Это было имя – Дэвид.

– Конечно нет. Но тетя верила.

– Не верила. Она была мошенницей и брала деньги у легковерных людей. Ну да ладно, за это я ее не виню. А вот измена – это другое дело. – Инспектор, как настоящий профессионал, спокойно наблюдал за Джейком. Потом резко скомандовал: – Сядь.

Джейк нахмурился и сел.

– Мы обыскали чемодан и вернули на место. Мы ждали, когда ты за ним придешь.

– Я?

– Кто угодно. Ее контакт.

– Не говорите глупости…

– У тебя был талон. Ты знал кодовое имя.

– Она дала мне этот талон! Передала через обломки во время бомбежки.

– Ты сказал, что она – твоя тетя.

Джейк лихорадочно думал, проклиная себя за глупость.

– Хорошо. Вы хотите узнать правду? Будет вам правда. Я

соврал. Она не моя тетя. Я никогда не был с ней знаком. Я просто шел по улице, понимаете? А дружинник заставил меня ему помогать. Я пытался вытащить ее из-под завалов, но бесполезно. Она понимала, что ей не выбраться, и перед смертью передала мне этот талон. – Джейк вытер грязное лицо такими же грязными ладонями. – Я хотел его выкинуть, а потом подумал… Вдруг там что-то ценное? Я не какой-то там вор… просто… просто мне было любопытно.

Не слишком ли много он наговорил? Инспектор должен поверить, что он напуган, запутался и вот-вот сломается. Что, в общем-то, недалеко от истины.

Алленби снова откинулся на спинку стула и посмотрел на Джейка карими глазами. Понять, о чем он в этот момент думал, было невозможно.

– Спеси, смотрю, у тебя поубавилось, – сказал инспектор.

Джейк пожал плечами:

– Я сглупил. Виноват.

– Так вы никогда не были знакомы?

– Никогда.

– И ты никогда о ней не слышал?

– До сегодняшнего дня – никогда. Клянусь.

Алленби сложил пальцы домиком и посмотрел на свои пожелтевшие от никотина ногти:

– Хотел бы я тебе верить.

Это было неожиданно. Джейк выпрямился.

– Значит, я могу идти? У вас нет причин держать меня здесь. У меня есть права.

– Это я уже слышал. Но сейчас война. На кону жизни миллионов людей. Так что ты должен мне кое-что объяснить.

– Что? Я не…

– Например, почему милейшая чокнутая старушка три дня назад, оставив этот чемодан в камере хранения, сообщила служащему: «Заберет мой племянник, его зовут Джейк Уайльд».

О боже.

Джейк выпучил глаза.

Это было подобно бомбе, пробившей крышу и разорвавшейся внутри дома.

Он уже встречался с этой старушкой – вернее, встретился бы с ней в будущем. В своем будущем и в ее прошлом. Вот почему Алисия знала его имя, знала, кем он был и что он окажется в этом времени.

– Так что вы, мистер Джейк Уайльд, в полном дерьме, – спокойно продолжил Алленби и прикурил следующую сигарету. – Но у тебя есть шанс все исправить, надо просто рассказать все

начистоту. На кого работаешь, как эти люди добывают информацию, где передатчик? Слей информацию обо всей сети. Я тебе по доброте душевной советую, потому что, если ты этого не сделаешь, мы будем вынуждены передать тебя военной полиции. Таков порядок. А уж они умеют добывать информацию, хотя методы у них малоприятные. Ну а потом тебя повесят.

Джейк провел ладонью по лицу и закрыл глаза. Что-то брякнуло по столу, и этот резкий звук заставил его встрепенуться. Он открыл глаза…

На столе лежал браслет.

– Послушай, ты мне нравишься. Поговори со мной. – Алленби положил сигарету в пепельницу и со скрипом придвинул стул ближе к столу. Он заметно оживился. – Этот браслет – не та вещица, которую носят такие ребята, как ты. Серебряный. Тяжелый. Старинный. А еще вот это… – Инспектор выудил из кошелька несколько монет и разложил их на столе.

Джейк уставился на монеты. Шиллинг, шестипенсовик. Пирс проследил за тем, чтобы все они были выпущены…

Юноша снова закрыл глаза.

Черт, черт, черт! Выпущены до шестидесятого года!

Шестипенсовик, который лежал ближе к его руке, был выпущен в одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмом. С него на Джейка искоса смотрела королева Елизавета.

– Откуда ты появился? – Алленби постучал пальцем по монете. – Вот это – то, чего я не могу понять. Несмотря на отличную подготовку, тебя выдали монеты, которые будут выпущены только через шестнадцать лет. Очень большая ошибка. Можно подумать, что…

Инспектора прервал стук в дверь. Он нахмурился, отодвинулся от стола и подошел к двери. Джейк увидел в дверном проеме дюжего сержанта. Тот что-то тихо сказал, вид у него был обеспокоенный. Алленби оглядел допросную, и они ушли.

Джейк громко застонал.

Господи, и как его угораздило вляпаться в такую передрягу?

Не в силах усидеть на месте, он вскочил и несколько раз зло ударил ладонью по неоштукатуренной кирпичной стене.

Комната была не такой, как допросные в телесериалах. Никаких двухсторонних зеркал, никаких записывающих устройств, и присутствием ответственного взрослого никто не озаботился. Но адвокат-то ему положен? Или в военное время и это право отменяется?

Повесят.

От этого слова у Джейка перехватывало дыхание. Оно

застревало в горле, на секунду от паники он даже потерял способность глотать и закашлялся.

Надо взять себя в руки.

Взять…

Джейк резко развернулся на сто восемьдесят градусов. Браслет так и лежал на столе. Юноша быстро надел его на запястье, щелкнул замком и подтянул повыше под рукав. Они, конечно, найдут, но…

Послышались чьи-то голоса.

Джейк отпрыгнул от стола и встал рядом со стулом.

Дверь распахнулась, в допросную вошел Алленби, а следом за ним сержант. Вид у обоих был крайне серьезный.

– Мне жаль, парень, но слишком поздно. Военная полиция уже здесь.

Джейк попятился:

– Что?

– Они за тобой. Боюсь, я ничего не могу сделать. Сержант!

Здоровяк достал из кармана наручники.

– Протяни руки, сынок.

– Я не дамся!

Джейк встал у стены и сжал кулаки.

– Парень, даже не думай, ты за всю жизнь столько хот-догов не съел, сколько я наручников на задержанных надел. Глазом моргнуть не успеешь, а я даже не вспотею.

Джейк стоял, прижавшись спиной к сырой кирпичной стене, и умоляюще смотрел на инспектора.

– Вы не можете позволить им вот так забрать меня.

– Ничего не могу поделать.

– Я буду говорить! Все расскажу! Но только вам.

Сержант глянул на инспектора.

– И откуда мне знать, что ты не врешь? – тихо спросил Алленби.

Джейк усилием воли заставил себя расправить плечи, разжал кулаки и развел руки.

– Отдадите меня – и никогда не узнаете. Предлагаю сделку. Они меня не забирают, и я все выкладываю.

Инспектор внимательно посмотрел на Джейка:

– Если попробуешь…

– Не буду я ничего пробовать. У меня что, есть выбор? – Джейк шагнул вперед. – Меня поймали, я признаю. Я сдам вам самую крупную шпионскую сеть в стране. Все расскажу. Имена, даты, планы диверсий. На блюдечке поднесу.

Они смотрели друг другу в глаза.

Джейк мысленно молился. Инспектору не устоять.

Алленби пожал плечами:

– Ладно. Хотя придется ради такого дела прогнуться. Сержант, отведите его в камеру. Все вещдоки – под замок. О чемодане, кроме нас, никто знать не должен. Ясно?

Пока он говорил, послышался какой-то гул. Он нарастал и постепенно перешел в протяжный вой. Джейк не сразу понял, что это воздушная тревога.

– Вот черт, опять эти шаромыжники, – пробормотал сержант.

– Отведи его вниз, – приказал Алленби и быстро вышел из допросной.

– Только без наручников, – потребовал Джейк.

– Ты, парень, не выделывайся, – сквозь зубы сказал сержант. – Я тебе и мешок на голову надеть могу.

Он выволок Джейка в обшарпанный коридор и повел вниз по освещенной мерцающими лампами лестнице. Снаружи резко оборвался вой сирен. На пару секунд наступила гробовая тишина, а потом откуда-то издалека донеслись глухие разрывы бомб.

– Черт, снова бьют по Ист-Энду. – Сержант достал ключ, открыл дверь и подтолкнул Джейка в спину: – Заходи.

Парнишка и опомниться не успел, как оказался в темной камере на скользком влажном полу, где пахло мочой и плесенью.

Он бросился обратно и уткнулся носом в зарешеченное окошко.

– А если нас начнут бомбить?

– Молись, чтобы этого не случилось. Они ж для тебя свои.

Джейк развернулся и посмотрел в полумрак камеры. Что ж, он все еще близко к зеркалу, его не повезли в какую-то там военную тюрьму у черта на рогах, да и браслет удалось вернуть.

Глаза привыкли к полумраку. Оказалось, он в камере не один. На нарах возле стены растянулся какой-то человек в пятнистом серо-зеленом плаще.

Джейк соскользнул вниз по стене на пол и подтянул колени к подбородку. Теперь было бы неплохо подремать. Проспать несколько часов кряду.

Но тут подал голос человек на нарах:

– Похоже, ты совсем не рад меня видеть.

Джейк первые секунды не шевелился, потом поднял голову.

Напротив, откинувшись на стену, сидел Гидеон. Его бледное лицо было перепачкано сажей, а длинные спутанные волосы убраны под воротник лоскутного плаща.

Джейк буквально окаменел от удивления:

– Откуда ты взялся? Черт, как ты сюда попал?

– Через Саммерленд. – Гидеон вытянул ноги. – И поверь, это было непросто.

– Но… как ты меня нашел?

– Искал и нашел. Есть разные способы.

– Как искал? На это потребовалась бы куча…

– Никакого времени мне не потребовалось. – Гидеон покачал головой и, прищурившись, посмотрел на Джейка зелеными глазами. Похоже, его забавлял этот разговор. – Вижу, ты так и не усвоил: в Саммерленде нет времени. Вообще нет.

Джейк с трудом поднялся на ноги:

– Тебя Венн прислал? Но… она… Саммер… Господи, и что же он пообещал ей взамен?

Гидеон опустил глаза:

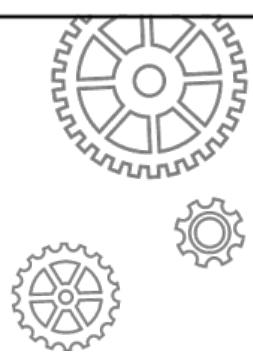
– Саммер ничего об этом не знает. Это была моя идея и Сары.

Впервые за долгое время в душе Джейка затеплилась искорка надежды. В нескольких кварталах от них падали бомбы, с потолка сыпалась штукатурка, а он улыбался.

– Значит, Сара вернулась.

Словно бы один только факт ее возвращения гарантировал, что теперь все будет хорошо.

И знать, чье семя всхоже, чье – не всхоже… [3]



6

Каким образом Янус завладел зеркалом, доподлинно неизвестно. Считается, что среди его первых советников был человек, тайно прибывший из района, который когда-то назывался Токио. У «Зевса» нет данных на этого человека, нет и его изображений. Известно только, что вместе с ним прибыл груз из тщательно упакованных предметов. Охранников, которые его сопровождали, более никто не видел. В информации о перелетах и в таможенных документах следы груза обнаружены не были.

Груз переправили в Лондон.

Сразу после этого начались толчки и землетрясения.

Тайная передача данных «Зевса». Биография Януса

Просыпалась Сара очень медленно. Долго лежала, свернувшись калачиком на белых простынях, и не хотела расставаться со своими видениями. Но сон постепенно рассыпался, и его атмосфера таяла прозрачной дымкой.

Во сне она стояла на коленях в этой самой комнате, в своем времени, а в щели между обугленными балками под потолком виднелось серое небо и капала вода. Все стены оплел блестящий от влаги плющ. Сара прятала свои сокровища в тайник под половицей. Ракушка, кукла, детский, нарисованный восковыми мелками рисунок: красный дом и желтое солнце с расходящимися во все стороны лучами.

Сара села на кровати и огляделась.

В конце времен, в сотне лет от этой эпохи аббатство превратится в обугленные руины. Дубы прорастут сквозь пол из черно-белых плит и разрушат лестницу. Ее семья жила – нет, будет жить! – в маленьком домике, который родители построят в углу клуатра из уцелевших от пожара камней, бревен и досок.

Горькие и болезненные воспоминания. Девушка отбросила простыни и свесила ноги с кровати. В комнате было темно и

душно. Сара босиком подошла к окну и раздвинула тяжелые бархатные шторы.

Утро выдалось тихим и спокойным.

Сотворенная Саммер буря бушевала всю ночь. Она разорвала молодую весну в клочья: смяла все колокольчики, безжалостно сорвала сережки и набухшие почки. Небо затянули серые тучи, сквозь завесу мелкого холодного дождя смутно вырисовывались деревья. Ветер раскачивал черные ветки. Сара не в первый раз заметила, каким на самом деле крохотным убежищем было аббатство в сердце Леса. Дубы и буки подступили так близко, что холмы и серые очертания Дартмура можно было увидеть только из окон верхнего этажа.

Девушка надела старый красный халат, выданный Пирсом, потуже завязала пояс. Потом забралась на подоконник и открыла окно. Шторы заколыхались от порывов холодного ветра с соленым привкусом далекого моря.

Сара позволила себе слабо улыбнуться.

Она была рада своему возвращению. В конце концов, ее фамилия Венн и это ее земля.

Ее дом.

Скрипнула половица. Сара посмотрела под ноги, и еще один фрагмент из сна всплыл у нее в памяти.

Мама готовит в кухне. Отец рубит дрова во дворе. И вдруг сквозь звучавшую по старому волновому радиоприемнику музыку прорывается голос Януса.

– Теперь мир принадлежит мне! Мир – это я!

Мама выключает радио и с содроганием говорит:

– Нет! Никогда этого не будет!

Но это не останавливает Януса. Он просачивается, выползает из радиоприемника, который превращается в небольшой красный автомобиль Уортона. И вот он уже в кухне. Человек с жидкими прилизанными волосами, в очках с синими линзами и в аккуратной черной форме.

– Боюсь, время пришло, – говорит Янус.

К дому подъезжает колонна из нескольких последних грузовиков, уцелевших в этом мире.

В этот момент Сара всегда просыпалась. Как будто бы разум хотел оградить ее от кошмара, который последовал за всем этим.

Маму волокут из дома. Она кричит. Отец с топором в руке выбегает из-за угла. Его тут же сбивает с ног мощный разряд бластера. Отца уносят, одна рука свисает с носилок.

Сара поджала губы и отвернулась от окна. Это не поможет. Родители живы. Будут живы через десятки лет. И только она в состоянии им помочь.

Девушка быстро, пока еще хватало мужества, открыла тайник. Там лежали серый блокнот и маленькая черная ручка, которую она взяла из будущего. Когда-то здесь еще лежали бриллиантовая брошь, что она отдала Венну, и половина греческой монеты – ее забрала Саммер. Все, что осталось от мира Сары.

На колпачке ручки выгравирована буква Z. Члены группы «Зевс» пользовались такими ручками для тайной переписки, а теперь не осталось никого, кто мог бы ей ответить.

Никого из ее друзей.

Сара сняла колпачок, замерла в нерешительности на несколько долгих секунд, а потом быстро и с нажимом написала в блокноте:

«Есть там кто-нибудь?»

Ответ Януса последовал так быстро, что у Сары даже перехватило дыхание.

«НАДЕЯЛСЯ, ЧТО ТЫ НЕ ЗАСТАВИШЬ СЕБЯ ЖДАТЬ. ХОТЯ Я ОЧЕНЬ ТЕРПЕЛИВ».

Саре стало противно. Она чувствовала себя предательницей, но ей нужна информация.

«Что там происходит? Черное зеркало…»

«…ЕЩЕ НЕ УНИЧТОЖИЛО ЭТОТ МИР! В КОНЦЕ КОНЦОВ, ТЫ ОТСУТСТВУЕШЬ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО СЕКУНД».

Сара смотрела на возникающие в блокноте строчки. Почерк был летящий и небрежный.

«НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ЧУВСТВОВАЛА СЕБЯ ТАМ, В ПРОШЛОМ, ОДИНОКО. ПОЭТОМУ ПОСЛАЛ К ТЕБЕ СВОИХ ДЕТИШЕК».

Уортон постучал в дверь, и она от неожиданности выронила ручку.

– Сара, ты встала? Пирс зовет завтракать.

– Да, сейчас буду.

Потом – звук удаляющихся шагов в коридоре.

«О чем ты?» – написала Сара.

«ПОСМОТРИ – И САМА УВИДИШЬ».

Внезапный порыв ветра с грохотом распахнул окно и зашелестел страницами в блокноте.

Сара схватилась за подоконник и замерла, не в силах поверить своим глазам.

На лужайке на самом краю леса играли дети. Три маленьких, похожих друг на друга мальчика в старомодной школьной форме играли в чехарду. Тройняшки. Один наклонился, двое по очереди через него перепрыгнули. Потом мальчики выстроились в ряд и уставились в ее сторону. Безмолвная троица.

– Кто вы такие? – крикнула Сара. – Откуда…

Дети одновременно развернулись спиной к дому.

Сара снова окликнула их:

– Подождите!

Но мальчики уходили в Лес. Только последний, прежде чем нырнуть под черные ветки, обернулся и…

Помахал Саре.

– Отойди от двери! – скомандовал сержант и быстро повернул ключ в замке. – И прекрати шуметь!

Как только он перешагнул порог камеры, очередная бомба упала так близко, что с потолка посыпалась штукатурка.

– Давай, Уайльд, шевелись. Всех арестованных эвакуируют.

Освещение в камере было тусклым.

Сержант боковым зрением заметил какое-то движение, обернулся и выругался. Рядом с пацаном-шпионом, словно его тень, стоял некто настолько бледный и худой, что сержант даже принял его за своего родного брата Альберта, который уже давно покоился в могиле.

А потом они набросились на него. Сержант хотел закричать и тут же получил кляп из вонючей тряпки. Он яростно отбивался, но эти мерзавцы оказались шустрее. А шпион к тому же знал несколько приемов из восточных единоборств. В результате сержанта сбили с ног, заломили руки за спину и, несмотря на сопротивление, крепко связали.

Джейк сел сержанту на грудь и приказал:

– Лежите тихо и слушайте.

В небе над участком гудел самолет.

– Мне жаль, но придется оставить вас здесь. Надеюсь, с вами все будет в порядке. Я должен уйти и хотел бы, чтобы вы сказали Алленби – я не шпион. Он все неправильно понял. Я просто вляпался. Понимаете?

Сержант снова выругался, зло, но неразборчиво, а потом в его глазах появился страх. Над ним склонился Гидеон с необычным ножом в руке.

– А почему бы нам не заткнуть его навсегда? – спросил он.

Джейк вытаращил на него глаза:

– Ты с ума сошел?

– Если он высвободится…

– Ты слишком долго жил с Ши и теперь превращаешься в одного из них.

Гидеон сверкнул блестящими, как у птицы, глазами:

– Я такой же человек, как и ты, смертный!

Секунду они с Джейком с сомнением смотрели друг на друга.

Гидеон резко встал:

– Делай, что хочешь. Нам пора уходить.

Когда Джейк подошел к двери, здание снова тряхнуло, и он поморщился. Ему не хотелось оставлять сержанта в камере во время бомбежки, но другого выхода не было.

– Мне очень жаль, – повторил он. – Правда.

Джейк закрыл за собой дверь и запер ее на замок, а потом, немного поколебавшись, бросил ключи в зарешеченное окно.

Гидеон схватил его за плечо:

– Ты что делаешь! Он развяжется…

– Я – человек. А к этому времени мы уже будем далеко. Но сначала нужно найти чемодан.

Уортон вошел в кухню и с порога успел услышать слова Пирса:

– …не должна ничего об этом знать. Но учитель…

– Что учитель? – подал голос Уортон.

Венн, который стоял возле очага, вскинул голову. Его взгляд был ясным и холодным как лед. Венн секунду испытующе смотрел на Уортона, а потом, немало его удивив, сказал:

– Я думаю, мы вполне можем доверять учителю.

Пирс, в белом поварском фартуке, обильно заляпанном чем-то вроде томатного соуса, сидел на скамейке у очага, чудно́ скрестив ноги.

Он вздохнул и пожал плечами:

– Вам решать, ваше сиятельство.

– Доверять в чем? – спросил Уортон.

Венн не ответил. Вместо этого подошел к двери и выглянул в тускло освещенный коридор. Потом плотно закрыл дверь и вернулся к очагу. Одна из семи черных кошек ходила за ним по пятам.

– Вам надо кое о чем знать, – произнес он, глядя на огонь. – Если только… Джейк рассказывал вам о монете?

– О какой монете?

Пирс встал со скамейки:

– Приготовлю-ка я чай. Или кофе?

– Значит, не рассказывал. – Оберон повернулся к Уортону. – Видимо, решил проявить осторожность.

Уортон прошел к столу, сел и отодвинул немытые тарелки:

– Пирс, мне кофе, пожалуйста.

Венн был в своем неизменном черном пиджаке. Волосы он небрежно зачесал назад. Уортону оставалось только завидовать его безразличию к собственной внешности.

Венн, к удивлению Уортона, сел напротив него, положил

руки на стол и сцепил длинные пальцы:

– Ночь, когда от нас ушла Сара. На Рождество. В ту ночь человек, который назвался Маскелайном, рассказал нам с Джейком кое-что важное о зеркале.

Уортон кивнул:

– Мужчина со шрамом. Странный тип. Он явно много знает и о многом недоговаривает.

– Согласен. Очевидно, что его связь с зеркалом тянется с давних пор. Помните: он владел зеркалом еще до Симмса. Входил в него, путешествовал во времени, причем без браслета, и практически не пострадал. Он жаждет получить его обратно.

– Вы видели его после той ночи? – уточнил Уортон.

Пирс поставил перед ним чашку с дымящимся кофе и ответил:

– Ни разу не заметил. Ни на камерах видеонаблюдения, ни в поместье, ни в деревне. Как сквозь землю провалился. И та девчонка, Ребекка, вместе с ним.

– Не о ней речь, – раздраженно сказал Венн, наблюдая за тем, как Уортон размешивает сахар в чашке и вдыхает аромат кофе. – По словам Маскелайна, обсидиановое зеркало не может быть уничтожено. Цитирую дословно: «Зеркало не уничтожит ни огонь, ни ветер, ни вода. Есть только один способ его уничтожить».

Уортон нахмурился и отпил глоток кофе:

– И что это за способ? Кстати, Пирс, великолепный кофе.

Дворецкий скромно улыбнулся.

– Да ради бога! – сорвался на крик Венн. – Вы меня слушаете или нет? Он рассказал нам, что существует некий артефакт – золотая монета, греческий статир с головой Зевса. В нем достаточно энергии для того, чтобы уничтожить зеркало. Маскелайн объяснил, что монету разрубили пополам и половинки разделили во времени и пространстве так, чтобы они никогда даже случайно не могли быть соединены. Один Бог знает, что произошло с одной из половин монеты, но другая сейчас здесь.

Уортона наконец проняло. Он так резко поставил чашку на блюдце, что едва не расплескал кофе.

– О господи. Это та, что Сара носит на золотой цепочке?

– Именно. – Венн нервно постучал по столу. – Она взяла ее с собой из времени гибели этого мира. Это та самая половина монеты, которая оказалась у Симмса и привела его к зеркалу.

– Но… – Уортон так разволновался, что даже встал из-за стола. – Сара ведь отдала ее Саммер!

Страшный смысл этих слов повис в воздухе вполне реальной угрозой.

– Сара не знает, какой силой обладает эта вещь, – вздохнув, сказал Пирс и добавил: – Не знала.

– И не должна узнать. – Венн тоже встал и посмотрел в глаза Уортону. – Ее миссия – уничтожить зеркало. Я не могу этого допустить. Если Сара узнает о силе, которая сокрыта в этой монете, она может…

– Но вторая половина утеряна…

– Это не значит, что она не станет ее искать. Я должен сохранить зеркало. Иначе больше никогда не увижу Лию.

Венн пошатнулся, и Уортон на долю секунды почувствовал, насколько он напряжен. Как сжатая пружина. Казалось, одно необдуманно сказанное слово или даже невысказанная крамольная мысль – и он сорвется.

Кошка, которая сидела на подоконнике, перестала вылизываться и посмотрела на них.

Венн перевел дух и понизил голос:

– Сара не должна об этом узнать. И Саммер тоже.

Уортон медленно опустился на стул и попытался спокойно осмыслить услышанное.

– А что, если Саммер уже знает? Сара не предлагала ей монету в качестве вознаграждения, та сама потребовала.

– Тогда все еще хуже, чем я себе представлял, – пробормотал Венн и подошел к окну. – Допустим на минуту, что королева Леса понятия не имеет о том, какой силой обладает половина монеты, которую носит на своей прекрасной белой шее. В этом случае мой план, вернее, единственный возможный план таков: надо забрать у нее монету. Но с Саммер всегда все непросто. Стоит ей почуять, насколько это для меня важно, она с огромным удовольствием примется меня дразнить, но монету не отдаст.

Венн умолк, лицо его словно окаменело, а когда вновь заговорил, голос был таким тихим, что Уортон с трудом его расслышал.

– Лия, неужели это – мое наказание? Как только я смогу управлять зеркалом, то сразу приду за тобой. Клянусь! – Он резко повернулся к Пирсу. – Мне нужен план.

Пирс напрягся:

– Та еще задачка.

– А вы, – обратился к Уортону Венн, – никому ни слова. Я поделился с вами только потому, что вы мне нужны. Это единственная причина.

Уортон непроизвольно сжал кулак:

– Не советую говорить со мной в таком тоне. Пирс, может, и ваш раб, а я – нет.

Венн только пожал плечами:

– Прекрасно. Тогда уходите. Вас никто не держит.

– Пока не вернется Джейк, я никуда не уйду. Что касается Сары, я не любитель хитрить и сам решу, что ей говорить, а что – нет.

– О чем, интересно?

Голос Сары прозвучал совершенно неожиданно.

Уортон повернулся к двери. Она стояла на пороге. С чистыми волосами и в рваных джинсах. В глазах – искренний интерес.

Все молчали, и от этого напряжение в атмосфере только усилилось. Венн холодными, как арктический лед, глазами пристально смотрел на Уортона. Да они все на него уставились! А что он мог сделать? Казалось, его искренне сказанные слова все еще эхом звучат в кухне. Но в этот момент Джордж, как бы ему этого ни хотелось, осознал, что главное для него – безопасность Джейка. Зеркало надо сохранить.

Уортон скривился и протянул:

– Ну-у…

Теперь Оберон смотрел на него уже как ястреб на убегающую крысу.

Пирс задержал дыхание.

– Что – ну? – спросила Сара.

Уортон замялся, потом облизнул губы и с недовольным видом ответил:

– Только то, что нет никаких вестей. Ни от Гидеона, ни от Джейка.

В участке не было ни души.

Джейк бежал по коридору и объяснял на ходу:

– Надо найти его кабинет. Алленби. На двери табличка.

– Вот и читай сам таблички, – невозмутимо сказал Гидеон.

– А тебя что, читать не научили? – изумился Джейк.

– Учеба не для родившегося в лачуге великого волшебника, – саркастически ответил Гидеон.

Джейк нашел нужную дверь и ворвался в кабинет. На секунду отвлекся, представив, какой была жизнь Гидеона в далеком прошлом, а потом приступил к поискам: обшарил все полки и картотечные шкафы. Один ящик оказался заперт, Джейк с помощью металлической линейки быстро отжал замок.

– Нашел!

Уайльд достал чемодан и тут же его открыл.

Гидеон остался у двери и наблюдал за плохо освещенным коридором.

– Слышишь? – спросил он.

Доносившийся откуда-то издалека звук походил на вой

металлической твари из других миров. Гидеон выхватил кремневый нож.

– Это всего лишь отбой воздушной тревоги, – успокоил его Джейк. – Сигнал о том, что бомбежка закончилась.

Гидеон продолжал прислушиваться.

– Не понимаю, что происходит в этом времени, – признался он. – Эта война ведется с помощью машин? Машины воюют друг с другом или с людьми?

– Тебе лучше не знать.

Джейк сосредоточенно перебирал содержимое чемодана, нашел свидетельство о рождении и спрятал его в карман.

Гидеон насторожился:

– Я слышу голоса. Люди возвращаются.

Джейк ничего не слышал, но он знал, что у подменыша слух такой же острый, как у Ши. Фотоальбомы и письма пришлось отложить в сторону: интересно, конечно, но нет времени их рассматривать. Под руку попался черный бархатный мешочек. В этот же момент где-то в здании хлопнула дверь. Джейк вытащил мешочек из чемодана.

– Готов? – спросил от двери Гидеон.

Джейк развязал мешок и вытряхнул металлическую кассету с пленкой. Что на этой пленке? Возможно, Алисия хотела, чтобы он увидел именно это?

– Джейк! Уходим!

Гидеон запер дверь и подошел к окну. Теперь даже Уайльд слышал голоса, грохот замков и злобные вопли сержанта.

На окне – решетка. Гидеон содрогнулся, прикоснувшись к металлу, но все-таки забрался на подоконник и протиснулся между прутьями. Джейк даже понять ничего не успел.

– Подожди! – крикнул он. – Я не пролезу!

– А ты постарайся.

Голоса звучали уже в коридоре. Кто-то подергал ручку и настойчиво постучал.

– Уайльд, открой эту чертову дверь! – крикнул Алленби.

– Возьми это и передай Венну.

Джейк отдал Гидеону бархатный мешочек и бумаги. После этого протиснул между прутьями левое плечо, отвернул голову и попытался пролезть всем телом. От напряжения Джейк даже вспотел, но ничего не получалось.

Дверь трещала от ударов.

Гидеон схватил Джейка за руку.

– Не надо! Не тяни! Я застрял.

Джейк был худым и довольно гибким, но расстояние между прутьями оказалось слишком маленьким. Его голова будто в

тиски попала. Джейк испугался, что навсегда. Его охватила паника.

– Не могу! Ни туда, ни сюда!

– Ты сможешь! – Гидеон снова схватил его за руку. – Отталкивайся!

– Нет, слишком поздно!

Что-то затрещало. Джейку на секунду показалось, что это его голова, но потом он услышал, как выбили дверной замок. Зажатый между прутьями на полпути к свободе, он стянул с руки браслет и бросил Гидеону. Тот с легкостью его поймал.

– Отдай Венну. Только не Саммер! Обещай! – крикнул Джейк.

Кто-то схватил его и грубо, не заботясь о возможном физическом ущербе, потянул обратно в комнату. В итоге он оказался на полу в центре круга из черных ботинок.

За окном уже никого не было. Если Гидеон и дал обещание, то Джейк его не услышал.

7

Что отражает мое зеркало?

Оно отражает не внешность, а суть человека.

Не то, что он ищет, а то, что нашел.

Мортимер Ди. Исследование тайн

Из дневника Алисии Харкорт Симмс

После кончины моего дорогого отца я, его единственная наследница, считаю, что будет правильным продолжить вести его дневник. Это – моя дань уважения ему. Его звали Джон Харкорт Симмс. Отец занимался своими исследованиями в Викторианскую эпоху, когда оккультизм был так же уважаем, как любая отрасль науки. С тех пор прошло много лет и все изменилось, сейчас за веру в призраков меня считают глупой женщиной и насмехаются за спиной.

До того дня, когда пришло то письмо, я практически ничего не знала об отце.

Я жила тихой жизнью с тетей и дядей в Йоркшире, в доме приходского священника в Чарлкот-троп. Это небольшая, открытая всем ветрам деревушка на вересковых пустошах. До ближайшего города десять миль пути. Я жила в том мрачном и запущенном доме с восьми лет, с того года, когда моя мама ушла в мир иной. Ее разлучили с моим папой, и никто так и не объяснил мне почему. Меня держали в неведении. Тетя и дядя об этом никогда со мной не разговаривали. Я могла только предполагать, что случился какой-то скандал, некое позорное для репутации порядочного человека происшествие. Мама даже вернула свою девичью фамилию – Фейвершэм. Но я детским еще почерком втайне практиковалась в написании своего настоящего, запретного имени:

Алисия Харкорт Симмс.

Даже тогда мне казалось, что оно звучит благородно. Стоило мне его произнести, как я чувствовала себя особенной, словно смотрела на свое отражение в сокрытом от всех зеркале.

Я росла замкнутым ребенком. Не то чтобы со мной дурно

обращались, но не любили – это точно. Я прекрасно понимала, что тетя взяла меня лишь из чувства долга перед моей покойной матерью. Играть я могла только с куклами – деревенские дети считались слишком неотесанными и в дом их не пускали. Порой я чуть-чуть раздвигала тяжелые бархатные шторы и наблюдала за тем, как они бегают по пустоши, а за ними гоняется маленькая лохматая собачка. Их крики, ссоры и потасовки, то, что у них есть настоящие семьи, все вызывало у меня зависть. Я производила впечатление молчаливой и воспитанной девочки, но на самом деле в душе всегда была бунтаркой.

Я ненавидела свою жизнь!

Вероятно, именно из-за этого мне очень хотелось как можно больше узнать о своем отце. Однажды я тихо вошла в комнату и услышала, как тетя рассказывает своей подружке, жене викария: «Дорогая, он практиковал оккультизм, ужасные, дьявольские вещи. Несомненно, он был самым испорченным и низким типом. То, что сестра попала под его чары, до сих пор самая большая печаль в моей жизни. Болтают, что этот человек как-то даже взял в дом девчонку с улицы и она буквально стала…»

Тут они меня заметили и сразу прервали разговор.

Сколько раз, свернувшись калачиком под одеялом, я мысленно повторяла эти слова! Пыталась представить, каким был мой отец. Низкий, испорченный человек! Я дрожала от восторга. Рисовала в своем воображении высокого и чертовски красивого джентльмена с закрученными усами. Мечтала о том, что однажды наступит день, когда он приедет в большом экипаже и увезет меня из этого тоскливого темного дома в Париж, в Рим, в Лондон!

Но он так и не приехал.

Вместо этого на мой двадцать первый день рождения пришло письмо.

Сара разложила на кухонном столе распечатанные фотографии манускрипта Мортимера Ди. Пирс их увеличил, чтобы было легче рассмотреть рисунки и хитросплетения из закодированных фраз.

Венн взял одну фотографию и принялся ее разглядывать.

Уортон повертел в руках другую. Он даже не понимал, где верх, где низ.

– Чертовщина какая-то. Вот что это? Башня, маска птицы, журавль? А тут какое-то уравнение. Здесь какой-то рисунок… А это? Человек верхом на лошади?

– Кентавр, – буркнул себе под нос Венн.

– Ладно, пусть так, но что все это значит? Как это поможет

вернуть Джейка?

Венн покосился на Пирса:

– Есть идеи?

Маленький азиат с жадностью рассматривал изображение.

– Пока нет, ваше сиятельство. Но я буду счастлив этим заняться. Головоломка! Обожаю головоломки.

Венн нахмурился.

– Поторопись. Нам нужна информация, – бросил он и взглянул на Сару.

Уортон отметил, как они похожи. Тот же пристальный взгляд и голубые, как арктический лед, глаза. И даже удивился, что не обратил на это внимания раньше.

– Так ты моя правнучка, – протянул Венн.

Сара понимала, что с момента их первой встречи Оберона мучает один-единственный вопрос.

И он, поморщившись, его задал:

– Лия правда вернется?

Сара отвела взгляд:

– В истории моей жизни она не погибла в автокатастрофе. Деталей не знаю. Все документы моей семьи сгорели. Либо их забрал Янус. Но эти ее рисунки… те, что у вас в комнате. Они до сих пор у нас.

– Значит, у меня все получится. – Казалось, Венн даже потерял дар речи от такой возможности. Он посмотрел на Уортона, а потом снова на Сару. – Только бы узнать – как. А что касается Саммер… Сара, я верю тебе. Ты должна мне помочь. Когда Лия вернется, мне будет плевать на зеркало. Если захочешь, разобьешь его вдребезги.

После этих слов Венн развернулся и пошел к двери.

– А как же Дэвид? – спросила Сара.

Венн остановился как вкопанный. Он как будто забыл, кто это.

– Да, Дэвид. И он тоже. Конечно.

Оберон вышел из кухни, через минуту хлопнула парадная дверь.

– Только не говорите, что он отправился в Лес, – пробормотал Уортон.

Пирс пожал плечами:

– В поместье есть где погулять. Часами можно бродить по пустошам.

– У меня от этой Саммер мурашки, – признался Джордж и повернулся к Саре: – Ну что ж, давай проверим, как там зеркало.

Сара оглянулась на пороге кухни. Пирс устроился за столом, направил лампу на фотокопии и быстро делал какие-то пометки

красной ручкой. У него даже неизвестно откуда взялся зеленый визор для защиты глаз.

– На хакера похож, – заметил Уортон.

Сара улыбнулась. Как только она закрыла дверь, три кошки из семи запрыгнули на кухонный стол и замяукали, требуя корма.

– Брысь отсюда, – с отсутствующим видом буркнул Пирс.

В доме царила тишина и пахло плесенью. Они шли по коридорам, куда свет проникал только через окна. По стеклам стекали капли дождя.

– Без Джейка здесь так пусто, – сказал Уортон.

– Да, – согласилась Сара.

По ее ощущениям, атмосфера в доме была насыщена не только сыростью, но и безысходностью. На обшитой панелями стене выделялся бледный прямоугольник. Сара остановилась:

– Здесь ведь была картина с рождественским сюжетом? Я не ошибаюсь?

– Венн продал ее на прошлой неделе. Пирс упаковал, а я отвез на станцию. Выставили на аукционе «Кристис».

– Значит, с деньгами у него плохо.

– Их просто нет.

Сара тряхнула головой и пошла дальше за Уортоном по широкой винтовой лестнице. Поднимаясь, вспоминала, как однажды сюда проник Волк времени с глазами, как осколки сапфира.

На лестничной площадке заскрипели старые половицы. Впереди – Большая галерея.

Они пошли дальше, но Уортон вдруг притормозил напротив одной из дверей:

– Вот тут, кажется, ты сможешь мне помочь. Зверюшка даже смотреть на меня не желает.

Он завел Сару в комнату Джейка.

Раньше это была комната его отца, потом парень решил в нее переехать. Одежда висела на стульях и валялась на полу. Его ноутбук стоял на туалетном столике из красного дерева.

– Горацио – совсем затосковал без хозяина, – объяснил Уортон.

Тут Сара увидела мартышку. Горацио, съежившись, сидел на карнизе и смотрел на них.

– Горацио! – ласково позвала она и протянула к нему руку. – Ну же, давай спускайся.

Горацио отвернулся.

– Не ест ничего, – мрачно проворчал Джордж. – Если Джейк вернется, а он будет мертв, мне точно не поздоровится. – Тут же

словно спохватился и сказал: – А вдруг он не вернется? Что, если…

– Не паникуйте. – Сара старалась говорить спокойно. – Он конечно же вернется. Придвиньте-ка мне стул.

Горацио отказывался спускаться минут десять, но не выдержал искушения виноградом, заверещал и спрыгнул на руки Сары за вожделенными ягодами.

– Отлично! – с облегчением воскликнул Уортон. – Я знал, что ты ему понравишься.

Сара слезла со стула. Шерсть Горацио была мягкой и блестящей. Он посмотрел в лицо девушки, снова что-то проверещал и схватил еще одну ягоду, потом вцепился Саре в волосы, забрался на плечо и принялся сосать виноград. Его хвост приятно щекотал шею.

– Вот и хорошо, – сказала Сара. – А теперь идем к зеркалу.

Сначала она очень удивилась, что Венн оставил зеркало без охраны, но потом, пробираясь под голубоватой сетью, заметила панели новых систем безопасности, сигнализацию и тонкие лучи, которые старательно обходил Уортон.

– Венн все время боится, что его украдут. Превращается в параноика. Установили с Пирсом контрольную панель, окутали все проводами и стерегут, как королевские драгоценности. Если появится хотя бы намек на возвращение Джейка, по всему дому завоют сирены. На оплату всего этого и ушли картины. Все, ближе мы подойти не сможем.

– Безумие какое-то, – раздраженно буркнула Сара.

– Наверное. Но зеркало пугает меня… Словно бы живет своей жизнью.

Обсидиановое зеркало.

Оно стояло перед ними, чуть наклонившись. Черное вулканическое стекло в резной серебряной раме. Сара видела на его темной поверхности свое отражение, тоже под наклоном. Ее лицо там выглядело иначе, было слегка встревоженным. Зеркало отражало Сару, но в этот момент она впервые почувствовала некоторое сомнение. Зеркало показывает ту Сару, которая стоит перед ним здесь и сейчас? Или ее образ подвергся искажениям, прошел какой-то путь во времени и теперь она видит Сару, которая стояла здесь несколько секунд назад? Или зеркало способно показать не только внешность, но и чувства? Эмоции? Душу?

Уортон продолжал говорить, и Сара переключила свое внимание на него.

– …что угодно может сделать. Никогда бы не подумал, что

буду скучать по этому наглому и самонадеянному паршивцу.

Сара догадалась, что речь о Джейке.

– Он в состоянии о себе позаботиться.

– Как и его отец. Но что, если мы больше никогда его не увидим?

Сара похлопала его по плечу и рискнула подойти еще ближе к сети из светящихся лучей.

– Не волнуйтесь. Просто продолжайте верить. Гидеон его найдет. Он обещал.

Уортон хмыкнул:

– Если Саммер узнала, то уже разорвала его на куски.

– Вам правда нужно… – Сара запнулась. Ей показалось, что она увидела какую-то вспышку. Как будто молния сверкнула. – Что это?

– О чем ты?

– Вы не видели?

Уортон поспешил встать рядом с Сарой:

– Я ничего не вижу, только…

Зеркало мерцало.

На долю секунды оно даже исчезло. Сара с Уортоном оказались в каком-то непроглядно темном месте. Там было трудно дышать от пыли, а вокруг – обломки бетонных конструкций и груды битого кирпича.

У Сары от изумления отвисла челюсть.

Уортон выругался.

А потом поверхность зеркала снова стала прежней.

– Что это… Где?

Сара смотрела на обсидиановое зеркало и видела свои широко распахнутые, испуганные глаза. Она читала в них страх того, что черная дыра, нацеленная поглотить мир, добралась и сюда.

– Это была смерть, – прошептала Сара.

Джейк сидел на деревянной скамье и оглядывал камеру.

Уже не в полицейском участке, а в тюрьме. Его привезли сюда в черной полицейской машине с позвякивающим колоколом на крыше и за ним закрыли как минимум четверо тяжелых металлических ворот. Воздух в камере был спертый, из коридора доносились приглушенные голоса и лязг оловянной посуды.

Слишком тихо. Джейк гадал, где он. В военной тюрьме? Или Алленби купился на обещание сдать шпионскую сеть и смог оставить его под своим контролем?

Юноша хмуро посмотрел на свисающую с потолка паутину. Вот уж влип так влип. И что теперь говорить на допросе? Если

Алисия действительно возглавляла шпионскую сеть, что он мог о ней знать?

Джейк устал и плохо соображал. У него болела голова и жутко хотелось есть – миска у двери уже который час стояла пустая. Он бы дорого заплатил за возможность принять горячий душ. За чистую одежду. И даже за зубную щетку.

Что толку об этом думать? Надо внимательно осмотреть камеру, изучить распорядок и спланировать побег.

Еще не построили такую тюрьму, из которой не смог бы сбежать Джейк Уайльд!

Спустя всего десять минут он убедился в том, что это далеко не так.

В один из пасмурных дней в начале июня дядя позвал меня в кабинет.

– Итак, моя дорогая, пришел день, когда ты наконец вступишь в права наследования, – сказал он.

– У меня есть наследство? – изумилась я.

Дядя откашлялся. Я заметила, что он немного нервничает.

– Видишь ли, ровно десять лет назад в этот день твой отец, э-э, покинул наш мир.

– Он умер? В этот день?

– Ну… он ставил некий эксперимент и потерпел неудачу. В комнате произошел взрыв, а после там никого не обнаружили. Он, естественно, не мог выжить, но его тело… Дорогая, не хочу тебя расстраивать. Такие подробности не для девичьих ушей. Скажем так: его тело так и не было найдено. А это, как ты знаешь, влечет за собой определенные юридические сложности.

Я с трудом могла скрыть охватившее меня волнение:

– Мне никто ничего не рассказывал.

– Э-э… в общем – да.

Этот маленький человек с огромным самомнением явно чувствовал себя неловко. Я ощутила, как в мою душу закрадывается надежда.

Дядя посмотрел на конверт из веленевой бумаги, который лежал перед ним на столе.

– Это письмо адресовано тебе. Я, как твой опекун, естественно, его прочитал.

Меня захлестнула злость. Я крепко сцепила пальцы:

– Но теперь я его заберу.

– В этом нет нужды. Я все тебе объясню…

Я встала:

– Нет, дядя, я заберу свое письмо.

Мне даже показалось, что он немного испугался. Я взяла со

стола конверт и тут же его открыла. Дядя прошел к окну, встал, заложив руки за спину, и хмыкал, пока я читала эти удивительные строки.

«Куинхит и Карбери, солиситоры
Стейпл-инн
Лондон
Мадам,

я уполномочен уведомить вас о том, что мой клиент и ваш отец мистер Джон Харкорт Симмс с этого дня по закону признан покойным и его поместье, дом и все имущество теперь переходит к вам.

Если вы или ваш представитель соблаговолите лично посетить нас, мы посвятим вас во все дальнейшие детали.

Позвольте поздравить вас по случаю вступления в наследство и выразить свои соболезнования в связи с вашей утратой.

Ваш покорный и преданный слуга,

Маркус Куинхит».

Я держала письмо дрожащими пальцами и не могла поверить своим глазам. Закончилась моя скучная и безрадостная жизнь. У меня есть свое имущество!

Дядя отвернулся от окна:

– Естественно, я немедленно отправляюсь в Лондон. Лондонский дом надо будет продать, а деньги…

– Нет, – тихо возразила я.

– Что, прости?

Я собралась с духом. Наконец настал момент, о котором я мечтала столько лет. И не собиралась упускать представившуюся возможность.

– Нет, дядя, я завтра же сама поеду в Лондон.

– Сама? Да ты в жизни не покидала Йоркшир…

– Значит, пришла пора. – Я убрала драгоценное письмо в конверт. – Что же касается дома моего отца, он не продается. Я намерена в нем жить.

У дяди отвисла челюсть.

– Одинокая женщина! В Лондоне!

– Думаю, я буду в состоянии позволить себе прислугу.

– Я запрещаю!

Я спокойно спрятала конверт в карман и посмотрела дяде в глаза.

– Дядя, ты можешь возмущаться, сколько хочешь. Я часто спрашивала себя, почему вы приняли меня в свою семью? Ведь было совершенно очевидно, что вы никогда меня не любили. А теперь

понимаю, что вы просто ждали, когда наконец наступит этот день и вы сможете завладеть деньгами моего отца. Что ж, благодарю вас за вашу… заботу. Не сомневайтесь, я оплачу все понесенные на мое содержание расходы. Но завтра первым же поездом я уеду.

Закончились годы унижений, тоски и неуверенности в себе!

Я подошла к двери и, перед тем как выйти и закрыть ее за собой, оглянулась. Совершенно ошарашенный дядя промакивал лоб белым носовым платком.

– Храни тебя бог, – прошептал он.

Думаю, не надо говорить, что я всю ночь не сомкнула глаз.

На следующее утро с чемоданом в руке, с бешено колотящимся сердцем и высоко поднятой головой впервые в жизни села в поезд и уехала из Йоркшира.

В Лондон!

В огромный, великолепный, пугающий, многолюдный Лондон!

8

…Говорят, когда-то в этих краях жил человек по имени Ошин Венн. Однажды поздней февральской ночью он возвращался домой с войны и сбился с пути. Венн долго плутал по болотистой пустоши и вышел к лесной лощине. И хотя чувствовал, что ему грозит опасность, все же шагнул в лес.

Там он ощутил на себе взгляд черных птиц и услышал ехидный смех.

Уинтеркомбские хроники

Ребекка аккуратно вела машину по наезженной дороге, которая заканчивалась у небольшой сосновой рощи. Остановив автомобиль, девушка вышла.

Со стороны моря дул холодный ветер. Ребекка плотнее запахнула пальто, потом достала из багажника резиновые сапоги, переобулась и, закинув на плечо сумку с продуктами, устало побрела вверх по узкой тропинке.

Ребекка не понимала, почему они должны жить именно здесь. В деревне можно без проблем арендовать коттедж. Даже в Уинтеркомбском поместье. Но с другой стороны, Маскелайн работал как одержимый, а для этого нужна тишина.

Девушка открыла побелевшие от времени деревянные ворота. Она думала о Венне. Там, внизу, в своем доме, он тоже как одержимый работал. Над зеркалом, которое принадлежало Маскелайну. Получится у них или нет? Может, Венн уже изменил время и вернул умершую женщину? А Джейк? Он нашел своего отца? Ребекка несколько недель ничего о нем не слышала. Тишина лишала присутствия духа.

Чибис хрипло свистнул и спорхнул с утесника. На кустах только-только появились желто-горчичные цветы, но их успело подморозить.

Прошла уже половина семестра, а ей еще так много надо сделать!

Ребекка постаралась приглушить знакомое чувство вины, подошла к коттеджу и постучала в заднюю дверь. Это был низкий, покосившийся девонский «длинный дом». Когда-то, в Средние

века, здесь, возможно, жил йомен и здесь же содержал свою скотину. В летнее время коттедж частенько арендовали художники и влюбленные парочки.

А теперь вот поселился Маскелайн.

– Бекка, заходи.

Ребекка, пригнувшись, чтобы не задеть головой притолоку, вошла в дом.

– Купила тебе еды и… – Она остановилась на пороге. – Вижу, ты закончил.

Маскелайн в поношенном плаще сидел за дубовым столом и, подперев подбородок, смотрел на разложенные диски. Когда же поднял голову и глянул на Ребекку, та в который раз увидела в его глазах какой-то потусторонний мрак. С тех пор как он получил возможность приблизиться к зеркалу, Ребекка все чаще ловила этот взгляд. Шрам на его левой щеке, казалось, стал еще уродливее.

Девушка сняла пальто и стряхнула капли дождя с длинной рыжей косы.

– Колдовство удалось?

– Я уже говорил, это не колдовство. – Маскелайн кивнул на диски. – Это пока вообще ничто.

Ребекка и без объяснений – по голосу – поняла, что у него ничего не получается. У нее был большой опыт. Маскелайн на протяжении многих лет присутствовал в ее жизни как призрак, поэтому она легко могла определить степень его отчаяния.

Ребекка придвинула стул к столу:

– И как же ты это называешь?

– Конфигурация. Ка́к диплом? Закончила?

Ребекка пожала плечами:

– Почти. До войны Алой и Белой розы еще далеко.

Маскелайн вздохнул:

– Никогда себе не прощу, если из-за меня у тебя будут проблемы с дипломом.

Ребекка огляделась по сторонам:

– Это тебя не касается, я же говорила – у меня все в порядке.

Сегодня в комнате было даже уютно. Маскелайн задернул шторы, на каминной решетке горел и отплевывался утесник. Со стропил свисали пучки сухих трав, названия которых Ребекка даже не знала. Острые листья крошились и пылью оседали на половицах. В комнате пахло обугленной древесиной и сыростью.

И диски на столе. Маскелайн с самого Рождества изо дня в день не прекращал их раскладывать в том или другом порядке. Сейчас все двадцать четыре лежали по шесть в четыре ряда.

Каждый диск был пару сантиметров в диаметре, и все – из

разного материала. Одни из камня – Ребекка смогла распознать гранит, известняк и базальт с пустошей. А еще – из зеленоватого глинистого сланца. Белый из мела и черный из угля. За ними Маскелайн отправлялся в Уэльс и Уилтшир и порой его поиски занимали несколько дней. Диск из кремня с неровными краями. Ребекка осторожно к нему прикоснулась. Рядом другие – из дерева, латуни, серебра, из стали и меди, из стекла и бумаги, из пробки и хлопка, из самого разного пластика – от кредиток и бирок до компакт-дисков. Но больше всего ее напрягали те, что были вырезаны из кожи, шкуры и шерсти. Некоторые материалы Ребекка вообще не могла определить. Но в центре точно лежал диск из чистого золота. Он походил на монету и обошелся в круглую сумму, именно на него Ребекка потратила часть своих сбережений. И вот теперь Маскелайн в который раз прикоснулся к этому диску и начал его передвигать, словно разыгрывал сам с собой бесконечную партию в шашки.

– Что это даст? – спросила его Ребекка.

– Поможет их вернуть, – спокойно объяснил Маскелайн осипшим голосом. – Так мы получим Венна.

Маскелайн, едва касаясь диска, передвигал его по столу.

Ребекка отошла, чтобы поставить чайник, вернулась и продолжила наблюдать.

На каждом диске был свой символ. Некоторые она распознала: знаки зодиака – Скорпион, Близнецы и так далее. Другие походили на какие-то искривленные буквы.

Ребекка хотела прикоснуться к одному из дисков и протянула руку.

– Не трогай! – прикрикнул на нее Маскелайн.

– Что это означает? – спросила она.

– Меркурий. Планета скорости и ртути. Планета воров. А это – Марс. Это – Венера.

Ребекка кивнула. На диске из серебра был выгравирован полумесяц. На центральном – из золота – круг с расходящимися во все стороны лучами. Видимо, Солнце.

– Астрология? Алхимия?

Маскелайн продолжал сосредоточенно передвигать диски, но все-таки смог улыбнуться.

– И то и другое. Эта наука настолько древняя, что ее помнят лишь призраки.

Ребекка нахмурилась. Маскелайн почти не рассказывал о том, какой была его жизнь до того, как он появился из зеркала. Джейк поведал ей о дневнике Симмса. О том, как Симмс украл зеркало у Маскелайна в каком-то опиумном притоне в сороковых годах девятнадцатого века. Но кем он был до этого? Как заполучил это

зеркало?

Ребекке очень хотелось расспросить его, но вместо этого она сказала:

– Тебе нужно поесть. Я тут привезла кое-что.

– Не сейчас. – Маскелайн нервными пальцами коснулся диска из глины, потом легонько подтолкнул медный.

Ребекка снова отошла, чтобы снять чайник с огня, и, вернувшись, начала разливать кипяток в чашки, но вдруг замерла.

– Что-то не так, – прошептала она.

Комната изменилась. В углах появилась прозрачная мерцающая дымка. Ребекка поставила чайник на стол и обернулась.

Тени.

Они медленно плыли по потолку и стенам. Словно выцветшие кадры черно-белого фильма. Людей невозможно разглядеть – проступали лишь их пульсирующие силуэты.

– Что это?

Маскелайн не ответил.

Ребекка, напуганная его молчанием, быстро подошла к столу:

– Что?

Диски перемещались.

Маскелайн с облегчением вздохнул и убрал руки от стола, но диски все равно продолжали двигаться. За ними сложно было уследить. Они быстро образовывали то одну комбинацию, то другую, как будто исполняли некий танец, причем с определенной целью.

– Как такое…

– Тихо. Смотри.

Цветные диски продолжали выстраиваться в различные конфигурации. Ребекке казалось, что они складываются в подобие гелиоцентрической модели, в набор концентрических кругов, похожих на древнее изображение космоса. Одни диски двигались по часовой стрелке, другие – против. И все – вокруг золотой монеты с образом Солнца.

Маскелайн напряженно наблюдал за их движением.

В комнате стало темнее. А диски, казалось, начали светиться: и мраморные, и пластиковые, и металлические.

А потом остановились.

Ребекка, затаив дыхание, смотрела на новую конфигурацию.

– Это ты сделал? – допытывалась она сквозь слегка мерцающий дым. – Что это значит?

Маскелайн откинулся на спинку стула. Несколько секунд молчал, словно у него не было сил говорить.

– Значит – они придут, – наконец ответил он. – Я им нужен.

А потом, к удивлению Ребекки, он взял центральный диск и трижды тихо постучал им по столу.

Тук. Тук. Тук.

– Будь оно все проклято!

Пирс раздраженно отбросил ручку и вскочил на ноги. Потом скинул фартук и, путаясь в рукавах, натянул поверх красного жилета черный фрак, застегнул пуговицы и чуть ли не бегом помчался по коридору.

В холле – тишина. Уортон и Сара, по-видимому, были наверху, возле зеркала.

Но кто проник через запертые ворота и поднялся по подъездной дорожке к дому?

Пирс бегом пересек холл, распахнул парадную дверь и выглянул наружу.

На крыльце – никого.

Дальше – заросшая сорняками подъездная дорожка и смутно различимые из-за дождя лужайки со сломанными холодным ветром тюльпанами.

Никого.

Дворецкий нервно выгибал пальцы, пока суставы не захрустели.

Пришлось вернуться в дом. Пирс запер дверь и крепко призадумался: он определенно это слышал.

Три тихих удара по дереву.

Гидеон, запыхавшись, нырнул под ветки дуба. Все изменилось, даже воздух. Он потерялся в перекошенных, искаженных и сталкивающихся друг с другом мирах Саммерленда.

В какой-то момент остановился перевести дух и справиться с охватившей его паникой.

Перед ним раскинулась пустая площадь с фонтаном в центре. В воздухе дрожит знойное марево.

Гидеон сел на корточки и вытер пот со лба. Он знал, что не стоит верить своим глазам, ведь всего в нескольких шагах от него на залитую солнцем площадь падала тень от стоящего под странным углом небоскреба.

На площадь спорхнул голубь. Гидеон даже подпрыгнул на месте.

Любая птица могла быть Ши.

Любая змея, ящерица или кошка.

Любое лицо в окне.

В этом Другом мире за ним мог следить любой камень или дерево. Гидеон понял, что их притягивает браслет, и охватившая его паника только усилилась. Обладая острым зрением Ши, он видел, как металл светится у него на запястье, слышал его песню. Браслет пульсировал от заключенной в нем энергии, он пах пыльцой и медом. Ши могли слететься на него, как пчелы.

Надо скорее от него избавиться!

Гидеон сделал глубокий вдох и помчался через площадь на луг. А за лугом сверкал синий океан с маленькими зелеными, как изумруд, островами. Сбегая по склону холма, парнишка видел, как дриады превращались в оливковые деревья, а в морские волны погружались кракены. Гидеон выбежал на берег, потом по сходням на пришвартованную к берегу галеру с лоснящимися от пота рабами. Там перепрыгнул через весло и приземлился в раскачивающемся и гремящем вагоне поезда. Хватаясь за оконные поручни, невидимый для пассажиров, прошел по коридору, открыл дверь и ступил на золотое поле.

Скрипя зубами, шел через высокий, по пояс, ячмень.

То были тайные тропы Ши. Существа передвигались по миру, и смертные их почти никогда не замечали. Увидеть Ши можно было только в местах, которые веками пользовались у людей дурной славой: в кольцах фэйри, в комнатах с привидениями, в сумерках на распутье. Гидеон забрел глубоко в Другой мир. Пейзаж мог измениться в любой момент, как рисунок в калейдоскопе. Это место лишало рассудка. Каждый раз, оказавшись здесь, Гидеон понимал, что оно искажает его сознание.

Он почувствовал легкое покалывание на запястье и посмотрел на браслет. Вьюнок с белыми цветами скользнул под металл, зеленый стебель потянулся дальше, исследуя свою жертву.

Гидеон быстро стряхнул его.

Надо убираться отсюда! Где же чертов выход?

В центре поля под углом стоял за́мок. Он наполовину ушел в землю, как будто грохнулся с небес.

Гидеон пробрался в разрушенный барбакан и вышел к массивным деревянным воротам. Они оказались заперты, но в них была боковая дверь, такая маленькая, что Гидеону, чтобы ее открыть, пришлось встать на колени.

И в это мгновение на него, словно из засады, набросились пчелы.

Отмахиваясь от жужжащих тварей, паренек пролез в дверь и побежал. Он, пригибаясь под ветками, промчался через яблоневый сад, ворвался в тихую пустующую школу с уснувшими

на лето классами и выскочил наружу через кроличью клетку, в которой сидели и, вытаращив глаза, наблюдали за ним три одинаковых кролика.

Дальше – пустой серый коридор, с жужжащей лентой из флуоресцентных ламп на потолке. Стоило Гидеону посмотреть наверх, как лента оборвалась и превратилась в электрических пчел. Они роились вокруг, жалили, а Гидеон, задыхаясь от нарастающей паники, бросился на дверь и выскочил наружу.

Венн схватил его за руку:

– Пригнись!

Паренек, хватая ртом воздух, упал на землю.

– Оставьте его! – заорал Оберон на яркий жужжащий пчелиный рой. – Прочь отсюда!

В его голосе прозвучало столько ярости, что через секунду уже не на кого было кричать.

Гидеон, словно контуженный, сидел на траве. Немного придя в себя, огляделся и увидел, что оказался на небольшой лужайке с синими колокольчиками. На ветвях дубов у него над головой только-только начали распускаться почки.

Он был на краю Леса.

Он вернулся.

– Послушайте, Джейк… – с трудом начал объяснять Гидеон.

– Не здесь! – оборвал его Венн.

Он поднял паренька на ноги и в этот момент увидел браслет. Вскрикнув от радости, Венн стащил его с запястья Гидеона, крепко зажал в кулаке и бросился к дому. По тропинке, через маленькие железные ворота в клуатр, порог которого защищала приколоченная к полу металлическая лента, а с притолоки свешивались талисманы.

Гидеон, прихрамывая, бежал следом. Когда переступил через порог, его бросило в дрожь, но это было не сравнить с той острой болью, которую должны испытывать Ши при контакте с металлом.

– Венн, подождите, – попросил Гидеон.

Он был весь исцарапан и искусан пчелами. Оберон подтащил его к скамье, усадил и встал рядом.

– Хорошо, теперь рассказывай. Джейк жив?

В клуатр вбежала Сара со стаканом воды. Она сунула стакан в руку Гидеону.

– Не торопись.

Холодная вода была как благословение свыше. Гидеон пил так быстро, что чуть не захлебнулся. Потом поднял голову и увидел стоящего рядом с Сарой Уортона. Учитель, казалось, постарел на десять лет.

– Где Джейк? Где он?

– Я ни в чем не виноват. – Гидеон опустил стакан. – Я хотел его вернуть, но он такой… такой упрямый. А потом еще эти прутья на окне… – Юноша умолк, пытаясь собраться с мыслями. Именно это и делает с тобой Саммерленд. Это место разбивает вдребезги твой разум и оставляет в таком состоянии. – Джейк в городе, где идет война, – медленно подбирая слова, объяснил Гидеон. – С неба падает металл и разрушает дома. Джейк сказал, чтобы я передал вам это.

Гидеон достал из кармана черный бархатный мешочек и вытряхнул из него стальную кассету с пленкой.

Сара взяла кассету:

– Кинопленка? Что на ней?

– С Джейком все в порядке? – требовательно спросил Уортон.

Гидеон допил последний глоток воды:

– С ним все хорошо. Если не считать того, что он в тюрьме. И скорее всего, его повесят.

9

Джейк, если ему это надо, умеет быть обаятельным. И очень убедительным. Его способности к обучению не подлежат сомнению. Он чересчур уверен в правоте собственных суждений, что зачастую его подводит.

Он никому не доверяет. Верит только себе. По моему мнению, из него получился бы хороший политик.

Или шпион.

Конфиденциальный доклад по окончании семестра. Школа Комптон. Дж. Уортон

Лондон!

Я и представить себе не могла такое безумное место. Моя душа трепетала от этих автомобилей, поездов, экипажей и лошадей! Толпы прохожих на тротуарах. Попрошайки, воришки, аристократы, банкиры – все идут мимо уличных торговцев, которые кричат во все горло, предлагая свой товар: от фиалок до мыла и средства, что «спасет современного джентльмена от облысения».

Когда я наконец ступила под древнюю арку «Стейпл-инн», то почувствовала себя как в тихой гавани. Старый, вымощенный булыжником двор окружен большими деревьями, их листья только начали распускаться под лучами весеннего солнца.

Меня провели в офис «Куинхит и Карбери, солиситоры», где ждал очень высокий молодой человек с длинными свисающими усами, который представился как Маркус Куинхит. Вероятно, после этого долгого и весьма впечатляющего путешествия выглядела я страшно усталой, потому что Куинхит сразу налил мне чашку чая из коричневого керамического чайника.

– И вы весь путь от Юстона прошли пешком? О, моя дорогая мисс Симмс…

– Я просто не знала, в какой омнибус сесть, – объяснила я, с огромным удовольствием отпив глоток чаю. – Их там так много.

– Да, конечно. Что ж, я найму кеб до вашего дома. Если вы позволите мне вас сопровождать.

– О да, я буду весьма благодарна.

«Ваш дом».

У меня даже сердце чаще забилось от этих слов. Я расправила плечи и постаралась придать себе вид состоятельной леди. Но при этом не могла не заметить, что мистер Куинхит по какой-то непонятной причине нервничает.

Он пригладил усы перепачканными чернилами пальцами и неуверенно сказал:

– Вот только… есть один маленький нюанс. Возможно, вас несколько расстроит… э-э… состояние унаследованного вами дома.

– В каком смысле?

Я старалась говорить уверенно, но на самом деле при этих словах солиситора сердце замерло и даже стало страшно.

– Дело в том, что дом много лет пустовал. Отец ваш прослыл эксцентриком. Там вы обнаружите завалы из книг и разного рода бумаги…

Я с облегчением вздохнула.

– Ах, бумаги, с ними я разберусь.

– И еще один… механизм. Он может показаться вам очень своеобразным. Расположен в кабинете. Весь в проводах. Занимает всю комнату.

Я только рукой махнула.

– Его можно разобрать и продать по частям. – Я сгорала от нетерпения и поэтому не удержалась и спросила: – Мы можем поехать туда прямо сейчас?

Куинхит послал клерка за ключами и сел за стол. При этом он старался не встречаться со мной взглядом.

– Думаю… Если позволите, мисс Симмс, я возьму на себя смелость… Мне кажется, для вас было бы лучше остановиться в гостинице. До того, как…

– Никаких гостиниц, – непререкаемым тоном сказала я и встала. Солиситор был вынужден тоже встать. – Я намерена ночевать в моем собственном доме. Мистер Куинхит, могу я спросить: чего вы мне недоговариваете?

Дело в том, что в его голосе явно звучали панические интонации.

Куинхит повернулся к зеркалу и начал поправлять шейный платок.

– Видите ли, об этом доме ходят разные слухи, – наконец признался он. – Как по мне, так все это глупости, но мы все же не смогли найти прислугу, которая бы за ним присматривала. Соискатели очень быстро отказывались от этой работы. Они говорили, что… – Рука солиситора дрогнула. – Говорили, что там

появляются призраки.

Куинхит с тревогой смотрел на мое отражение в зеркале.

Должна признаться, я похолодела от страха, но все же взяла себя в руки и сказала:

– Призраки, сэр, меня мало волнуют.

Как бы то ни было, когда кеб остановился напротив обветшавшего фасада, мне стало немного не по себе. Это был великолепный георгианский особняк. Дом стоял на широкой площади, но деревья вокруг не подстригались годами и заслоняли его от солнца. Все ставни были закрыты и походили на мертвые глазницы. Плющ увил весь верхний этаж, а стену возле одного окна покрывали черные подпалины. Как я поняла, это было окно отцовского кабинета. Я поднялась на крыльцо, и, пока Куинхит открывал навесной замок, меня не покидало ощущение, будто отец все еще в доме и с интересом наблюдает за мной с верхнего этажа. Но, подняв голову, увидела лишь слепые окна и ничего больше.

Мы вошли в холл. Мне показалось, что там после стольких лет все еще висел запах раскаленного от огня металла.

– Вот здесь была гостиная. А здесь – столовая. Дальше – малая столовая, примыкающая к кухне. А вот это, как я понимаю, кабинет мистера Симмса.

Куинхит открыл дверь в комнату, всю заставленную укрытой простынями мебелью. Я прикоснулась к креслу, и мои пальцы сразу покрылись тонким слоем коричневой пыли.

– Здесь что, никто не прибирался?

– Как я уже говорил, у нас с этим возникли определенные трудности. Последняя уборщица отказалась от места. Она якобы слышала какие-то шаги. Кто-то ходил там, где никого не могло быть.

Я открыла ставни. Бледный дневной свет упал на стол отца, на его кресло, и вдруг в углу кабинета я увидела ее. Долговязая нескладная девушка, бедно одета, лицо худое и бледное, взгляд встревоженный. Я пошевелилась, она тоже. И тут я сообразила, что это никакой не призрак, а мое отражение. Поняв, что вижу себя такой, как меня видит любой другой, я в смятении прикоснулась ладонью к щеке. Потерянная девушка, неуверенная в себе и без всякой определенности в жизни.

Я взяла себя в руки, но только потому, что за мной наблюдал Куинхит. Он снял простыни с остальной мебели.

И в том числе с еще одного зеркала.

Оно было высокое и сделано из странного черного стекла.

Отражение исказило комнату: стены покореженные, окна выгнуты наружу. От зеркала в заваленные хламом углы уходили

спирали проводов. Я подняла один, и он обвил мою руку. Это было так странно и неприятно, что я сразу его сбросила. В зеркало увидела, как Куинхит раскладывает на столе какие-то бумаги.

– Это завещание вашего отца, его дневники и письма. Если вы изволите поставить вашу подпись здесь и… вот здесь, дело можно считать завершенным.

Солиситору явно хотелось поскорее уйти из кабинета отца. Он нервничал. Я прошла через комнату и поставила в указанных местах свою подпись – и очень постаралась сделать это уверенно и размашисто. Куинхит положил ключи на стол, собрал свои документы и поспешил в холл. Я пошла следом.

– Мисс Симмс, если вам что-нибудь потребуется, все, что угодно, – сказал Куинхит, я по его глазам видела, что он говорит искренне и при этом очень взволнован, – прошу, не раздумывайте и сразу свяжитесь с нами. В любое время.

Я несколько напряглась и протянула Куинхиту руку, он ее пожал и в этот момент тихий стук заставил нас вздрогнуть.

Тук.

Тук.

Тук.

Стук эхом разнесся по пустому холлу и покрытой слоем пыли лестнице.

Мы переглянулись.

– Кто бы это мог быть? – удивился Куинхит.

Он прошел к парадной двери и распахнул ее настежь.

На пороге никого не оказалось.

Куинхит вышел и посмотрел вверх и вниз по улице. На тротуаре тоже никого. Но мне послышалось, что где-то вдалеке захихикали дети.

– Какие-то оборванцы хулиганят, – предположил Куинхит. – Что ж, мисс Симмс, надеюсь, все у вас будет хорошо. Всего наилучшего.

И только после того, как он ушел, закрыв за ним дверь и повернувшись к лестнице, я позволила себе улыбнуться.

Призраки – это было как раз то, что мне нужно.

В конце концов, я ведь дочь своего отца.

Алленби в очередной раз затянулся сигаретой и внимательно посмотрел на Джейка сквозь клубы голубого дыма.

– Давай начистоту. Ты хочешь, чтобы тебя – арестанта под следствием – повезли через весь Лондон к разбомбленному дому?

Джейк кивнул.

– Да, Уайльд, наглости тебе не занимать.

Джейк откинулся на спинку стула:

– По-другому не получится. Если вы хотите накрыть шпионскую сеть Алисии, вам придется отвезти меня к ее дому.

– Ее дом уничтожен!

– Не целиком. – Джейк подался вперед. – Ну же, ваши люди уже наверняка там все осмотрели. И они его нашли. Я прав? Вы знаете, что нашли. Зеркало. Устройство.

Джейк старался говорить уверенно и убедительно, хотя на самом деле ему было тошно как физически, так и на душе. Он уже несколько дней почти ничего не ел – баланда, которой кормили в тюрьме, была несъедобной, да еще голова плохо соображала из-за недосыпа: ночью в соседнюю камеру привезли целую ораву пьяных и жутко горластых женщин. Но его хоть держали не в военной тюрьме. Алленби не хотел ни с кем делиться славой разоблачителя шпионской сети.

Инспектор вдавил окурок в пепельницу. Открылась дверь и в комнату вошел сержант с двумя кружками чая на подносе. Он поставил поднос на стол и многозначительно посмотрел на Джейка.

Юноша взял чашку скованными наручниками руками и с наслаждением пил горячий и сладкий чай.

Алленби наблюдал. Лицо его оставалось непроницаемым.

– Что за устройство?

– Я вам говорил. Алисия использовала очень странное устройство. Оно похоже… с виду как будто сделано из стекла. Из черного стекла.

В непроницаемых глазах Алленби сверкнула искра. Всего на долю секунды, но Джейк был уверен, что видел ее.

Он поставил кружку на стол:

– Вы его нашли.

Алленби немного помолчал и признался:

– Допустим, мы кое-что обнаружили… и не понимаем, что это такое. Но…

– Отвезите меня туда. А я покажу вам, как оно работает.

Их взгляды встретились. Джейк подумал, что это похоже на партию в шахматы, где он – всего лишь пешка. Но его план должен сработать, потому что, если Гидеон провалится, он не намерен торчать здесь до конца своих дней.

Алленби вздохнул, затем вдруг со скрипом отодвинулся на стуле и встал.

– Я, наверное, сошел с ума, – проворчал он.

– Ты не сможешь, да? – настойчиво спросила Сара.

Пирс, который сидел на полу посреди огромной кучи проводов, посмотрел на Венна.

– Не то чтобы не смогу, – осторожно отозвался он. – То есть при наличии времени и определенной свободы маневра смогу. Но, честно говоря, я бы предпочел поработать с тем манускриптом, который ты принесла.

– Мы нужны Джейку сейчас! – Сара встала, решительно подошла к зеркалу и зло посмотрела на его загадочные изгибы.

Зеркало вернуло Саре ее же искаженный взгляд.

Она знала, что Пирс с Венном всю ночь занимались его юстировкой. В четыре утра грохот и мощная волна энергии пронеслись по всему дому. Сара соскочила с кровати и выбежала в коридор, где столкнулась с перепуганным Уортоном.

– Дьявол! Что это было? – в панике закричал учитель.

А теперь он, в бордовом халате поверх пижамы с забавным узором из маленьких якорьков, дремал, устроившись в кресле.

Сара мельком глянула на кассету с пленкой:

– Мы можем это посмотреть?

– Придется поискать старый проектор, – не поднимая головы, ответил Пирс.

Сара нахмурилась. Потом потрогала браслет. Гидеон рассказал ей о разбомбленном мире. И Джейк был там, сидел в какой-то камере, изнывая от нетерпения и страха. Она знала, каково это.

– Где Гидеон?

– Вернулся к Ши, – зевая, пробормотал Уортон. – Все должно быть как обычно. Если Саммер узнала… Честно говоря, иногда я опасаюсь за психическое состояние этого бедолаги.

Венн уже целую вечность хранил молчание. Он наблюдал за Сарой, взгляд его был пристальным и холодным.

– Послушайте, мы не можем работать вслепую. У нас нет времени на эксперименты, нельзя позволить себе снова и снова совершать ошибки. Если ошибемся сейчас, то потеряем его на многие годы. – Сара посмотрела на Венна. – Ты знаешь, что делать. И выбора нет. В данный момент нам может помочь только один человек, и это – Маскелайн.

Венн, который стоял, облокотившись на картотечный шкаф, выпрямился, потом прошел в самый центр лабиринта и встал рядом с Сарой. Она увидела в зеркале его слегка искаженное лицо.

– Как я могу доверять тебе? – тихо спросил Венн. – Как я могу быть в тебе уверен? У нас с тобой совершенно противоположные цели.

– У нас одна цель. – Сара посмотрела Оберону в глаза. – Мы должны вернуть Джейка. Найти Дэвида. И спасти Лию.

– А потом?

– А потом ты отдашь мне зеркало.

Венн слабо улыбнулся:

– Тебя послушать – все так просто. – Он посмотрел на отражение заставленной аппаратурой комнаты и совершенно измученного Пирса, который, скрестив ноги, сидел посреди кучи проводов. – Эй! А ты что скажешь?

– Думаю, она права, ваше сиятельство.

Венн взял у Сары браслет и повертел его в обмороженных пальцах. Она видела, как его злит неразгаданная тайна браслета, как отчаяние буквально пожирает его изнутри.

– Сделай это, – не глядя на Сару, сдавленным голосом буркнул Венн.

Сара, не мешкая, принялась тормошить Уортона.

– Джордж! Быстро переоденьтесь и выводите машину.

На пустошах было холодно. Солнце только-только выглянуло из-за гряды облаков на востоке. Машина подпрыгивала на ухабах подмерзшей дороги.

– Осторожнее! – крикнула Сара, прижимая к коленям развернутую карту.

– Ты уверена, что мы туда едем? – спросил Уортон, мрачно глядя на дорогу.

– Пирс сказал, что это там.

Сара понятия не имела, каким образом дворецкий узнал, где поселился человек со шрамом, но разъезженная дорога в результате вывела их к воротам. Замка́ на них не оказалось – створки были завязаны веревкой. Сара выскочила из машины и увидела на горизонте за небольшой рощей низкорослых сосен белесую и сверкающую, как бриллиант, гладь моря.

Она оцепенела от такой красоты.

Уортон вылез из машины и подошел к девушке:

– Море в твоем времени на пороге конца света отличается от нашего?

– Оно просто есть, и все.

– Я бы хотел послушать, – с искренним интересом признался Уортон. – Ты могла бы нам всем рассказать о том, как оно там. О том, что Янус учинил… учинит с нашим миром. Возможно, это предостережет от ошибок…

Сара искоса посмотрела на Уортона и в который раз подумала о том, какие все-таки наивные эти люди, живущие в зеленом мире с чистой водой, с древними домами и всяческими удобствами. Для них будущее – это то, что они никогда не увидят. Просто история, которую можно послушать, и ничего больше.

На секунду Сару даже накрыло желание встряхнуть Уортона,

чтобы с него слетело это его благодушие.

Но она сумела взять себя в руки и просто сказала:

– Не сейчас, Джордж. Я и до вечера не закончу. – Прежде чем Уортон успел что-то ответить, Сара развязала веревку и открыла ворота. – Машину оставим здесь, дорога слишком узкая.

Уортон вытащил ключи из замка зажигания и захлопнул дверцу автомобиля. В утренней тишине этот звук показался неестественно громким. Кусты утесника вдоль дороги уже покрылись зеленой листвой, а у общипанной овцами изгороди пробились маленькие упрямые колокольчики. Ветер то и дело распахивал полы пальто Сары, а трава цеплялась за щиколотки, но этот мягкий шуршащий звук успокаивал и придавал ей уверенности.

Уортон брел следом. Он наблюдал за Сарой и понимал, что она едва не сказала ему что-то важное, что-то на грани откровения, но потом передумала. У этой девушки, которая умела становиться невидимой, было еще очень много секретов.

– Это там, – сказала Сара.

Впереди стоял беленый низкий дом из камня с заросшей мхом крышей.

– Вроде все тихо.

– Да, но там кто-то есть. Посмотрите на трубу.

Уортон успел заметить появившийся из трубы и сразу растаявший в воздухе клочок дыма.

Они поспешили по крутой тропинке.

Сара открыла калитку, подошла к двери и собралась уже постучать, но тут дверь распахнулась.

На пороге стоял Маскелайн в черном пальто и с перекрученным шарфом на шее. Сара первым делом обратила внимание на уродливый шрам у него на щеке, а потом посмотрела ему за спину. В полумраке комнаты стоял стол, а на нем были разложены какие-то маленькие диски, как будто после незаконченной игры в нарды.

– Я вас ждал, – заявил Маскелайн. – Заходите скорее.

10

Я восстану, когда Трое призовут меня.
И когда Лес сдвинется с места.

Надгробие старого кладбища в Уинтеркомбе

Полицейский фургон ехал по Лондону. Сержант, к которому был прикован Джейк, придавил его своей тушей к окну. Холодный дождь не переставая поливал косыми струями раскрытые зонты пешеходов и блестящие от влаги навесы.

Джейк привык видеть картинки из этого времени в черно-белой хронике и теперь с удивлением разглядывал их в цветном варианте: женщины в одежде приглушенных красных и зеленых тонов, огромные, нарисованные прямо на стенах афиши, темно-синяя форма переходивших улицу школьников. Последний в цепочке маленький мальчик оглянулся и посмотрел на Джейка.

– А разве этих детей… не должны были эвакуировать? – спросил Джейк.

– Некоторые сами вернулись. А иные и не уезжали. Не умеют жить в тишине. – Сержант тоже смотрел в окно, а потом тряхнул головой и добавил: – Будь проклята эта война. И когда она только закончится.

Джейк промолчал. Он-то точно знал, когда все это закончится. Юноша таращился на руины, на разбомбленные улицы и уставших, но не сломленных людей, и ему хотелось сказать что-то, что придало бы им сил. Что-нибудь вроде: «Все будет хорошо. Вы победите». Это было довольно непривычно, потому что, как правило, он не испытывал сочувствия. К тому же такие слова спровоцировали бы сержанта на очередные издевки в его адрес. Поэтому Джейк прикусил язык и сосредоточился на своем плане.

Главное – оказаться у зеркала. А потом… если удастся его активировать… Проблема в том, что Алленби будет рядом и увидит…

Джейк пожал плечами – с этим он ничего поделать не мог. Алленби увидит, как предполагаемый шпион исчезнет в пульсирующей черноте зеркала и, скорее всего, так никогда и не поймет, как это получилось.

И что потом? Неужели придется вслепую, без браслета, путешествовать во времени? Джейк припомнил жуткую историю

Маскелайна, который мучительно медленно, атом за атомом через столетия перемещался в абсолютно незнакомое ему место, а время мелькало мимо него, как фильм на ускоренной перемотке. Есть вероятность, что и с ним это произойдет! Он может оказаться где угодно.

Джейк заерзал, пытаясь высвободить для себя немного места рядом с теплой тушей сержанта.

– Сиди тихо, – буркнул тот. – Надоел уже.

Алленби повернулся с переднего сиденья:

– Почти приехали. Джейк, я заметил, ты нервничаешь.

– На вас бы посмотреть перед виселицей, – огрызнулся тот.

Улицу после бомбежки было не узнать. Джейк помнил ее по времени Симмса. Тогда здесь находилась площадь со сквером в центре, он там прятался вместе с Молл. А теперь это пустырь с грудами кирпичей и торчащей, искореженной арматурой. По площади шныряли сгорбленные люди, которые выискивали в развалинах все, что могло хоть как-то им пригодиться.

– Ее тело… – начал Джейк.

– Пока не найдено, – отрезал Алленби и скомандовал водителю: – Так, здесь останови. Приехали.

Нужное место наспех огородили белой лентой и выставили для охраны трех полицейских. За оградой на территории частично разрушенного дома установили палатку из маскировочного брезента. Вход в нее был закрыт.

По крыше фургона барабанил дождь. Джейк неловко выбрался наружу. Вдалеке между аэростатами заграждения над куполом собора Святого Павла показался кусочек синего неба.

Сержант посмотрел на инспектора Алленби.

Тот пожал плечами:

– Только наручники оставь.

Джейк следил за тем, как сержант размыкает цепь и убирает ее в карман.

Алленби, который тоже наблюдал за этим процессом, сказал:

– Даю тебе последний шанс. Еще один промах, еще одна попытка сбежать, и я выхожу из игры.

Джейк прекрасно это понимал.

Они, спотыкаясь, пошли к палатке. Юноша по пути оглядывался по сторонам, чтобы зафиксировать в памяти окружающую обстановку.

Где сейчас Гидеон? Где Венн? Они же должны быть здесь. Должны попытаться его спасти.

Полог палатки открылся перед ним, будто портал.

Джейку показалось, что он увидел черный прямоугольник зеркала, и скорее шагнул вперед.

И в этот момент что-то стукнуло его по щеке.

– Эй!

Джейк возмущенно огляделся.

Маленький синий мячик подпрыгнул и укатился в груду кирпичей.

– Извините.

Перед Уайльдом возник мальчик в серых шортах и школьном пиджаке, а у него за спиной по щиколотку в кирпичных обломках стояли и улыбались еще два точно таких же мальчика.

Джейк не мог поверить своим глазам:

– Вы!

– Брысь отсюда, мелкотня! – прикрикнул на мальчишек сержант.

– Нет… Стойте! – Джейк кинулся к ребятам. Звякнули наручники. – Это вы были в бомбоубежище… Вы сказали…

– Привет, Джек Уайльд. Не забывай про Черного лиса.

– Это я уже слышал. Что это значит?

– Или Человека с глазами ворона.

Третий мальчик подошел так близко, что Джейку даже показалось, будто он его коснулся.

– Кто ты? – шепотом спросил Джейк. – Откуда ты?

Мальчик склонил набок круглую голову и улыбнулся. Его глаза за стеклами очков были чистыми и ясными, как у младенца.

– А ты не знаешь?

– Вас прислала Саммер? Вы – Ши?

Мальчик продолжал улыбаться, но так, словно ему было его жаль. Он встал на цыпочки. Джейк наклонился, и ребенок шепнул ему на ухо:

– Мы – Янус, вот кто мы.

Джейк в ужасе отшатнулся, а ребенок кивнул и холодно улыбнулся:

– Видишь, мы все о тебе знаем. Мы можем дать то, что ты ищешь. Мы можем вернуть твоего отца.

Джейк застыл, а потом усилием воли заставил себя произнести:

– И что взамен?

Мальчики взялись за руки и запели:

Не дай Саре разбить зеркало,
Не дай, не дай,
Не дай Саре разбить зеркало,
И-ай-и-ай-о!

– Кому сказано – брысь отсюда! – снова прорычал сержант.

Мальчики, смеясь и хихикая, побежали через руины.

Джейк уставился им вслед. А потом его схватили и заволокли в палатку.

Маскелайн вошел в ярко освещенный лабиринт и огляделся. Посмотрел на увешанное проводами зеркало, на Пирса в белом халате, на клубок из трех черных кошек, которые спали на куче из спутанной ленты цвета малахита.

– О, вот так радость, – съязвил Пирс. – Ты снова здесь.

– Без меня вам не справиться. – Мужчина со шрамом подошел к столу и взял браслет. Со стороны казалось, что браслет медленно вращается в его красивых пальцах. – Самое время это понять.

Венн вышел из тени и встал перед Маскелайном. Белые волосы Оберона отражали яркий свет ламп. Маскелайн походил на его тень, темную копию, на готового в любой момент раствориться в воздухе призрака.

– Это ты создал зеркало? – выдохнул Венн. – Или ты нашел его, достал из заброшенной могилы?

Маскелайн не стал отвечать, вместо этого тихо сообщил:

– Оно знает, что я здесь.

– О господи, – не веря своим глазам, пробормотал Венн.

Рама обсидианового зеркала начала светиться, и по ней, пульсируя, поползли серебряные буквы – слова, смысл которых никто не мог понять.

Замигали лампы. Одна из кошек села и начала шипеть.

– Усиление энергии, – буркнул Пирс. – Один киловатт. Рост продолжается.

Венн даже не пошевелился.

– Тебе известно, как попасть точно в то место… и время, где сейчас Джейк? – ледяным тоном спросил он.

Маскелайн поднял браслет выше и заявил:

– Думаю, я смогу его найти.

Да, именно этого я и хотела.

Дом с привидениями!

После генеральной уборки я починила мебель, наняла горничную и повара. Походы по модным магазинам на Оксфорд-стрит за новыми коврами и шторами были для меня настоящим развлечением. Я открыла все ставни в доме, чтобы воздух туманного Лондона вдохнул в него новую жизнь.

Но полагаю, вас удивит то, что я сделала после всего этого. Я заказала в типографии афиши и напечатанные золотыми буквами на бледно-лиловых карточках приглашения.

Текст был следующим:

«Мадам Алисия.
Спиритка и медиум.
Кто-то из ваших любимых ушел в мир иной?
Мадам Алисия поможет вам.
Сеансы, гадание на магическом кристалле, столоверчение.
Уважительное отношение и разумные цены.
Конфиденциальность гарантируется».

Сейчас такой подход может показаться дилетантским, но тогда я была воодушевлена и чувствовала себя на пике моды.

Мне нужен был источник доходов.

И я всегда хотела увидеть призраков.

Это было моей тайной. Я никогда и никому об этом не рассказывала, а уж моему мерзкому дядюшке и жеманной дурочке-тете и подавно. Сколько себя помню, всегда мечтала хоть одним глазком увидеть что-то сверхъестественное. Бродила по кладбищу, выходила в сумерки на развилки дорог и все надеялась, что увижу девушку, прозрачную, как паутина, всадника без головы, волшебную похоронную процессию. Вероятность встречи с призраками меня совсем не пугала. Наоборот, я мечтала о такой встрече. Мне казалось, что они живут среди нас, словно эхо умерших. Годами занимаются своими обычными делами, погружены в свои «загробные заботы» и даже не осознают, что давно уже умерли.

В нашей деревне жил один старик, о котором говорили, будто он ясновидящий. Как-то мне удалось его порасспросить. И он сказал, что видит духов. Некоторых якобы очень просто увидеть и даже можно с ними поговорить. А других – тех, что старше, в ночных рубашках с рюшами и в панталонах, – заметить гораздо сложнее. Они совсем бледные, как колыхание воздуха над тарелкой с горячей едой. А их голоса, по словам того старика, похожи на шелест ветра в листве дуба, они такие тихие, что их почти никто не может услышать.

Я прочитала все готические романы, все самые жуткие сказки. У меня не было ни таланта, ни образования, чтобы зарабатывать этим на жизнь, но все сложилось, как только я вошла в этот дом с великолепными комнатами и обшитыми деревянными панелями стенами.

Я объявлю себя медиумом и разбогатею! Среди лондонских дам царит мода на спиритические сеансы и магнетизеров. Стакан, передвигающийся по столу, и трансляция загадочных посланий приводили их в трепет. Устроить все это проще простого, как и

послания с того света – настоящие или поддельные.

Конечно, в этой прекрасной затее не обойтись без определенной доли обмана, но я надеялась, что когда-нибудь, если не оставлю поисков и буду постоянно практиковаться, наступит день, когда мне явится настоящий призрак.

Я обхватила себя руками за плечи и с гордостью смотрела на свое отражение в черном зеркале.

Ничто не могло мне помешать!

Венн наклонился над столом и требовательно спросил:

– Ты уверен?

– Насколько это вообще возможно. Включите вот это. – Маскелайн указал на небольшой переключатель. – Зеркало покажет нам, где он находится в данный момент.

– Мы увидим его через зеркало?! – изумился Уортон. – Но как?

– Браслет был там. Зеркало помнит.

Сара, которая стояла позади всех, мельком посмотрела на Пирса. Маленький азиат аккуратно убирал инструменты и провода.

– Я бы и сам к этому пришел… со временем, – проворчал он.

– Не сомневаюсь, – утешила его Сара.

Пирс сразу смягчился:

– Ты так думаешь?

– Да. И, Пирс, никто, кроме тебя, не сможет расшифровать манускрипт Ди.

Дворецкий аж раздулся от гордости. Одна из черных кошек перестала вылизываться и посмотрела на него раскосыми зелеными глазами.

Венн выпрямился и без лишних слов щелкнул переключателем.

В следующую секунду они увидели некое помещение с покачивающимися зелеными стенами.

Сара растерялась:

– Что это?

– Палатка, – тихо проговорил Уортон. – Смотрите!

Полог в палатку откинулся. Они увидели разбомбленную улицу, небольшой кусочек Лондона времен войны.

В палатку втолкнули грязного и взлохмаченного Джейка. В его глазах застыло отчаяние. Этот его взгляд сразу напугал Сару. И Джейк был в наручниках.

– Отлично, – буркнул Венн. – За дело.

Оказавшись снова рядом с зеркалом, Джейк почувствовал

облегчение и прилив сил.

Оно стояло, наклонившись под небольшим углом, его поверхность ничуть не изменилась, ни одна царапина не нарушила его совершенство, и черные глубины все так же оставались непроницаемыми. Даже серебряная рама, хоть на ней и появились вмятины, была той же.

Джейк смотрел на свое еле различимое отражение и пытался придумать, что ему теперь делать.

– Это оно? – спросил стоявший у него за спиной Алленби.

Джейк обернулся:

– Да. Я хочу, чтобы с меня сняли наручники. И пусть все выйдут. Кроме вас.

Инспектор оценивающе посмотрел на Джейка, потом повернулся к сержанту:

– Эванс, выйди.

– Шеф…

– Я справлюсь. Постой снаружи. И никого не пускайте за ограждение.

Красномордый глянул на Джейка и вышел из палатки.

Было слышно, как у сержанта под ногами, пока он неуверенно идет прочь, хрустят обломки кирпичей.

Алленби достал из кармана ключ для наручников в кожаном футляре, но не торопился им воспользоваться.

– Для начала объясни, что ты собираешься делать.

Джейк глубоко вздохнул и сказал:

– Инспектор, вам это не по зубам. Алисия была не шпионкой, а двойным агентом. Мы с ней работали на британскую разведку.

Алленби и глазом не моргнул.

Поверил или не поверил?

Джейк дал волю воображению.

– Это зеркало – в высшей степени секретное средство коммуникации. Оно не должно попасть в руки врага. Я могу прямо сейчас им воспользоваться… чтобы выйти на связь с… с моим начальством. Снимите с меня наручники.

Алленби даже не пошевелился. Потом прикурил сигарету подрагивающими и пожелтевшими от никотина пальцами.

– Откуда мне знать…

– Не можете вы ничего этого знать. Хватит с меня. Снимите уже наручники. Или вашей карьере конец.

В палатке повисла тишина. Джейк представил огромный, израненный город снаружи, сотни и тысячи работающих, пострадавших, напуганных людей, которые даже не подозревали, что здесь в этот момент находится черная дыра, способная поглотить их всех.

Громко хлопнула дверь автомобиля.

Послышались голоса. Кто-то спорил недалеко от палатки.

– Хорошо, – решился Алленби.

Инспектор шагнул к Джейку, и тут в палатку ворвались двое в армейской форме. Оба в красных фуражках и с пистолетами.

Военные.

Джейк выругался.

Инспектор обернулся ко входу в палатку:

– В чем дело? Это дело полиции. У вас нет оснований…

– У меня есть все основания, – парировал высокий офицер и смерил их с Джейком властным взглядом. – Инспектор, выйдите и ждите у заграждения со своими людьми.

– Вы не можете мне приказывать. Я вам не подчиняюсь.

– Это – война, сэр! – Офицер угрожающе поднял пистолет. – Выйдите из палатки.

Алленби глянул на Джейка и расправил плечи.

– Мне жаль, мистер Уайльд, – официальным тоном заявил он, – но тут я ничего не могу сделать. Удачи вам.

После этого опустил футляр с ключом в протянутую ладонь офицера и вышел.

Они сразу перешли к делу. Венн прижал к себе Джейка и приказал:

– Джордж, не отходите! Держитесь рядом!

Джейк огляделся в последний раз.

Уортон во все глаза смотрел на улицу и бормотал:

– Это потрясающе! Будь я проклят, это просто потрясающе!

Венн притянул его к себе и крикнул в зеркало:

– Пирс, мы идем!

Звук был такой, как будто на развалинах кто-то выстрелил. Алленби чертыхнулся, выбросил сигарету и побежал. Все его люди – за ним.

Инспектор откинул полог палатки и вытаращил от изумления глаза.

Зеркало во всем своем великолепии стояло на месте, но больше там никого не было.

– Ничего себе! – выдохнул ему в затылок запыхавшийся сержант. – Куда они подевались?

– А мне хотелось бы знать, откуда они явились, – мрачно буркнул Алленби.

Джейк стоял посреди лаборатории, словно в трансе, а Сара торопливо снимала с него наручники.

– Ты в порядке? – спросила она.

– В порядке… Я так понимаю – Гидеон вернулся.

– Наконец-то. Ты, наверное, натерпелся там?

Джейк не слушал. Он очень медленно, Сара даже немного испугалась, протянул к ней руку и взял у нее футляр Алленби с ключами. Футляр был из потертой рыжей кожи, на нем красовалась эмблема: металлический лис с мышью в улыбающейся пасти. И еще надпись: «Автомастерская Джонсона, Блэк-Фокс-лайн, Хай-Холборн».

– Что? – с тревогой в голосе спросила Сара.

У Джейка было такое лицо, будто он не мог поверить своим глазам.

– Черный лис освободит тебя, – прошептал он.

Ты можешь исцелить болящий разум,
Из памяти с корнями вырвать скорбь? [4]

11

Мой брак был обречен с самого начала. Молл это понимала. Нахальная Молл с ее манерами уличной оборванки, беготней по дому, с ее все более смелыми планами и мечтами о том, как мы найдем браслет, отправимся в будущее и встретим там Джейка Уайльда.

А я все больше привязывался к этой маленькой чертовке.

Когда моя супруга заявила: «Или она уйдет, или я», – боюсь, сделать выбор мне не составило труда.

Из дневника Джона Харкорта Симмса

Сара сидела в изголовье кровати и смотрела на открытый блокнот.

Дом спал. На первом этаже трижды пробили часы.

Сара торопливо написала в блокноте черной ручкой:

«Что там происходит? Расскажи мне!»

Ответа не последовало. Надпись потускнела и постепенно исчезла.

Сара уже третий раз за ночь просила его ответить и все больше впадала в отчаяние. Девушка знала, что он прочитал ее сообщения. В далеком будущем, в центре своей империи, обладая убийственной энергией зеркала, Янус мучил ее своим молчанием.

Сара отбросила ручку и подошла к окну. Ночь выдалась ветреной. После той бури, что учинила Саммер, погода так и не пришла в норму. Выглядывающая из-за бегущих по небу облаков луна посеребрила лужайки Уинтеркомба.

Девушка туже затянула пояс халата, обхватила себя за плечи и с каменным лицом уставилась в окно. Янус был в сотнях лет от них, для всех здесь он попросту не существовал. Для Джейка, Уортона, даже для Венна мир будущего оставался всего лишь возможным вариантом, и о нем можно не думать. Но для Сары он был реальностью.

Ее прошлым.

Ее жизнью.

Там остались ее родители.

Для Сары этот мир был не менее реальным, чем тот факт, что она стоит у окна. И таким же реальным, как разбомбленный Лондон, о котором накануне вечером рассказывал им Джейк. Они сидели у очага, парень крепко держал в руках чашку с кофе, и у него еще виднелись красные следы от наручников.

Сара думала о том, каким станет этот дом в грядущем столетии. Представляла его руины, полуразрушенные флигели, закопченные трубы на почерневшей после пожара крыше. Это тоже Уинтеркомб.

И это время, когда зеркало пожирает мир.

Сара вздрогнула и обернулась.

Из коридора донесся тихий скрип. Девушка задержала дыхание и прислушалась.

Кто-то крался мимо ее двери.

Сара босиком прошла через комнату, приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Это был Джейк. В халате в серую полоску и с мартышкой на плече. Он остановился у двери в комнату Уортона, тихо постучал и проскользнул внутрь.

Сара не колебалась ни секунды. В ее мозгу был переключатель, с его помощью она имела возможность становиться невидимой. Подарок от Януса. Девушка терпеть не могла им пользоваться, но сейчас позволила ему сработать и сразу почувствовала теплое покалывание по всему телу.

Она тихо вышла в коридор.

Комната Уортона была последней на этаже рядом с лестницей для прислуги, которая вела в кухню. Проходя по лестничной площадке под старинными часами с циферблатом в форме совы, Сара почувствовала, как голые ноги лизнул холодный ветер из темноты первого этажа.

Дверь в комнату осталась приоткрытой. Сара слышала тихие голоса Уортона и Джейка. Она прижала ухо к щели, но все равно не смогла разобрать, о чем именно они там говорили. Тогда она еще немного приоткрыла дверь и бочком проскользнула внутрь.

Заспанный Уортон сидел на кровати, облокотившись спиной на подушки.

– Господи, Джейк, до утра нельзя подождать…

– Я не могу уснуть! Мне надо с кем-нибудь поговорить.

– Завтра…

– Нет, сейчас!

Джейк нервно столкнул мартышку с плеча. Горацио спрыгнул в открытый ящик высокого комода и принялся рыться в аккуратно сложенных носках.

– О господи, убери его, – простонал Джордж.

Джейк плюхнулся на диванчик у окна. Сара видела только его черный сгорбленный силуэт. Уортон включил лампу на прикроватном столике и сонно огляделся по сторонам. Сара прекрасно знала, что он не может ее увидеть, но все равно непроизвольно вздрогнула и села на корточки возле двери.

– Это нормально, я бы тоже не мог заснуть. Натерпелся ты там. Заперли в камере. Да еще в наручниках!

– Дело не в этом. Это все – ерунда.

Уортон скептически скривился:

– Слушай, Джейк, не строй из себя героя. Это глупо. Ты такое пережил! Можно сказать, в аду побывал без гарантии возвращения. Нечего стесняться. И вот что я тебе скажу: даже те полчаса, которые я провел в… в зеркале… были для меня настоящим потрясением.

Уортон до сих пор не мог свыкнуться с мыслью, что был там, вдыхал странный, неправильный запах войны. Тогда он от шока чуть не потерял способность двигаться.

Джейк усмехнулся:

– Где Венн взял форму?

– Пирс достал. Не знаю, где хранит все это добро.

– Да уж, Пирс обладает способностями, о которых мы даже не подозреваем, – мрачно проворчал Джейк. – Он сам – Ши, это ясно.

Юноша встал и пошел ко входу, то есть в сторону Сары. Это было так неожиданно, что она, как дурочка, даже привстала. Но он просто плотнее закрыл дверь и повернул ключ в замке. А потом опустился на кровать:

– Я вам кое-что не рассказал. О детях.

– О каких таких детях?

– Их трое. Три мальчика. Похожи друг на друга, не отличишь. Все лет десяти. Они пришли в метро, когда я там спал. Было в них что-то жутковатое. И они знали, как меня зовут.

Уортон сел повыше:

– Продолжай.

– Они сказали… Каждый по очереди произнес… что-то вроде пророчества. Эти мальчишки как будто могли видеть будущее. А потом я еще раз их повстречал на руинах дома, как раз перед тем, как вы появились. И тогда я спросил, кто они такие.

– И кто же?

– Они сказали: «Мы – Янус».

Уортон удивленно вскинул брови, потом глянул в сторону двери, словно почувствовал в атмосфере комнаты ужас Сары, которая зажала рот ладонью.

– Янус? Но Венн убил Януса…

– Венн убил его репликанта. Но в том жутком будущем, о

котором Сара нам никогда не рассказывает, он контролирует зеркало. И мы не знаем, что Янус способен делать с его помощью. Или сколько собственных репликантов он может создать. В любом случае это то, что мне сказал один из них. А потом он… оно… засмеялся.

Уортон, тряхнув головой, достал из ящика прикроватного столика гигантскую плитку шоколада с фруктами и орехами.

– Отлично, как будто у нас и так проблем недостаточно, – проворчал он и откусил кусочек шоколада.

Услышав шорох фольги, Горацио мгновенно спикировал с люстры в клубах пыли. Он уселся Уортону на живот и вытаращил глаза.

– Убери его с меня.

Джейк взял шоколад, выковырял орех и отдал его мартышке.

– Эй, это же мой секретный запас! – возмутился Уортон.

– От шоколада толстеют, – съязвил Джейк и отломил от плитки большой кусок. – Это для вашего же блага.

Несколько секунд они молча ели шоколад. Сара решила подобраться поближе. Она протянула руку, и Горацио тут же посмотрел в ее сторону.

Сара замерла.

Горацио принялся громко верещать.

– Держи и больше не проси, ненасытная мартышка. – Уортон бросил ему изюминку. – Значит, говоришь – эти детишки что-то такое тебе сообщили. И что же именно?

Джейк придвинул стул ближе к кровати, пересел и закинул ноги на цветное одеяло:

– Первый сказал: «Черный лис освободит тебя»…

– Чепуха какая-то…

– Никакая не чепуха. – Джейк достал из кармана потертый, засаленный футляр и бросил его на подушку. – Это принадлежало Алленби. Ключ от наручников. Так что первое пророчество сбылось.

Уортон, подумав немного, взял футляр и потер большим пальцем эмблему:

– Совпадение.

– Нет, не совпадение. – Джейк посмотрел сквозь Сару. – А если первое пророчество сбылось, то и другие два тоже могут сбыться.

Уортон согнул колени под одеялом:

– И какие?

– Второй мальчишка сказал: «Поговори с Человеком с глазами ворона». А третий: «Сломанный император лежит в алой шкатулке».

– Звучит как… – рассуждал, посасывая орех, Уортон и запнулся. – Постой-ка. Сломанный император. Ты думаешь, это может иметь какое-то отношение к той монете с Зевсом? Половинку которой Сара отдала Саммер? Эта монета способна…

Джейк удивленно посмотрел на учителя:

– Вы знаете?

– Венн мне рассказал.

Сара медленно опустила руку на потертый ковер и немного продвинулась вперед. Под ней тихо скрипнула половица.

– Теперь получается, что отдать ее в руки Ши – это самая грубая ошибка, которую только можно было допустить! – воскликнул Уортон, мрачно уставившись перед собой. – Если Саммер узнает, что восстановленная монета обладает силой, достаточной для того, чтобы уничтожить зеркало, тогда – бум! – и нам всем конец.

У Сары чуть сердце не выскочило из груди. Ей хотелось закричать во все горло.

– Тише, вы. Нас могут услышать. – Джейк встал, подошел к окну и посмотрел на плывущую над Лесом луну.

Он собирался выложить Уортону все. Глупая детская песенка не шла у него из головы. Но что-то заставило его умолчать о предложенном обмене. Джейк скрестил руки на груди и недовольно смотрел на свое залитое дождем отражение в окне.

– И что все это значит?

– А мне откуда знать? Может, следует рассказать Венну…

– Нет, пока не надо. – Джейк отвернулся от окна. – Горри, иди сюда.

Горацио быстро подбежал к двери, поскреб лапкой пол, а потом оскалился и громко заверещал.

Джейк бросился к нему и подхватил на руки.

– Заткнись, ты! Всех перебудишь, – прикрикнул он на мартышку и тут заметил, что дверь не заперта. – Вот черт!

Джейк приоткрыл дверь и выглянул из комнаты. В коридоре было тихо и темно. Он шагнул обратно:

– Я был уверен, что запер ее на ключ.

Уортон растянулся на кровати и повернулся на бок.

– Здесь постоянно сквозняки гуляют, – пробормотал он. – Иди спать. Завтра поговорим.

Джейк еще пару секунд постоял возле двери, потом шагнул за порог и медленно пошел по коридору. По потолку расползлись мокрые пятна, снаружи по водосточным трубам громко стекала вода.

Возле комнаты Сары он остановился. Это было маловероятно, все же… Джейк осторожно попробовал повернуть ручку. Дверь

оказалась не заперта.

Джейк заглянул в комнату.

Сара, свернувшись калачиком, лежала на кровати, ее светлые волосы разметались по подушке. Луна освещала закрытые глаза. Дыхание было ровным.

Джейк с Горацио на руках тихо стоял у двери. Ему хотелось спросить напрямую: «Это была ты? Ты нас подслушивала?» Но потом на него навалилась усталость и стало тоскливо на душе, как будто не хотелось больше ничего знать. Джейк попятился из комнаты и с тихим щелчком закрыл за собой дверь.

Сара лежала с закрытыми глазами и прислушивалась к собственному дыханию. Бешено колотилось сердце. Руки и ступни онемели от холода. И мозг тоже как будто онемел. Она могла думать только об одной сказанной Уортоном фразе. Восстановленная монета обладает силой, достаточной для того, чтобы уничтожить зеркало.

Янус держал ее за дуру.

Она и была дурой!

Сара крепко сжала кулаки.

Ну, теперь она хотя бы знала, что надо делать.

И кто был ее единственным союзником.

12

Ее гнев порождал молнии и дождь.
Ее гнев сковывал холодом
Распустившиеся весенние почки.
Она топила в гнездах дроздов
И кроликов в норах.
Топила надежду
И превращала радость в печаль.

Баллада лорда Винтера и леди Саммер

Гидеон лежал на траве и смотрел на безоблачное небо.

Во внешнем мире, в Уинтеркомбе, дни напролет шел дождь, но здесь всегда было ясно. Бесконечная синева нагоняла на него скуку. Он мечтал увидеть яркую вспышку пролетающего в небе самолета. Ему нравилось наблюдать за этими сверкающими металлическими птицами. Гидеон любил смотреть на их длинные хвосты из… Из чего же они? Из пара? Или из дыма? Сара рассказывала, что на них, поднимаясь высоко в небо, путешествуют по миру люди. Он сначала только насмехался над ней, потому что уже привык к мучениям, которые причиняет ложь.

Но Джейк подтвердил, что это правда.

Вот если бы он мог подняться так высоко в небо и улететь далеко-далеко.

Гидеон беззвучно охнул. На него сверху вниз, улыбаясь, смотрела Саммер.

– Я тебя напугала?

Гидеон быстро сел:

– Конечно нет.

Никогда не признавайся в собственной слабости. Только не перед ними.

– Выглядишь усталым.

– Я не устал.

Саммер легко прикоснулась к его волосам:

– Это должно быть чудесно, почувствовать усталость. Уснуть. Говорят, люди в своих снах видят замечательные картины. Это правда?

– Нет.

Она никогда не узнает о его снах. Сны – единственное место,

где он от нее укрывался. Где Ши не могли его достать.

– Тебе снится твое детство? Когда ты был маленьким и жил в домике на краю леса?

Гидеон отрицательно покачал головой.

– Это радует. Там было так темно и грязно. Однако же, мой дорогой, сегодня я от тебя только и слышу – нет и нет. – Саммер заботливо поправила растрепанные волосы Гидеона. – Такой нервный и обидчивый. Ты ничего от меня не скрываешь?

Гидеон вынырнул из-под ее руки и встал:

– Конечно нет.

– Вот опять! – Красные губы Саммер растянулись в очаровательной улыбке. – Тогда ответь мне на один вопрос. Только без «нет» и «никогда». Ты можешь это сделать?

Гидеон почувствовал ловушку.

Он пожал плечами:

– Саммер…

Она подняла руку:

– Ты пронес что-то для Венна через мое королевство?

– Н-н… Разве стал бы я так поступать?

Страх. Страх заставил его сжать кулаки. Она заметила. От нее ничего не ускользало.

– Потому что если я решу, что ты это сделал… Если я хоть на секунду подумаю, что ты на такое способен, я очень, очень разозлюсь. – Саммер легко постучала длинным белым пальцем по плечу Гидеона. – И ты увидишь, какой я могу быть безжалостной.

– Я ничего такого не делал. Что я мог…

– Что-то из другого времени. Что-то в маленьком, – она с каждым следующим словом постукивала по нему пальцем, – черном, бархатном мешочке.

Гидеон в ужасе опустил глаза. Его правая рука стремительно усыхала. Она скукоживалась, пальцы и кости срастались. Ногти загнулись и превратились в когти. Острая боль пронзила все его тело.

– Нет.

Она приложила палец к его губам:

– Гидеон, только не это слово.

Саммер поцеловала его мягкими губами.

Его зеленый, как лишайник, плащ пошел рябью. Рукав исчез, вместо него проросли черные блестящие перья. Гидеон чувствовал, как растягивается и трещит его кожа, его кости стали полыми и хрупкими, как сухие прутья.

– Я ничего Венну не приносил. Клянусь! Не Венну. Венн даже не…

– Тогда кому? – Саммер в упор смотрела на него

немигающими, как у совы, глазами. – Кому?

– Джейку. Просто… он… он путешествовал.

– И что ты принес?

Гидеон ненавидел себя. Ненавидел ее. Он хотел умереть, но смерти там не было. Там невозможно умереть.

– Мешочек. В нем была какая-то пленка.

– И?

– И… браслет.

– Вот как. – Саммер улыбнулась, улыбка ее была холодной, и от этого страх Гидеона только усилился. – Так, значит, ты помогал им без моего ведома. Без моего разрешения. Ты знаешь, что я за это с тобой сделаю?

Он знал. Ему уже приходилось быть птицей. Гонимой ветром из одного конца Леса в другой, пока на него набрасывались и заклевывали призраки Ши. Ему доводилось бывать и рыбой. Он задыхался, пойманный в сети. Гидеон бесконечно тонул в собственном страхе, а когда вырывался на свободу, цапли били его длинными клювами и забрасывали обратно. Он был камнем на тропинке в лесу. Безгласным и незрячим. Лежал на земле и чувствовал только боль от копыт лошадей, скачущих по тропинке Ши. Он беззвучно кричал от нестерпимой боли, но муки не кончались, потому что там нет времени.

Гидеон прекрасно знал, что может сделать с ним Саммер.

Он заставил себя сохранять достоинство:

– Позволь мне загладить свою вину. Скажи мне, чего ты хочешь, и я это сделаю.

Его рука теперь была крылом. Саммер погладила перья.

– Все, что захочу?

– Да. Только…

– Я хочу серебряный браслет.

– Но Венн не снимает его с руки.

– Сюда он приходит без браслета.

– Да, – подтвердил ошарашенный Гидеон, – тогда он запирает его в железном сейфе. Но…

Саммер прижалась к нему всем телом и повторила:

– Я хочу этот браслет. Железо не может причинить тебе боль.

Перья начали вырастать у него на спине. Они прокалывали кожу, разрывали сухожилия, преображали его тело.

– Хорошо, – выдохнул Гидеон. – Я добуду его, только прошу, не надо…

Саммер отступила. Теперь ей стало скучно и голос ее был холодным, как камень. Стаи Ши с криками расселись на ветках деревьев.

– И до той поры, Гидеон, ты не будешь спать. Никаких снов.

Гидеон больше не будет спать. – Саммер хлопнула в ладоши. – Слушай меня, мой народ! Поохотимся на крапивника?[5] Поиграем?

Мне следовало понимать, что это будет нелегко.

Я действительно старалась. Мои объявления привлекли множество любопытствующих. Я быстро поняла, что обманывать людей очень просто. На моих сеансах гости слышали голоса, в доме мерцал свет, к их лицам прикасались невидимые руки. Я впадала в транс, бессвязно бормотала, чужими голосами передавала утешительные послания от умерших мужей и потерянных детей. Я читала по руке, гадала на картах Таро, подолгу смотрела на хрустальный шар и прослеживала их имена и даты жизни на исписанной буквами и цифрами столешнице.

Вскоре у меня появилась репутация и обширная клиентура.

Но после двух лет такой деятельности появилась неудовлетворенность. Естественно, я неплохо зарабатывала, хорошо одевалась и носила шляпки самых модных фасонов. Возможно, меня начала мучать совесть. Утешение потерявших близких на первых порах согревает твою душу, а потом ты постепенно превращаешься в бессердечного практикующего шарлатана.

Однажды поздно вечером после очень утомительного сеанса я вошла в кабинет отца. Я не часто туда наведывалась, комната была довольно маленькой и темной, но в тот вечер притягивала меня словно магнит. Горничная ушла спать – к этому времени она стала моей соучастницей, и я всецело ей доверяла, – и пришлось самой разжечь небольшой огонь в камине. После этого устроилась на зеленой оттоманке возле окна и смотрела на темную улицу. Редкие припозднившиеся прохожие торопились вернуться в свои теплые дома.

Часы пробили трижды.

И в этот момент, уж и не припомню почему, я обернулась, как будто кто-то меня позвал.

На меня смотрело обсидиановое зеркало, и в нем я увидела чей-то темный, искривленный силуэт. На сеансы я всегда надевала весьма экзотичный халат в восточном стиле, в пурпурных и бирюзовых разводах, а волосы укладывала в прическу в форме тюрбана и закрепляла ее заколкой в виде крыльев зимородка.

Но тогда, глядя в зеркало, сразу поняла, что это не мое отражение.

Сердце так громко заколотилось в груди, что я могла слышать его удары, по спине потекли струйки холодного пота.

Неужели наконец-то вижу призрака?

Я твердо решила не поддаваться страху и даже смогла встать. Потом взяла с подоконника горящую свечу и подошла ближе к зеркалу. Мне показалось, что фигура отшатнулась от света. Я увидела, что это мужчина в темном платье, очень похожем на монашескую рясу. От свечи по черной поверхности зеркала разбегались причудливые яркие полосы.

– Кто вы? – шепотом спросила я.

Он подошел ближе. Средний рост, лицо скрыто тенью капюшона. А у него за спиной совсем другая комната, с каменными стенами, деревянной скамьей и столом, заставленным разными парафернaлиями алхимика.

В голове мелькнула внезапная догадка. Я едва могла заговорить от охватившей меня радости.

– Вы… вы мой отец? Папа, это ты?

Мужчина откинул назад капюшон и тихо сказал:

– Нет.

Он был моложе моего отца. Шатен. Измученный, встревоженный, исхудавший.

– Где вы? – шепотом спросил он. – И в каком времени?

– В Лондоне. Сейчас одна тысяча девятьсот четвертый год.

Мужчина опустил голову и ссутулился. Он явно был разочарован. Потом сел на скамью. В небольшое окно я увидела кусочек такого синего неба, какое бывает только в жарких краях.

– Вы призрак? – дрожа от возбуждения, спросила я.

Мужчина посмотрел на меня.

– Больше не знаю, кто я, – сказал он и добавил: – Меня зовут Дэвид Уайльд.

На нетерпеливый повторяющийся стук дверь открыла Сара.

На крыльце под мокрым полосатым зонтом стояла Ребекка.

– Он здесь, да? – спросила она и бесцеремонно прошла мимо Сары в холл. – Что происходит? Что вы с ним сделали?

Сара посмотрела за дверь на дождливый день. Из Леса в небо взмыли стаи птиц.

Она закрыла дверь и задвинула засовы:

– Если ты о Маскелайне, то да.

– Господи, ну почему он мне не позвонил. Я целый час прождала в коттедже.

– В аббатстве нет сигнала. И потом, он занят. Работает над зеркалом.

Высокая девушка закрыла зонт. Сара обратила внимание на то, что ее рыжая коса совершенно вымокла, и на то, как ее злость быстро уступила место обиде.

– Зеркало. Всегда это зеркало.

Сара кивнула, но не двинулась с места. Она огляделась, чтобы убедиться в том, что рядом нет никого, кроме одной из черных кошек, которая вылизывала хвост на деревянном столе. И только после этого решила рискнуть:

– Если бы не зеркало, его бы здесь не было.

– Его здесь и нет! – Ребекка забросила зонт в подставку, по полу от подставки сразу начала растекаться лужица дождевой воды. – Он только и думает, как к нему подобраться. И вот теперь он у цели. Он нужен им, а ему нужно зеркало.

– Для чего? Для путешествия?

Ребекка подозрительно уставилась на Сару и пожала плечами:

– А тебе-то что?

– Ничего. Разве только… – Сара подошла ближе. Рядом с Ребеккой она всегда чувствовала себя маленькой, прямо дюймовочкой какой-то. Она присела на стол и скрестила руки на груди. – Не будь этого зеркала, тебе не пришлось бы ни с кем его делить, – заметила Сара и тут же поняла, что допустила ошибку, – это было слишком грубо и прямолинейно.

Подозрительность Ребекки переросла в негодование.

– Не впутывай меня в свои делишки! Я все про тебя знаю, и знаю, откуда ты пришла. Маскелайн говорит, что ты опасная и хочешь уничтожить зеркало. Ни за что не стану тебе помогать. Так где он?

Ребекка с высоко поднятой головой зашагала через холл.

Сара позволила ей дойти до коридора, который вел в кухню, и только тогда бросила:

– Да, я опасная. Но я тебе не враг. Твой враг – зеркало. Оно – твой соперник. Завораживающая, обладающая бесконечной силой Хроноптики.

Ребекка остановилась, но не обернулась.

А Сара и не думала останавливаться:

– Венн, Джейк, Маскелайн, все они нуждаются в Хроноптике. Они стали ее рабами. Поверь, я знаю, что это так, поскольку видела, как это бывает. Видела, как зеркало пожирает людей, высасывает их разум и душу. Видела, как оно выгибается и пульсирует от собственной силы. Как превращается в черноту, которая способна… которая сможет поглотить весь мир. – Сара сделала один шаг к Ребекке. – Я намерена это предотвратить. И ты можешь мне помочь.

С мокрой косы Ребекки на черно-белую мраморную плитку стекала вода. Ее куртка была вся в темных сырых пятнах.

– Сара, не впутывай меня в это, – попросила она. – Я не такая, как ты. Меня не волнует спасение мира. Я всего лишь влюбленная

в призрака девушка.

Кошка перестала вылизываться и посмотрела сначала на одну, потом на другую. Ребекка взяла ее на руки и погладила по черной шерсти. А затем с кошкой на руках пошла по коридору.

Кошка смотрела через ее плечо в холл.

Сара с задумчивым видом направилась следом.

Семя посеяно.

Пока этого достаточно.

Пирс установил в гостиной старый кинопроектор и снял со стены картины, чтобы использовать ее как экран. Потом, напевая под нос, со знанием дела зарядил пленку. Его алый жаккардовый жилет сверкал из-под грязного лабораторного халата.

Венн ходил по комнате.

– Готово?

– Почти, ваше сиятельство.

Уортон сидел на кожаном диване, закинув ноги на кофейный столик.

– Прямо как субботний утренник, – сказал он. – Пирс, не принесешь нам попкорна?

В комнату вошли две девушки. Уортон удивленно посмотрел на Ребекку:

– Привет.

– Привет, – буркнула она в ответ.

А еще Джордж заметил особенное выражение лица у Сары, которое про себя называл заговорщицким. Он вопрошающе приподнял брови, а та ответила мимолетной саркастической улыбкой.

– Не помню, чтобы приглашал гостей, – заявил Венн.

Ребекка, не обращая на него внимания, сразу прошла к Маскелайну. Мужчина со шрамом стоял возле окна и не спускал глаз с серебряного браслета на руке Венна.

– Ты должна быть в Эксетере.

– Я никуда не поеду, пока не узнаю, что происходит.

– Ничего не происходит. За исключением того, что моя магическая игра сработала.

Ребекка кивнула и сняла сырую куртку:

– И ты был так занят, что не нашел времени, чтобы рассказать мне об этом.

– Ну вот и все. – Пирс хрустнул пальцами. – Все готовы?

– А где Джейк? – спросила Сара.

– Здесь.

Джейк вошел в гостиную с мартышкой на плече. Горацио тут же прыгнул на штору и быстро взобрался по ней.

Саре показалось, что у юноши усталый вид. А еще, что он старше, как будто время в прошлом протекало иначе, чем в настоящем, и Уайльд прожил там значительно больше, чем несколько дней. Но стиль его не изменился, он, как и раньше, с легкой небрежностью носил дорогую одежду.

Джейк уселся на диван рядом с Уортоном.

– Хорошо, – сказал Венн и повернулся к Пирсу, – начинай.

Пирс включил проектор. Зажужжали барабаны.

– Хочу лишь заметить, – уточнил он, – что эту пленку было почти нереально восстановить. Изображение местами полностью утеряно.

Свет в комнате выключили, по окнам стекали струи дождя. На стене появились размытые тени. Пирс что-то пробормотал и начал вращать объектив, чтобы навести резкость.

– Что это? – раздраженно спросил Венн.

– Люди.

Джейк напряженно вглядывался в изображение на стене.

– Один человек, – уточнил Венн, подойдя ближе к экрану. – Пирс, настрой резкость.

– Делаю все, что могу. Как я уже говорил, пленка местами… Вот так хорошо?

На стене из темноты появился человек. Это произошло так внезапно, что все в гостиной сразу умолкли. Незнакомец находился в каком-то сумрачном месте, на нем была то ли коричневая мантия, то ли монашеская ряса.

Его силуэт мерцал, исчезал на мгновение и снова возникал на экране, слегка смещенный от центра.

Уортон опустил ноги со стола и выпрямился. Сара не отрываясь смотрела на экран.

Ребекка не могла понять, почему все вдруг замолчали, и огляделась по сторонам.

– Кто это? – тихо спросила она.

Дождь продолжал стучать по стеклу.

Ребекке никто не ответил.

Потом Маскелайн хрипло сказал:

– Это отец Джейка.

13

У Януса есть все. У нас – ничего.

Он годами совершенствуется в работе с Хроноптикой. Его неуемная жажда узнать все ее секреты губит нас всех. Мы уверены, что за секунды до финальной катастрофы Янус войдет в зеркало и отправится в убежище, которое уже давно для себя подготовил. И будет жить в безопасном прошлом.

Только мы можем разорвать этот круг безысходности. Если мы уничтожим зеркало, мы уничтожим Януса.

Тайная передача данных «Зевса»

Идея снять фильм зародилась у Дэвида во время нашего третьего разговора. Мне больше нравилось называть это ченнелингом.

Дэвид настаивал на том, что он не призрак. Я была вынуждена это признать, хоть и с некоторой долей разочарования – трудно расставаться с мечтами. Но когда Дэвид рассказал мне о том, что он человек из будущего, путешествовал во времени и однажды даже работал с моим дорогим отцом, я смягчилась.

Да что там смягчилась? Пришла в восторг!

– Как такое возможно? – с придыханием спросила я.

Дэвид пожал плечами. Он всегда становился очень близко к зеркалу, будто хотел протянуть через него руку. Но когда я прикасалась к зеркалу, его поверхность неизменно оставалась твердой и гладкой.

– Зеркало позволяет сделать это возможным, – ответил Дэвид, и я уловила в его голосе злые нотки. – Если захочет.

– Значит… я тоже могу путешествовать?

– Без этого не сможете. – Дэвид поднял руку, и я увидела у него на запястье серебряный браслет с янтарным камнем. – У твоего отца его никогда не было.

– Но у вас он есть. И, судя по всему, у вас есть зеркало. Следовательно…

Я сбилась. Он смотрел в то же самое зеркало, что и я, только

в другом времени?

Дэвид кивнул:

– Да, я снова отыскал зеркало здесь, в Италии. Три путешествия после того, как покинул твоего отца. Три путешествия в неверном направлении. Каждое – назад, все дальше во времени от всего, чем я дорожу. Я не могу снова рисковать… И не могу здесь оставаться!

Призраки не должны злиться. Но в голосе Дэвида было столько боли, мне даже показалось, что зеркало усиливает его печаль и страхи.

– И… как у вас получилось заговорить со мной?

– Не знаю. – Дэвид принялся мерить шагами комнату с занавешенными окнами. – Возможно, потому, что я работал над зеркалом вместе с Симмсом. Может, потому что вы – медиум или восприимчивы к такого рода вещам. Безумие какое-то. В моем времени я бы только посмеялся, услышав подобное.

Я преисполнилась гордости и рассказала Дэвиду о моих сеансах, но не о своих уловках. И все же сам факт нашего общения служил доказательством того, что я – настоящая ясновидица!

Но через несколько секунд, как раз, когда Дэвид собрался снова заговорить, его образ исчез. Осталось только смутное пятно, на которое я потом смотрела сутки напролет.

День за днем я сидела на диване и пялилась в черное зеркало. Совсем позабыла о своих клиентах и надеялась, даже молилась о том, чтобы он вернулся. Это все не могло быть просто игрой моего воображения.

Но ничего не происходило.

Постепенно я начала сомневаться в том, что вообще его видела. Усомнилась и в себе.

Однако спустя две недели в один из дождливых дней я вернулась из театра, сняла шляпку и макинтош и попросила горничную:

– Эдит, принеси чай, пожалуйста.

А потом, когда повернула голову, увидела Дэвида. Он был там, как будто никуда и не исчезал. И говорил так, будто для него и не было никакой паузы в нашем разговоре.

– Алисия, у меня есть сын. Его зовут Джейк, и он будет искать меня. Еще есть один человек, Оберон Венн. Я ему нужен. Поэтому я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали.

– Включи звук, – прорычал Венн. – Джейк, сядь.

Но Джейк его не слушал. Он стоял близко к экрану и заслонял собой мерцающую картинку.

– Это он? Как такое может быть?

Уортон аккуратно потянул его за руку:

– Садись, Джейк. Пусть Пирс все наладит.

В комнате воцарилась тишина. Картинка замерла и снова ожила. Это был доктор Дэвид Уайльд – небритый, глаза красные, одет в грязный коричневый сюрко.

А потом он заговорил:

– Алисия, ты готова?

Джейк нервно сглотнул, услышав знакомый до боли голос.

Затем все разобрали ответ – тихую запись на звуковой дорожке.

– Да, Дэвид, готова. Аппарат работает, хотя я не уверена, что все делаю правильно. Кинематограф тут у нас – новое явление, и это устройство так трещит…

Джейк резко втянул воздух. Несмотря на статические помехи, он узнал ее голос.

Голос той женщины под развалинами дрожал, и одновременно в нем чувствовалась уверенность.

– Это все, что я могу сделать, – сообщил Пирс. – Изображение нечеткое и качество звука… Понятия не имею, какой аппаратурой она пользовалась и где ее достала. Но в те времена только-только начали заниматься звукозаписью. Звук не синхронизирован, с этим я ничего не могу поделать.

Сара взглянула на Джейка. Он словно оцепенел и не сводил глаз со своего отца. Венн тоже напряженно вглядывался в экран.

Мужчина посмотрел на них, а когда заговорил, его голос из-за помех звучал хриплым шепотом.

– Ты там, Венн? Ты видишь это? Буду думать, что да. Жаль, что не могу тебя увидеть. Тебя и Джейка. Привет, Джейк… Как бы я хотел оказаться рядом с тобой в аббатстве, если ты сейчас там. – Дэвид шагнул ближе к зеркалу. Его голос на пару секунд отставал от движения губ. – У вас сейчас зима? Боже, как я хочу увидеть снег! Или хотя бы хороший британский дождь. – Он поднял руку, как будто желал прикоснуться к зеркалу. – Мечтаю просто прогуляться по пустоши и дышать свежим морским воздухом! Здесь стоит бесконечная жара, воздух влажный, тучи москитов разносят лихорадку… – Дэвид запнулся на секунду, потом поднял подбородок и улыбнулся. Слабая попытка. – Простите. Становлюсь сентиментальным. Слишком много говорю сам с собой в последнее время. Тебе нужны факты, поэтому перехожу к делу.

– И еще пленка так быстро кончается! – возмутилась Алисия, ее голос в записи звучал громче.

– У него больной вид, – прошептал Джейк.

Не просто больной, подумала Сара, а совершенно

измученный.

– Венн, слушай. – Дэвид взялся двумя руками за раму и пристально посмотрел в зеркало. – После ухода от Симмса я путешествовал. Три раза. Каждый раз находил зеркало, надевал браслет и был уверен, насколько это возможно, что все делаю правильно. И каждый раз все заканчивалось тем, что я оказывался все дальше в прошлом. – Дэвида передернуло. – В таверне, полной крыс, во временах Гражданской войны. Меня арестовали сразу, как только я там появился. Слишком выделялся. Обвинили в колдовстве… Нет времени рассказывать, как я выпутался. Просто смог подкупить судью, добрался до зеркала и снова отправился в путешествие. И в результате оказался в Нью-Йорке за десять лет до того дня… – Дэвид пожал плечами. – Господи, как же я хочу вас увидеть.

Джейк крепко обнял себя за плечи. Глаза его заблестели от слез.

– И я тебя, папа, – прошептал он.

– Третий прыжок в зеркало перенес меня сюда. Во Флоренцию, в одна тысяча триста сорок седьмой год. Нет слов, чтобы описать… какая здесь жизнь. Да, прекрасная эпоха! Но в то же время – жара, антисанитария, нищета и повседневное насилие! Жизнь здесь такая короткая и такая… тяжелая. Я подумал, что… Я решил отказаться от путешествий. Нет смысла перемещаться во времени – так ты меня никогда не найдешь. План такой – я остаюсь здесь и жду тебя. Продолжу искать способ связаться с тобой. Зеркало у меня, – вернее, я имею к нему доступ. Оно во дворце аристократа, к которому я поступил на службу.

Дэвид улыбнулся:

– Я – его врач. Он – порочный и жестокий человек, но, пока он жив, я в безопасности. Даже рвал ему зубы. Готов поспорить, Джейк, ты посмеешься, когда это услышишь.

Никто не засмеялся.

– Я здесь уже три года. По местному времени. Без конца пытался с вами связаться. Произносил заклинания, вглядывался в магический кристалл, делал все, что мог вспомнить. Но важно соблюдать осторожность! Они здесь сжигают ведьм. – Дэвид отвел взгляд и снова посмотрел в зеркало. – И все это время я видел в Хроноптике только свое искаженное отражение. А потом, – один бог знает, как это получилось, – в зеркале появилась женщина. Алисия. Она – дочь Симмса. Сейчас она записывает все это, и это глупо…

– Это гениально, – прошептал Венн.

– Но больше я ничего не смог придумать. Ты должен найти эту пленку! Ты должен меня найти! – Дэвид снова приблизил

лицо к зеркалу. Его шепот не поспевал за его губами. – Здесь чума, Венн! Черная смерть. Я ждал ее. И уже видел два случая. Мне ведь известны симптомы. В этот год чума прокатилась по всей Европе. Из трех человек двое умирали. Если смотреть на вещи реалистично, мои шансы близки к нулю. Если ты меня не найдешь, я буду вынужден снова…

Изображение на стене дрогнуло, и в следующую секунду экран стал пугающе черным. С треском вращалась бобина, пленка щелкала по проектору.

Пирс отключил питание. Никто не мог произнести ни слова.

Какое-то время тишину нарушал только шум дождя. Потом Джейк повернулся к Саре, его лицо было белым, как бумага.

– И что дальше? Он там умер? Ты же из будущего, как ты можешь не знать?

– Джейк, – тихо окликнул его Уортон.

– Но она должна! Она должна знать, чем закончится этот кошмар. – Джейк подошел к Саре. – Мой отец смог вернуться?

– Я не знаю. – Сара старалась говорить спокойно. Все смотрели только на нее. Маскелайн с любопытством. Глаза Венна были голубыми и холодными, как лед. – Джейк, если бы я знала, клянусь, сказала бы… Но до того, как пришла сюда, я никогда не слышала о Дэвиде Уайльде. Прошу тебя, поверь мне.

Джейк повернулся к Венну:

– Мы должны пойти за ним. Прямо сейчас.

– Нет, – тихо сказал Венн. – Пока Маскелайн не будет до конца уверен, мы…

– Дайте мне браслет. Дайте мне попробовать. Если…

– Джейк, подумай сам. Мы не можем рисковать. Как только будем готовы… – начал Уортон.

– И вы тоже? – Джейк оглядел собравшихся в гостиной. – Посмотрите на себя! Вас парализовало от страха. А мой отец, может быть, прямо сейчас там умирает. Но вам на него плевать. Венна только Лия волнует, которая уже умерла. А тебя, Сара, будущее, которое даже неизвестно, наступит ли! Я ненавижу и презираю вас всех! Если надо, я один за ним пойду!

Джейк выбежал из гостиной и хлопнул дверью.

– Простите его, – вздохнув, попросил Венна Уортон. – И ты, Сара, прости. Он не в себе…

– Понимаю. – Сара подошла и встала перед черным, непроницаемым зеркалом. – Я бы тоже так себя вела, если бы там был мой отец. Но поверьте, у меня нет ответов на его вопросы.

Пирс откашлялся и спросил:

– Желаете еще раз просмотреть пленку?

– Одного раза достаточно. – Венн подложил в камин полено и

молча следил, как под серым пеплом пузырится и лопается смола. Постоял так какое-то время, а потом сказал: – Ну, нам хотя бы известно месторасположение Дэвида. Если удастся настроить зеркало с той же точностью, как на время «Блица», мы явимся туда и заберем Дэвида с той же легкостью, что и Джейка. – Венн повернулся к Маскелайну. – Вы у нас эксперт. Каково ваше мнение?

Мужчина со шрамом неподвижно стоял у окна и смотрел на побитые дождем лужайки аббатства и раскачивающиеся черные деревья в Лесу.

– Все не так просто, – проговорил он. – По мере удаления в прошлое точность существенно снижается. Одна тысяча девятьсот сороковой был относительно недавно, для того чтобы гарантировать прибытие на нужное место с точностью до двух дней. Попасть в день с расстояния в сто семьдесят лет практически невозможно. Есть вероятность перенестись на год раньше или позже. И еще возникнут проблемы с возвращением…

– Мне не надо рассказывать о проблемах, – огрызнулся Венн. – Мне нужны решения.

Маскелайн смотрел на дождь сквозь отражение гостиной. Затем развернулся и обратился ко всем присутствующим:

– Вот мои условия: свободный доступ к зеркалу, комната в этом доме и никто не мешает мне работать.

Венн сузил глаза.

– Но браслет вы не получите, он останется у меня.

– Договорились. Пока. Пирс предоставит мне все необходимое. А когда я выполню свою работу, то в качестве вознаграждения заберу и браслет, и зеркало. Я их забираю, ухожу, и вы больше никогда меня не увидите. Такова моя цена.

У Венна вытянулось лицо. Сара нахмурилась.

Первой подала голос Ребекка:

– Я считаю – это справедливо.

Венн усмехнулся:

– Да неужели! – Он постучал пальцем по виску и посмотрел на Маскелайна. – Вы предполагаете, что зеркало среагирует на вас охотнее, чем на кого-то другого? Думаете, оно вас узнает?

Мужчина со шрамом рассмеялся. Его смех в полумраке комнаты прозвучал легко и непринужденно.

– Я не предполагаю. Я знаю.

– Тогда приступайте. – Венн повернулся к дверям.

– Мои условия…

Венн резко развернулся и со злостью во взгляде посмотрел на Маскелайна.

– Если вернете Дэвида и Лию живыми, можете забрать хоть

все это проклятое поместье вместе с душами всех его обитателей. Но если вы меня обманете… – Венн шагнул вперед. – Если вы тратите мое время ради достижения своих…

Громкий лязг заставил всех вздрогнуть от неожиданности – Пирс уронил на пол бобину с пленкой.

– Упс, – с невинным лицом выдохнул он.

Венн зло посмотрел на слугу:

– Хочешь что-то сказать?

– Ну… С этим можно подождать. Вы помните манускрипт Ди, ваше сиятельство? Я сейчас над ним работаю и думаю, там есть вещи, которые могут нам пригодиться. Может, Мортимер Ди и не сам лично сконструировал Хроноптику, но он определенно знал о ней много интересного.

Маскелайн, как только это услышал, как будто ожил. Он отошел на два шага от окна и переспросил:

– Ди? Вы нашли его бумаги?

– Сара нашла, – уточнил Уортон, посчитав, что девушке это будет приятно.

Однако эффект оказался обратным.

Сара недобро зыркнула на учителя и заявила:

– Всего одна изрисованная страница с нечитаемыми каракулями.

– Возможно, это как раз то, что мне нужно! – Маскелайн не на шутку разволновался. – Где он?

– В сейфе, но… – Пирс посмотрел на Венна и приподнял одну бровь.

– Отдай ему копию, – распорядился Венн.

Маскелайн поспешил к выходу.

Венн взглядом проводил его до двери и холодно добавил:

– Но браслет останется у меня. И если вы провалите все дело, я отдам вас Ши на вечные муки.

Маскелайн на секунду задержался на пороге и вышел.

– Вот и славно. – Пирс взял на руки одну из кошек. – А теперь – ланч?

Уортон отправился на поиски Джейка.

Он нашел его в клуатре. Горацио висел у парня на шее и что-то верещал прямо ему в лицо. Но парень его даже не замечал.

Уортон только раз глянул на Джейка и бросил ему пальто.

– К черту запеканку Пирса, мы едем в паб.

Джейк не пошевелился.

– Черная смерть? – пробормотал он с побелевшим от страха лицом.

Уортон замер с одной рукой в рукаве, потом рывком надел

дафлкот и целиком сосредоточился на застегивании деревянных пуговиц.

– Не сдавайся, парень.

– Мне страшно. – Джейк поднял голову и посмотрел на учителя. – Это странно?

– Нет. Совсем нет. Но ты Джейк Уайльд. Ты тот сумасшедший, который, чтобы убраться из школы, порезал Паттену руку. Ты не сдаешься. Вот почему у тебя репутация несносного парня. И поэтому ты победишь. Сейчас Маскелайн на нашей стороне. Он – странный тип, я не представляю, чего от него можно ожидать, но он не первый раз имеет дело с этим зеркалом. Послушай, какую сделку он заключил с Венном.

Юноша кивнул и вполуха выслушал Уортона, потом вскочил, и Горацио, заверещав от радости, повис на нем вниз головой.

– Хорошо, – решил Джейк. – Идемте отсюда. Мне надо подумать.

Сара сидела на широком подоконнике, подтянув колени к подбородку, и наблюдала за тем, как машина дернулась и поехала по затопленной дороге. Так она просидела, пока автомобиль не скрылся за черными ветками вязов. На секунду она почувствовала острую обиду. Они даже не предложили поехать с ними.

Вспышка Джейка причинила ей боль. Он такой избалованный мальчишка! Понятия не имеет, через что ей пришлось пройти, не представляет, какой ужас творится в будущем, а она даже не может ему об этом рассказать. Ни об ужасных экспериментах Януса, ни о тайнах секретной организации «Зевс». Он думает только о своих проблемах. И Венн ничем не лучше.

Сара тряхнула головой и закончила шнуровать выданные Пирсом туристические ботинки. Потом надела найденный им же красный дождевик. Он оказался чуть великоват.

Ну и черт с ними. Монета. Вот о чем надо думать. Она должна раздобыть эту монету.

Сара выскользнула из дома через боковую дверь в затопленный дождем сад. Осторожно, так что развешанные над дверью металлические ножницы и бруски едва слышно звякнули, прикрыла ее за собой. У Пирса и здесь была установлена камера наблюдения, но Сара знала, что он слишком занят приготовлением ланча и не станет следить за дверью. Она быстро пробежала по гравиевой дорожке за дом.

В Уинтеркомбском аббатстве множество внутренних дворов, надворных построек и флигелей. В ее времени большинство из них уже разрушены, но в этом веке все на месте, а крыши и

эркерные окна еще целы. Один из домов, который Пирс называл аббатской кухней, представлял собой готический восьмерик с огромной трубой. Когда-то там давно уже умершие повара средневекового аббатства готовили яства для великих праздников Рождества и Пасхи.

Дом стоял посреди заросшей крапивой поляны, по его стенам расползались толстые стебли плюща с блестящими от влаги листьями.

Сара засунула руки под один из стеблей и уперлась в стену. Кладка сырая и искрошенная. На голову и за шиворот с листьев обрушились каскады воды. Она передернула плечами и продолжила ощупывать стену. Наткнулась на пустоту, ступила под стрельчатую арку и, тяжело дыша, принялась на карачках продираться сквозь листья.

Потом встала и снова оказалась под душем дождевых капель.

Внутри царила сырость, дыхание превращалось в пар, свет был рассеянным, все вокруг – зеленым. Сара огляделась, потом посмотрела под крышу, там, громко хлопая крыльями, вспорхнул с балки голубь.

– Ты здесь?

Ответа не последовало, но девушка слышала его дыхание.

Сара вытащила из кармана фонарик, посветила вокруг. Древнюю кирпичную трубу тоже увивал плющ. Под одним из свисающих с трубы стеблей девушка разглядела темный силуэт. Гидеон, сгорбившись, сидел в развалинах очага. Когда она подошла ближе, юноша поднял голову.

Сара охнула.

Лицо Гидеона покрывали кровавые полосы, веки покраснели.

Рукава зеленого плаща превратились в лохмотья.

Все пальцы содраны.

– Господи, что с тобой случилось? – шепотом воскликнула Сара.

Гидеон посмотрел на нее так, будто ненавидел.

– Меня превратили в крапивника, – едва слышно ответил он. – Ши на меня охотились.

14

Из Леса Ошин Венн вышел другим. На нем были великолепные одежды, пальцы унизывали перстни, а смех стал холодным как лед. Его конюшни с тех пор были полны лошадей, овечьи стада прирастали. В самое разное время суток в окнах его дома зажигались огни и по вересковым пустошам эхом разносились звуки шумного веселья.

Но деревенские жители запирали свои дома и предавались мрачным мыслям. Всем известно, что связь с потусторонними силами обрекает на проклятье и ведет к вратам ада. Люди боялись за свои души.

Уинтеркомбские хроники

Все семь кошек спали в коридоре на втором этаже.

Та, которая лежала на подоконнике, проснулась первой. Она подняла голову и открыла глаза – зеленые щелки на черном фоне. На серебряном ошейнике с маленьким диском была выгравирована кличка – Примо.

Наступили сумерки, небо за лесом потемнело, тени поползли вниз по стенам, по отсыревшему поперечному плинтусу и по заросшим паутиной рамам картин.

Кошка прислушалась.

Дождевая капля упала в подставленное ведро.

Кошка ощетинилась и села. И в ту же секунду проснулись остальные шесть. Все повернули головы в сторону лестницы в конце коридора.

Они услышали шаги.

Шаги были легкими, как у призрака, под ними даже не скрипели половицы.

Примо спрыгнула с подоконника и села на пол рядом с другими. Ряд наблюдающих зеленых глаз и подрагивающих хвостов.

Шаги достигли лестничной площадки. Остановились. И начали приближаться по коридору. Тихие, как падающая в заброшенном дымоходе пыль.

Кошки зашипели.

Их вдруг охватила паника, и они бросились врассыпную: за занавеску; под шкаф; в пыльную нишу за столом.

Шаги прозвучали рядом и начали удаляться. Босые ноги на цыпочках шли по джутовому полотну мимо спален к запертой комнате в конце коридора. И там, не задерживаясь, прошли сквозь стену.

Семь кошек выскользнули из своих укрытий и переглянулись. Одна развернулась и быстро побежала по коридору в сторону кухни. Остальные, мягко ступая лапами и задрав хвосты, цепочкой прошествовали по коридору и сели в ряд напротив последней комнаты.

Как будто собрались сторожить того, кто проник туда.

Венн, полностью одетый, лежал на кровати.

Когда-то над старинной кроватью был балдахин, только его давно сняли, и остались лишь четыре столбика. Оберон лежал с закрытыми глазами, но сразу почувствовал, когда она вошла в комнату.

Он медленно сел.

Саммер сидела возле туалетного столика.

Зеркало было повернуто, но Венн все равно мог видеть ее отражение, как будто оно обладало магическими свойствами.

Саммер улыбнулась:

– Ты как, Венн, устал?

– Что ты здесь делаешь?

– Ты забыл? Я теперь могу входить в дом. Вот подумала, было бы мило… нанести визит.

– Я не желаю видеть тебя в моем доме, – немного напряженно сказал Венн. – Твое место – Лес. Саммерленд.

Саммер как будто его не слышала. Она взяла черную с серебром щетку и начала расчесывать свои блестящие черные волосы.

– Это вещи Лии? У нее хороший вкус.

– Убери от них свои грязные руки.

– О Венн, как грубо!

Саммер положила щетку на столик и достала из выдвижной полки шкатулку с украшениями. Открыла. Ее длинные пальцы пробежались по брошам и кольцам.

Венн подскочил к ней и захлопнул шкатулку:

– Убирайся отсюда.

– Ты не стал ничего менять в ее комнате. Это так забавно! Знаешь, причуды смертных порой вызывают у нас удивление. Мы смеемся и не можем их понять. Как это – всю жизнь знать, что

наступит день, когда ты умрешь? – Саммер посмотрела Оберону в глаза и улыбнулась. – И что странно, большинство смертных это принимают. Но только не ты. Ты никогда с этим не смиришься.

Венн отступил на шаг:

– Ты ничего не знаешь о смерти. И о любви.

– Это правда. Но я знаю тебя. И тебе не заморочить меня разговорами о любви. Ты хочешь вернуть Лию не потому, что любишь ее. Ты хочешь ее, потому что не принимаешь отказов. Ты не способен смириться с поражением. Ничто не может тебя одолеть, ни смерть, ни время. Ты не сдаешься. Ты не научился проигрывать. Думаешь, что твое желание вернуть ее делает тебя более человеком, чем ты есть на самом деле? Но это только доказывает, что ты – Ши. – Саммер встала прямо перед Венном. – Ты стоишь перед выбором: Лес или мир людей. Быть человеком и умереть – или быть с нами и освободиться от всего этого. А еще ты знаешь, что ни в каком другом месте никогда не почувствуешь себя по-настоящему дома. Это должно быть так тяжело!

Саммер потянулась к лицу Венна.

Он отшатнулся:

– Ты ничего не знаешь о моих чувствах!

– Нет, знаю. Когда-то ты был моим. Я все о тебе знаю.

Саммер приблизилась к Венну. Он отвел взгляд и, словно по давно выработанной привычке, посмотрел влюбленным взором на портрет Лии на стене. Ее лицо на полотне было темным и напряженным, а взгляд такой, как будто она его видела.

– О, вот же она! – Саммер крутанулась и посмотрела на портрет. – Моя соперница. – Она широко открыла глаза, как будто ее вдруг посетила блестящая идея. – Ты хочешь, чтобы я превратилась в нее? Я права? – Волосы Саммер внезапно удлинились. Она сама стала выше, а ее губы бледнее. Лицо начало изменяться. Глаза потемнели. – Так лучше?

– Прекрати.

– Я могу быть ею. Точно такой же, как она. Ты даже не почувствуешь разницы.

– Хватит!

Венн отступил на шаг, но потом замер как зачарованный. Саммер изменялась с невероятной скоростью. Взгляд, жесты, поворот головы, смешинка в глазах – все стало как у Лии. Венн против своей воли почувствовал, как его захлестнула волна страха и радости.

– Так лучше? – снова спросила Саммер.

Даже ее голос был безупречен.

Оберон не мог произнести ни слова. Даже думать не мог. Она подошла ближе и взяла его лицо в ладони. Ее пальцы

прикасались к нему. Пальцы Лии касались его лица.

Стук в дверь прозвучал как взрыв в тишине.

– Ваше сиятельство! У вас все в порядке?

Венн заморгал и сделал шаг назад.

– Ваше сиятельство! В доме посторонний! Сэр, вам ничто не угрожает?

Оберон судорожно оттолкнул от себя это существо и, пошатываясь, подошел к окну. Закрыл лицо ладонями, провел пальцами по спутанным волосам. Потом взвыл от злости и обернулся. В комнате никого не было.

Только слабый аромат духов и отголоски легкого смеха еще висели в воздухе.

– Ваше сиятельство?

Дверь распахнулась. На пороге стоял Пирс, а за ним в ряд, словно гвардейцы, выстроились черные кошки.

Маленькие зоркие глазки Пирса быстро осмотрели всю комнату.

– Все хорошо?

Венн глянул на портрет. Несколько секунд он от боли не мог произнести ни слова, но, когда заговорил, его голос был таким же холодным, как и всегда.

– Пирс, ничего не изменилось. Все плохо.

Из дневника Алисии Харкорт Симмс

Естественно, снимать фильм было весьма волнительно, и в последующие несколько дней я лишь об этом и думала!

Дэвид ушел и не появлялся несколько недель. Я очень ждала его возвращения, а пленку припрятала в чемодан под кроватью, в котором хранила дорогие мне вещи.

Ведь в один из дней за ней мог прийти мальчик из будущего!

И тогда же мне в голову пришла гениальная идея.

Мои сеансы были глупой прихотью и обманом в хорошем исполнении, и, конечно, всегда оставался риск разоблачения. Но зеркало – это удивительное магическое устройство! Я подумала, что, если использовать его во время сеансов, оно может показать много чудесных вещей, а я с их помощью сколочу приличное состояние!

Отец бы этого не одобрил. В этом я не сомневалась. Но с другой стороны, он в свое время увлекался оккультизмом и любил всякие тайны. Почему бы мне не пережить свое собственное приключение, пусть даже я всего лишь сварливая очкастая старая дева без малейшей перспективы выйти замуж?

В итоге я наняла мастера, который привел провода в порядок и прочно установил зеркало. Он понятия не имел, что это за устройство, но я слышала, как в разговоре со своим приятелем назвал меня спятившей старой теткой.

Но я отлично соображала.

Я заказала новые приглашения и удвоила свой гонорар.

И приготовилась наблюдать за тем, что обсидиановое зеркало покажет моим легковерным клиенткам.

Сара осторожно промокнула порез влажной тряпкой.

Гидеон поморщился и чертыхнулся.

– Сиди тихо.

– Жжется!

Сара была в ужасе от его состояния. Раны не были серьезными, ни одна не могла бы его убить, но Ши буквально заклевали Гидеона, и тело его было все в синяках и ссадинах.

– Надо переправить тебя в дом. Пирс…

– Только не он. – Гидеона трясло от страха и злости. – Вообще никто из этих мерзких существ не должен меня видеть.

Сара задумалась. Гидеон и Венна имел в виду?

– Хорошо. Мы поднимемся в мою комнату в мансарде. Туда никто не заходит.

Гидеон упрямился, но девушка сумела его уговорить. Они проскользнули в дом через боковую дверь и поднялись по черной лестнице. Очень осторожно прошли мимо кухни, где, напевая себе под нос, гремел кастрюлями Пирс. Следом за ними плыл запах жареного лука.

В коридоре, когда они шли мимо спальных комнат, Гидеон на секунду остановился. Страх, как удар тока, прошел через все его тело.

– Здесь была Саммер.

– Она не может…

– Смогла! Я всегда ее чую.

В маленькой комнатке Сары он сел на кровать и застонал. Сара принесла тазик с теплой водой и полотенце и хотела помочь ему снять плащ.

– Не надо. Я сам!

От боли он стал очень раздражительным.

Сара села на подоконник и наблюдала за тем, как Гидеон промокает свои раны.

– Саммер узнала, да? – спросила она спустя какое-то время. – О том, что ты ходил за Джейком?

Гидеон кивнул.

– И так она тебя наказала?

– О, у Саммер много способов наказать. И она наказывает не только меня одного. Она безжалостна ко всем. – Гидеон посмотрел на Сару. – Я больше не выдержу. Клянусь, прямо сейчас пойду, заберусь на стену поместья и спрыгну во внешний мир. Если даже я тут же исчезну, состарюсь за секунду и обращусь в прах, это и то будет лучше.

Гидеон отбросил полотенце в таз с порозовевшей от крови водой и встал.

– Ты никуда не пойдешь, пока не выслушаешь меня.

– Ты ничего не можешь мне рассказать…

– Сначала послушай, потом решишь.

Сара посмотрела на половицу, под которой прятала серый блокнот. Слова Януса, даже когда она их не видела, будто дразнили ее из-под пола. Но она все равно его одолеет. Она должна победить!

– В Рождество я отдала Саммер одну вещь, которую взяла с собой из будущего, из Конца времен. Половина золотой греческой монеты. На цепочке. С головой Зевса. Помнишь?

Гидеон пожал плечами:

– И что?

– Мне надо ее вернуть. И для этого мне потребуется твоя помощь.

– Зачем она тебе? Какая в ней сила?

Гидеон быстро соображал и сразу насторожился. Главное, чему учит жизнь с Ши, – это наблюдать, быть начеку и уходить от опасности.

Сара сложила пальцы домиком:

– Эта монета обладает большой силой. Думаю… если я смогу получить обе половинки и соединить их… Это уничтожит зеркало.

– Зеркало! – Гидеон вскинул голову и прищурился. – Этот механизм! Я смогу запрыгнуть в него. Даже без браслета. И потом появлюсь… где-нибудь в другом времени.

– И там тебя будут поджидать Ши. – Саре надо было его убедить в своей правоте. Она соскользнула с подоконника и села перед Гидеоном на корточки. – Для них время всегда одно. Ты не избавишься от них без нашей помощи. Без моей помощи. Потому что в будущем, откуда я пришла…

Гидеон с недоверием и надеждой в глазах не отрываясь смотрел на Сару.

Она сделала глубокий вдох и закончила:

– Там нет Ши. – А потом сразу, пока Гидеон не пришел в себя от этой новости, сменила тему: – Итак, монета. Ты знаешь, где она?

Сара встала и принялась ходить по комнате, а Гидеон ошарашенно наблюдал за ней.

– Там нет Ши? Это невозможно. Как?..

– Сначала – монета.

Гидеон тряхнул головой:

– Саммер все сокровища держит в своем доме.

– У нее есть дом?

– В глубине Саммерленда. Он постоянно меняется. Размеры, внешний вид.

Сара остановилась напротив Гидеона:

– Настоящий дом?

– Там нет ничего настоящего. Не в том смысле, как вы это понимаете. Это такое место. О нем болтали Ши. Они говорят, что иногда это выглядит как дом, крытый крыльями птиц. Иногда – это подводный дворец. Иногда – замок. Его трудно найти и еще труднее попасть внутрь. И в центре этого места – шкатулка. По словам Ши, она алая как кровь и открыть ее можно только с помощью особых заклинаний. В ней Саммер хранит свои сокровища. Твоя монета, если она того стоит, наверняка в этой шкатулке.

Сара задумалась. Можно ли верить во все это?

– А Саммер не станет носить ее на шее?

– У нее золота и серебра столько, сколько ты и во сне не увидишь. Но она не носит драгоценности. Она копит их, как дракон. Какие-то драгоценности настоящие, то есть сделаны смертными. Но остальные из других измерений, они добыты в потусторонних мирах или с помощью волшебства выкованы из листьев и грибов.

Гидеон, морщась от боли, натянул рубаху и снова надел плащ.

– Значит, ты должен меня туда отвести, – решила Сара. – Мне нужно выкрасть монету.

Гидеон тихо рассмеялся, и смех его был совсем невеселым. Потом посмотрел на Сару. Очень внимательно посмотрел:

– Только не говори, что ты это серьезно.

Ребекка прижалась ухом к двери комнаты Сары и напряженно прислушивалась к беседе.

– Что ж, – посмотрим, кто кого одурачит, – прошептала она.

В пабе Уортон долго цедил темное солодовое пиво, потом поставил бокал на стол и вздохнул.

– Превосходно. – Он посмотрел на Джейка и вскрыл пакет с солеными чипсами. – Полегчало?

– Я в порядке.

Уортон нахмурился. Ему была знакома эта отстраненная манера, эта закрытость и пугающая концентрация на собственных мыслях.

– Джейк, надеюсь, ты не планируешь какую-нибудь очередную безумную выходку?

– Естественно, нет.

После такого ответа Уортон всерьез заволновался, но задать следующий вопрос не успел.

Джейк вдруг выпрямился и напрягся:

– Смотрите! Вон там, на улице. Вы их видели?

Уортон повернулся к окну и вытер ладонью запотевшее стекло. На темной деревенской улице стоял один-единственный фонарь. Под дождем свет от него походил на оранжевый нимб.

– Что?

– Дети!

Джейк смотрел на островок света под фонарем.

– Там никого нет… Я ничего не вижу.

Джейк молчал. Молчал, потому что они были там, он их видел. Три репликанта Януса. Совершенно одинаковые. В промокших школьных пиджачках, в серых гольфах, с прилипшими к круглым головам мокрыми волосами.

Они помахали ему рукой, потом развернулись и побежали в ночь.

«Джейк, не забывай, – одними губами прошептали они на прощание, – не забывай нас».

15

У Венна были потрясающие физические данные. Говорили, что он никогда не болел и обладал фантастической выносливостью. Однажды во время съемок документальной серии о вулканах Венн совершал глубоководное погружение у берегов Индонезии. Тогда возникли какие-то проблемы, Оберон долго не появлялся на поверхности. Все разволновались. Медики уже стояли наготове. Но когда мужчина забрался на борт, с ним все было в порядке.

Позже я присутствовал при том, как один из техников проводил осмотр кислородного оборудования, и заметил, что он крайне озадачен.

– Что-то не так? – спросил я.

– О, ничего… какой-то сбой, наверное, – датчики кислорода были на нуле. Или он может жить без воздуха. – Техник рассмеялся.

А я не знал, что на это сказать.

Джин Ламартин. Странная жизнь Оберона Венна

Пирс лежал на животе среди завалов смятой бумаги.

Он был весь в карандашах: один в зубах, другой в руке, третий за ухом и еще по нескольку в каждом кармане халата.

Пирс с пугающей скоростью писал на листе бумаги цифры, при этом постоянно сверялся с манускриптом Ди в пластиковой папке.

– Там ничего не было, – говорил Уортон. – Но я уверен, что Джейк что-то видел. А ты что думаешь? Кто эти дети и что им от нас надо?

Снаружи прогремел гром. Пирс на мгновение приподнял голову и снова вернулся к своим цифрам.

– Скорее всего – репликанты. У Януса, если верить Саре, полно репликантов. Спросите ее.

Уортон кивнул:

– Спрошу. Но я волнуюсь. Я знаю Джейка. Есть что-то, о чем он мне не рассказывает.

– Эврика! – воскликнул Пирс.

– Что?

Маленький азиат сел на полу.

– Эврика. А еще – аллилуйя. И даже больше: гип-гип-ура! – Пирс аж дрожал от еле сдерживаемого восторга. Потом подбросил карандаш с такой силой, что тот воткнулся в сырой потолок и остался висеть там, как маленький желтый сталактит. – Есть!

Уортон соскочил со скамеечки у очага:

– Что-то откопал?

– Слова. Зеркало… черное дерево… глаз… Немного, но начало положено!

Пирс так воодушевился, что Уортон, который был несколько разочарован, почувствовал себя предателем.

Маленький азиат схватил бумаги:

– Идемте со мной.

Уортон, отдуваясь и чертыхаясь на ходу, поспешил за Пирсом. Ему вдруг пришла мысль, что он так никогда и не сможет понять происходящее в этом аббатстве.

В коридоре он мельком посмотрел в окно. Дождь все не переставал. Лужайки пропитались водой и местами превратились в коричневые лужи, а черные деревья в Лесу за ними раскачивались и клонились к земле под непрекращающимся дождем.

Снизу, откуда-то из глубин дома доносился звук, причем Уортон уже слышал его ночью. Тогда ему казалось, что это сон. Однако это ревела переполненная водой река Уинтеркомб, русло которой проходило прямо под погребами аббатства.

На бегу Уортон обратил внимание на то, что в коридоре появилось больше ведер, а на потолке расползлись пятна зеленой плесени. Весь дом пропитался влагой.

На Тропе монахов он прикасался рукой к сырой каменной кладке, горгульи в виде средневековых чудищ изрыгали дождевую воду. Уортон физически ощущал размякшую древесину, полопавшиеся водостоки, насыщенный водой грунт под фундаментом. Ему вдруг стало страшно. Казалось, этот огромный дом кренится, его стены вот-вот смоет и от него останутся только руины, о которых рассказывала Сара.

Уортон тряхнул головой и побежал дальше.

В огромном погребе с лабиринтом все изменилось.

Уортон, как только вошел, сразу замер.

Маскелайн установил зеркало в центре комнаты, закрепил его на полу и привязал тросами к потолку. Спутанную сеть из зеленых лент, которая, по задумке Пирса, удерживала наблюдателей и не давала зеркалу их поглотить, он распутал и соорудил из нее подобие длинной воронки, причем воронку направил прямо в зеркало.

На полу лежали груды проводов Симмса. Маскелайн стоял, утопая в них по колено, и методично отделял один провод от другого. Когда он повернул голову, синевато-багровый шрам у него на щеке как-то странно заблестел.

Увидев самодовольную улыбку на лице Пирса, он быстро выбрался из проводов и решительно прошел к двери:

– Что?

– Ничего. Просто наметился прогресс с расшифровкой кода.

Пирс положил на стол бумаги и отступил на шаг с жутко гордым видом.

– Что за код?

Это спросила Ребекка. Она еще не сняла плащ и резиновые сапоги. Уортон понял, что Ребекка тоже поселилась в доме. Аббатство превращалось в коммуну.

Маскелайн провел тонкими пальцами по фотокопии манускрипта. Уортону на секунду даже показалось, что это причинило ему боль.

– Откуда у тебя это? – спросил Маскелайн.

Пирс постучал указательным пальцем по носу и сказал:

– Не только у вас одного есть секреты.

В его голосе было такое откровенное злорадство, что Уортон поспешил вмешаться:

– Предполагается, что мы работаем сообща.

– Вот и объясните ему это. – Пирс схватил манускрипт и спрятал его в карман. – В следующий раз своими заклинаниями он засунет меня в фарфоровый горшок.

– Да уймитесь вы, ради бога… Пирс, что с рекой? Она рычит, как дикий зверь. Это место когда-нибудь затопляло?

Пирс безразлично пожал плечами:

– Не знаю. Может быть.

Маскелайн с проводами в руках повернулся к ним спиной.

Уортон раздраженно выдохнул. Что происходит между этими двумя? Они враждуют? Это вызывало тревогу.

Но тут Ребекка взяла Уортона за руку и оттащила в сторону:

– Забудьте вы о погоде. У вас есть проблемы посерьезнее.

– Что еще?

– Сара. Она задумала кое-что украсть у Саммер. И подменыша перетянула на свою сторону.

Уортон похолодел:

– Украсть? Что украсть?

Ребекка пожала плечами:

– Какую-то монету.

Сара стала невидимой.

Кожа зудела все сильнее. Каждый раз, когда это происходило, у нее возникало такое чувство, словно она опять отдается во власть Януса. Будто бы снова возвращается в лабораторию.

Девушка натянула резиновые сапоги, надела плащ и выскользнула из комнаты. Она позволила себе вспомнить тот день в пугающе белой клинике. Тогда, придя в себя после наркоза, Сара почувствовала, как потусторонний холод закрадывается в самые дальние уголки ее мозга. Она помнила, как это было страшно. Холодная белизна все увеличивалась и как снежная лавина затопляла ее разум и воспоминания.

Сара тряхнула головой.

Этого больше не повторится.

Лучше умереть, но только не это.

Аббатство пропиталось влагой. В коридорах никого. Девушка крадучись шла по Большой галерее. Со стороны Тропы монахов доносились приглушенные голоса. Под ногами скрипели половицы. Сара быстро прошла мимо комнаты Джейка, мимо спальни Уортона, мимо запертой двери в комнату Венна, где тот предавался мрачным мыслям под смеющимся портретом на стене.

Спустилась по лестнице.

Внизу, как сторожа, сидели две кошки и с недовольным видом следили за ней раскосыми зелеными глазами.

У Сары екнуло сердце – они ее видели.

У парадной двери она проверила рюкзак. Вода, еда, маленький стальной нож.

Отодвинула засовы, открыла покореженную от сырости дверь и выглянула наружу.

А потом – ушла. Тихо, как шепот.

Как призрак.

– Смотрите, – едва слышно сказала я.

Вокруг стола зашелестели удивленные голоса. Руки крепче сцепились в кольцо.

Все вглядывались в загадочную черную поверхность зеркала в серебряной раме. В зеркале мелькали смутные силуэты, чей-то голос произносил одну лишь фразу и тут же стихал, появлялись и исчезали какие-то комнаты.

– Есть там кто-нибудь? – дрожащим от страха голосом

спросила я. – Есть ли там дух, желающий заговорить?

В зеркале появилось множество теней.

Я содрогнулась и забилась в конвульсиях. Это у меня хорошо получалось – я много тренировалась. Потом распахнула глаза и увидела, с каким восторгом смотрят на меня сидящие вокруг стола дамы и пара джентльменов в черных сюртуках.

– Я здесь. – Мой голос совершенно изменился, стал тонким и писклявым, как у ребенка: – Мама?

По крайней мере половина женщин за столом вскрикнула. Естественно, я знала, что каждая из них кого-то потеряла. Да, вы вправе подумать, с моей стороны было жестоко эксплуатировать их горе. Но в свое оправдание скажу: я совершенно искренне считала, что мои сеансы им помогают. Что в них они находят утешение.

– Мама, – пришепетывая, пробубнила я, – это твое дорогое дитя. Я счастлива. Я вижу тебя.

Слезы. Рыдания.

Я продолжала всматриваться в черноту зеркала. Все сеансы я заранее планировала и отрабатывала до мельчайших деталей. Мне уже приходилось бывать пропавшим в Крыму супругом, прапрабабушкой, чья наследница – известная мотовка – хотела разузнать, куда подевалось колье с бриллиантами. Моим следующим духом должна была стать новопреставленная тетушка одного нервного молодого человека, который, как успела разузнать моя горничная, был по уши в долгах. А завещание тетушки еще не нашли.

Я открыла рот и приготовилась заговорить старушечьим голосом.

Зеркало рассмеялось.

Признаюсь, меня бросило в дрожь.

Смех был настолько зловещим и настолько нездешним, что на его фоне все мои имитации имели бледный вид.

Мои клиенты оцепенели. Казалось даже, что пламя свечей в полумраке комнаты стало меньше.

В черном зеркале появился чей-то силуэт.

– Кто это? – спросила я. – Дэвид? Это вы?

Сердце громко забилось у меня в груди. В камине затрещали дрова.

– Моя дорогая мадам, – совершенно спокойно сказал он, – кажется, мы незнакомы. Меня зовут Янус.

Джейк стоял в небольшой гардеробной, которая располагалась между комнатой его отца и спальней Венна. Дверь в комнату Оберона была заперта. В коридоре послышались чьи-то

шаги. Джейк замер, взявшись за холодную мраморную ручку, постоял так немного и решил, что это ему показалось. Скорее всего, это вода капала с крыши.

Юноша выбрал на связке очередной ключ. Связку он украл из кухни полчаса назад, пока Пирс увлеченно работал над своими бумагами. Ключ подошел.

Джейк удовлетворенно улыбнулся, повернул ручку и очень медленно приоткрыл дверь.

Обстановка в комнате, как и всегда, была спартанской.

Венн, полностью одетый, лежал на кровати, укрывшись черным пальто. На черно-белом лоскутном одеяле присохла грязь от ботинок. Оберон спал крепко, как до предела уставший человек, дыхание его было ровным и неглубоким.

Какое-то время Джейк просто смотрел на него. Он почти не знал крестного, не знал, каким он был на самом деле. Все эти истории о его исследованиях, легендарные серии передач на телевидении, восхождение в одиночку на Катра-Симбу… все это – публичный образ известной личности.

Но кто сейчас лежал перед ним на кровати? Кто этот измученный, вспыльчивый, виновный во всем человек. Смертный? Или Ши? Или чудовищная смесь того и другого? Ши определенно не могли испытывать печаль. И Джейк не был уверен в том, что они вообще когда-нибудь спят.

Венн пробормотал что-то во сне и повернулся на другой бок.

Рукав на правой руке задрался и на запястье вспыхнул янтарь. Браслет. Все мысли моментально вылетели из головы.

Джейк крайне осторожно прошел вперед. Толстый ковер поглощал звук его шагов. Уайльд наклонился над Венном.

Браслет был на удивление легким, Джейк успел убедиться в этом на собственном опыте. Он прикоснулся кончиками пальцев к холодной серебряной змее, потом к изящной застежке. Присел у кровати на корточки и затаив дыхание, с легкостью, которую сам от себя не ожидал, одним движением расстегнул застежку.

Браслет открылся, Джейк стянул его с худого запястья Венна.

Тихо и очень осторожно.

Громкий отрывистый стук в дверь заставил его отскочить.

– Венн! Вы там? Венн?

Оберон проснулся и встал.

Но Джейк уже успел нырнуть под кровать и теперь лежал там весь в пыли.

Сердце колотилось, как молот. Он видел ноги Венна. Тот прошел по ковру к двери.

– Что? Что случилось?

– Сара ушла!

Голос Уортона. Джейк улыбнулся, увидев его дурацкие тапочки.

– Ушла? Куда?!

Уортон, судя по голосу, запыхался и был крайне взволнован.

– Ребекка говорит, что Сара узнала о монете. Я думаю, она могла пойти за ней. В Саммерленд.

Джейк крепко сжал в руке браслет.

Венн издал вопль ярости. И ярость его была сродни звериной.

Звериная ярость и боль.

– Ты уверена?

Гидеон стоял на краю леса. За поясом кремневый нож; зеленый, как лишайник, изодранный плащ, лицо в грязных разводах, в светлых волосах застряли листья.

– Да, я уверена. – Сара с тревогой поглядывала на залитый дождем Лес. На секунду она подумала, что Гидеон мог ее предать, но все равно сказала: – Идем, надо спешить.

Земля залита водой. Мелкие лесные ручьи вышли из берегов. Сара шла за Гидеоном к Лесу, ныряла под низкие голые ветки и уклонялась от гибких стеблей ежевики.

Потом остановилась, откинула капюшон и оглянулась.

В аббатстве в комнате Венна горел свет. Кто-то открыл окно настежь и кричал что-то, приказывал искаженным от злости и страха голосом.

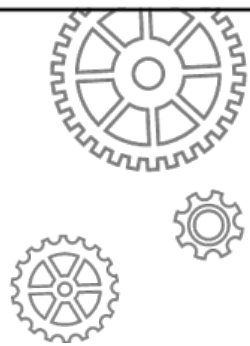
Но ветер уносил его слова.

– Это Венн, – проговорил Гидеон, – думаю, он зовет тебя.

Сара быстро, чтобы не слушать, повернулась спиной к дому:

– Знаю.

Бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра»
Крадутся мелким шагом, день за днем,
К последней букве вписанного срока… [6]



16

Признаться, после ухода Молл я пребывал в подавленном состоянии. И поэтому решил предпринять еще одну, последнюю попытку в своих исследованиях. У меня не было браслета, и я смирился с мыслью о том, что могу никогда не вернуться. Но в случае успеха увижу то, что не видел никто из живущих на Земле.

После разговора с Обероном Венном меня интересовали только тайны будущего.

Дневник Джона Харкорта Симмса

Джейк быстро открыл замóк и растащил в стороны створки покореженных гаражных ворот.

Войдя, стянул с мотоцикла зеленый брезент и надел черный шлем.

В этот момент у него за спиной прозвучал резкий голос Ребекки:

– Джейк, куда ты собрался?

Он даже не оглянулся:

– В деревню.

– Сейчас? Но Венн…

– Плевал я на Венна.

Джейк чувствовал браслет под рукавом на запястье. Теперь оставалось только найти эту троицу. Репликантов. Он должен встретиться с ними лицом к лицу. Перед тем, как пойдет за отцом. А разговаривать с Ребеккой у него нет настроения.

– Я поеду с тобой.

Она уже успела надеть второй шлем, затолкала под него длинные рыжие волосы и теперь застегивала ремешок под подбородком.

– Даже не думай.

Ребекка оседлала мотоцикл и посмотрела на Джейка:

– Забирайся.

– Послушай…

– У тебя права хоть есть? А у меня есть.

Уайльд зло посмотрел на нее и сказал:

– Я думал, ты помогаешь Маскелайну.

– Я ему не нужна.

Джейк еще никогда не слышал у нее такого резкого голоса.

Она взяла у него связку с ключами, выбрала нужный и завела мотоцикл. Джейк стоял на месте и наблюдал.

Потом сквозь рев двигателя тихо спросил:

– Ты действительно ревнуешь к зеркалу?

Ребекка опустила визор, и теперь Джейк, глядя на нее, видел только свое отражение.

– Садись, – велела Ребекка. – И заткнись.

Уортон услышал рев мотора, подбежал к окну и увидел, как черный мотоцикл движется по затопленной подъездной дорожке.

– Джейк! – закричал он, хотя понимал, что это бесполезно. – Джейк!

Что с ними со всеми происходит? С ума они все посходили? Джордж отвернулся от окна и наткнулся на Пирса. Маленький азиат вцепился ручонками в свой алый жилет и чуть ли не плакал.

– Джордж! Венн собирается пойти за ней! Сделайте что-нибудь!

– За Сарой? Но…

– Он и меня возьмет с собой. Я знаю, обязательно возьмет. В Саммерленд! О, вы себе представить не можете, как я ненавижу это место! В прошлый раз они меня чуть в клочья не разодрали. Я – домосед, Джордж, домовой, повар, я – бука, который живет под лестницей! Я не создан для авантюр. Вы должны с ним поговорить.

– Подожди. Дай подумать, – с тревогой произнес Уортон. – Сначала нужно открыть ворота. Джейк уехал на мотоцикле.

– На моем мотоцикле?!

– Пирс, ты хоть на секунду можешь перестать думать только о себе? Открой ворота! Прошу тебя!

Пирс обиженно запыхтел и развернулся к двери. Он прошел по коридору в судомойню, которая была уставлена рядами мониторов и звонков, и щелкнул переключателем.

Засветился монитор. Камера передавала изображение ворот. По экрану не переставая стекали капли дождя.

– Вон они, – пробормотал Уортон.

К воротам медленно, объезжая отломанные ветки деревьев, приближался мотоцикл.

– Кто это с ним? – спросил Пирс. – Это же та девчонка! Не ожидали, да?

Уортон действительно не ожидал, но не подал виду.

– Дай им уехать.

– Но почему…

– Репликанты. Он хочет найти репликантов. Ему надо знать, зачем они здесь.

Пирс был крайне удивлен и молча нажал на кнопку. Они вместе наблюдали за тем, как металлические створки дрогнули и с кованых арабесок сорвались струи воды. Размытый силуэт мотоцикла, набирая скорость, выехал за ворота.

Уортону показалось, что он услышал торжествующий крик. Как будто Джейк хотел его поблагодарить.

– Жаль, что я не могу так же легко сбежать отсюда, – мрачно пробормотал Пирс, после того как закрыл ворота. – Хотел бы взять и упорхнуть в окно, как долбаный Питер Пэн.

– Но ты не можешь, – ледяным голосом заявил у них за спиной Венн.

Они обернулись. Хозяин аббатства стоял на пороге в черном пальто и с небольшим рюкзаком.

– Ты пойдешь со мной. Я должен найти Сару, пока она не добралась до монеты.

Пирс умоляюще сложил ладони:

– Ваше сиятельство…

Лицо Венна было белым как мел. Он поднял руку и задрал рукав:

– Видишь?

Пирс застонал. Уортон растерялся и перестал что либо понимать.

– Она украла браслет, пока я спал. Наверняка это она. – Оберон говорил поразительно спокойно, как будто вероятность предательства была настолько страшной, что он отказывался об этом думать. – Пирс, ты идешь со мной. Ты мне нужен.

И тут, к удивлению Венна, вперед вышел Уортон. Пирс тут же спрятался за его спину.

– Он нужен вам здесь, – возразил Джордж. – Вы не можете оставить Маскелайна один на один с зеркалом. Да и к тому же еще манускрипт Ди – его надо расшифровать.

Венн зло сверкнул глазами:

– Уортон, вас никто не спрашивал.

– Возьмите вместо него меня.

Пирс ахнул.

Венн, прищурившись, посмотрел на Уортона.

– Что? Вы – смертный.

Потом Уортон так и не смог объяснить, почему он вызвался. Ради нее или ради себя.

– И Сара тоже, – напомнил он. – Если вы идете за ней, я хочу

быть рядом. Не могу допустить, чтобы с ней что-то случилось. Так что соглашайтесь.

Естественно, мне пришлось отменить сеанс.

Я быстро завесила зеркало, изобразила недомогание, включила весь свет в комнате и спровадила пораженных и неумолкающих клиентов к выходу. Я была настолько возбуждена, что не могла связать двух слов, так что мое внезапное недомогание выглядело вполне натурально.

И все это время, даже когда зеркало было завешено вуалью из черного шелка, я знала, что он там.

Новый призрак.

Он за мной наблюдал.

Наконец я осталась одна посреди расставленных как попало стульев и разбросанных по полу носовых платков. Заперла дверь и встала перед занавешенным зеркалом.

– Кто такой Янус? – шепотом спросила я.

В ответ – тишина.

Тогда я протянула руку к зеркалу и сняла вуаль.

Он сидел на стуле в темной комнате боком ко мне. Худощавый мужчина. Не старый, не молодой. В похожем на форму венгерских гусар кителе. Глаза скрыты под очками в круглой оправе с маленькими линзами. Волосы гладкие и немного длинноватые.

– Я думал о вас. О Симмсе. Он взял в дом одну девочку. Вы знали об этом? Ее звали Молл…

Я расправила плечи и негодующим тоном сказала:

– Эта девчонка – всего лишь какая-то уличная оборванка. А я – дочь Симмса.

– Так вы не знаете, что с ней случилось?

– Вероятно, сбежала.

Он улыбнулся. Спокойно. Это его спокойствие действовало мне на нервы.

– Я бы мог вам рассказать. Вы бы немало удивились.

– Мне это совершенно неинтересно.

– Неужели? – Он сложил пальцы домиком. – Мисс Симмс, вы знаете, откуда я? Я из такого далекого от вас будущего, что меня можно было бы отнести к другому биологическому виду. Я не призрак и не иллюзия. Я властелин этого мира.

Какой своеобразный призрак. Кем бы он ни был, я нашла его крайне непривлекательным.

Он подался вперед и сказал:

– По моим расчетам, вы уже получили послание от Дэвида Уайльда. Это год, в котором он с вами разговаривал. Я хочу знать, где он и какое послание он попросил вас передать его сыну?

Простой вопрос.

Я убрала со лба выбившуюся прядь волос и выдавила кислую улыбку.

– Сэр, не в моих правилах нарушать конфиденциальность моих… спиритуальных друзей. Или подчиняться приказам незнакомцев. И уж конечно, я не стану выполнять приказ джентльмена, который говорит, что он тиран из некоего королевства в далеком будущем.

Мне показалось, что я весьма удачно сформулировала свой отказ, и, возможно, мои любезные манеры подействовали на призрака. Он подобрался и немного отстранился, как змея перед нападением.

– Где Дэвид Уайльд? В каком веке он от меня прячется?

Я, вздохнув, отвернулась.

– Сэр, я намерена завесить зеркало. Как призрака я нахожу вас утомительным, к тому же вы распугали моих клиентов. Надеюсь, вы будете так любезны и исчезнете, прежде чем я снова вернусь к нему.

Я протянула руку и начала завешивать зеркало и в ту же секунду поняла, что проиграла.

Его рука появилась из зеркала и схватила меня за запястье.

– Даже не надейтесь, мадам, – прошептал он.

Сначала это был самый обычный лес.

Голые деревья под серым небом, кусты ежевики, заросли папоротника, крохотные зеленые ростки вокруг белых стволов ивы. Сара шла следом за Гидеоном и держала уши востро, чтобы не пропустить хруст ветки или хлопки крыльев спорхнувшей с дерева птицы.

Небо было непроницаемо-свинцовым, порывистый ветер приносил с пустоши потоки дождя.

Лед на подмерзших лужах хрустел под ботинками. Лес стал гуще, и Саре приходилось постоянно пригибаться под ветками.

Гидеон тоже был настороже. Тропинка вела вниз, как будто Лес опускался в скрытое от глаз глубокое ущелье. Сара начала замечать откосы голой земли с кроличьими норами.

Тропинка свернула, и Гидеон остановился перед темными зарослями остролиста.

– Что там? – шепотом спросила Сара.

Гидеон огляделся по сторонам, девушка заметила, что он встревожен.

– Не понимаю, – пробормотал он. – Мы уже должны быть внутри.

– Внутри?

– В Саммерленде.

Сара вспомнила, как в прошлый раз оказалась в измерении Саммерленда. Это был очень незаметный переход из зимы в мир, где никогда не кончается лето. Она посмотрела на деревья вокруг.

– Что-то изменилось? Границы передвинулись?

– Границы не передвинутся, пока они этого не захотят. – Гидеон нахмурился. – На тебе есть что-нибудь магическое. Что-нибудь заколдованное?

Сара пожала плечами:

– Нет.

– Снимай рюкзак.

– Нет! Там еда и вода. Ты же знаешь, если я съем что-нибудь, что принадлежит Ши, они завладеют мной навсегда.

Гидеон зашипел от бессилия, а потом решил:

– Давай попробуем сюда.

Чем дальше они углублялись в Лес, тем выше становились деревья, их ветки сплетались высоко над ущельем. Тропинка превратилась в реку из опавших пожухлых листьев. Сара брела, утопая в них по колено. Казалось, что дубы, вязы и рябины зимой сбрасывали листья, но они не сгнивали и так продолжалось веками. Сара провалилась в листву по пояс. Ей показалось, что она уйдет в это месиво с головой и задохнется, как какой-нибудь странник из сказки, но через секунду ее уже вытащил Гидеон. Постепенно покров из листьев истончился, тропинка стала галичной, а по ней стремительно текли потоки дождевой воды.

К этому времени Гидеон вымок до нитки. Он с несчастным видом поднял воротник зеленого плаща и прошептал:

– Что происходит в этом мире?

Сара схватила его за руку и остановила.

– Может, она знает, что мы здесь?

Гидеону стало тошно от такого предположения.

– Или это Саммерленд изменился. Он, как Саммер, вечно меняется. А с тех пор, как она разозлилась на Венна, дождь постоянно заливает Лес. Как будто она хочет утопить всех смертных.

Сара нахмурилась:

– Идем, нам нельзя останавливаться.

На дне ущелья тропинка превратилась в ручей, который они перешли вброд. Ручей вытекал на зеленую, залитую паводковой водой поляну с высокой сочной травой.

В самом центре поляны они увидели колодец, а рядом с ним пустое ведро.

Сара остановилась:

– Ты уже видел это раньше?

– Нет. – Гидеон оглядел поляну. – Это должно что-то значить.

Они пошли через поляну. На изумрудной траве подрагивали дождевые капли. В каждой отражалась радуга. Сара почувствовала запах мяты, как будто давила ее ногами.

Подойдя к колодцу, Гидеон перегнулся через край и глянул вниз. Узкая спиральная лестница уходила в темноту. Сара встала рядом и смотрела на стены колодца из гладких каменных плит и пробивающиеся сквозь щели между ними крохотные ростки вайи.

– Это внизу? – тихо спросила девушка.

Колодец подхватил ее слова и эхом повторил еще несколько раз.

Далеко над Лесом взлетела и закаркала галка.

Гидеон нервно вскинул голову:

– Похоже, что там.

На полпути к деревне мотоцикл затрясся, двигатель зачихал и в итоге совсем заглох.

Ребекка выругалась.

– Что случилось? – крикнул Джейк.

– Бензин кончился!

Джейк слышал, как во внезапно наступившей тишине по его черному шлему стучат капли дождя.

– Это, наверное, Пирс с помощью каких-нибудь заклинаний забрал весь бензин. – Джейк поднял визор и огляделся.

Они остановились на пересечении трех дорог. У живой изгороди стоял покосившийся столб с тремя указателями: «Уинтеркомб – 1», «Друидс-акр – 2» и «Марли – 5».

А напротив – древний каменный сарай с блестящей от влаги серой крышей из рифленого железа.

– И что теперь? – спросила Ребекка. – Можем вернуться.

– Не сейчас.

Джейк снял шлем, и Ребекка увидела, как он напряжен, будто весь обратился в слух.

– Ты слышала?

Ребекка расстегнула ремешок под подбородком и сняла шлем. В ту же секунду холодный дождь намочил ее волосы. Она слышала только, как капли стучат по листьям деревьев.

Но Джейк уже отбросил шлем и крадучись шел к заброшенному сараю.

Ребекка пошла за ним и тоже это услышала.

Тихий смех и перешептывание. А потом тонкие детские голоса, они повторяли какие-то бессмысленные слова и визгливо

смеялись.

– Джейк…

– Тише ты. Это они.

Сара присела на корточки рядом с Джейком:

– Кто это? Ши?

Джейк нетерпеливо тряхнул головой:

– Репликанты. Янус.

А потом встал и, слившись с увитой плющом стеной, заскользил, словно тень, вдоль сарая.

Когда Ребекка поравнялась с Джейком, у нее сбилось дыхание, а с кончиков пальцев стекала вода. Юноша подкрался к двери. Она была открыта. Створка покосилась и еле держалась в петлях. Джейк открыл дверь шире.

Они были в сарае.

Три мальчика сидели вокруг костра. Они расчистили пол, стащили туда разные палки и щепки и подожгли. Сырое дерево шипело и трещало. Мальчики были похожи, Ребекка переводила взгляд с одного на другого и не могла увидеть разницы. Все в дафлкотах со сломанными деревянными пуговицами. Их школьная форма обтрепалась и перепачкалась, на ногах у всех – черные резиновые сапожки.

Один повернул фуражку козырьком назад. Другой помешивал что-то в оловянной кружке, которая стояла прямо в костре. Ребекка поморщилась – запах был противный, как от прокисшего рагу.

Мальчик напевал детскую песенку:

– Кружись, кружись по саду,
Как плюшевый медведь.

Потом поднял голову, посмотрел на дверь и сказал:

– Джейк, почему бы тебе не войти?

– Зачем стоять под дождем? – добавил другой и вытер запотевшие стекла маленьких круглых очков.

Джейк беззвучно выругался и шагнул в сарай.

Ребекка не двинулась с места. Девушка подумала, что они могли не знать о том, что она приехала вместе с Уайльдом. Увидев этих мальчиков, она сразу поняла, что это репликанты Януса. Выглядели они как дети, но от них исходила угроза. Ей был знаком этот внимательный взгляд за стеклами очков. А еще мальчики обладали такой же несокрушимой уверенностью, что и тот невысокий худощавый человек, который правил в будущем Сары.

Джейк смело стоял перед ними. Он скрестил руки на груди:

– Я искал вас. Искал, чтобы сообщить – я не предам Сару и сам найду отца. Вы мне не нужны.

Мальчики с интересом рассматривали Джейка.

– Он сошел с ума.

– Он в это верит.

– Он не знает, о чем говорит.

Джейк подошел ближе к костру.

Он был гораздо выше мальчиков, и, чтобы заглянуть им в глаза, ему пришлось сесть на корточки. Но в результате увидел только свое отражение в трех парах линз в круглых оправах.

– А вы ничего не знаете обо мне. Вы понятия не имеете, кто я и на что способен.

Мальчики сдержанно улыбнулись.

– Гордый Джейк.

– Джейк, кто высоко летает, тот низко падает.

Третий мальчик попробовал варево в кружке и скривился.

– Это твоя ахиллесова пята. Может, тебе и удастся узнать, где твой отец. Но он, скорее всего, слишком далеко, чтобы ты смог до него дотянуться. Это для тебя проблема. Но не для меня. Я могу дотянуться до каждого в любом времени. Потому что я, Джейк, не боюсь пользоваться зеркалом. Я уже множество раз себя повторил. Я сделаю себя бессмертным.

– По-моему, ты сошел с ума.

– Что же до Сары, она хочет уничтожить зеркало. Ее не волнует судьба твоего отца.

– Конечно волнует. И она…

– И она уже отправилась за монетой.

Уайльд оцепенел. Он пытался осознать услышанное, но его мозг словно заледенел от ужаса.

– Она ушла? Как? Она не знает о монете.

– Нет, знает.

– Ты ей сам сказал.

– Сара подслушала твой разговор с Уортоном.

У Джейка перехватило дыхание. Он услышал, как у него за спиной зашевелилась Ребекка. Она быстро подошла к нему, но в сарае уже никого не было. Только остывшие угли костра, опрокинутая кружка и засохшая жижа на земле.

17

Секретное донесение
Департамент секретных операций
Скотленд-Ярд
Исх. № 2238198/453
Субъект: СИММС, Алисия
В среду, 6 июня 1940 года в местный участок поступил звонок. Аноним сообщил, что субъект связан со шпионской сетью.
Статус: В РАБОТЕ
Приоритет: А1

Ответственный офицер: Майкл Алленби

Он встал, но руку мою не отпустил.

Это было довольно страшно. Но уже в следующую секунду я поняла, что призрак не покинет зеркало. Возможно, он не мог войти в мою комнату.

Рука у него была холодная. Он крепко, до боли сжимал мое запястье.

– Я настаиваю на том, чтобы вы меня отпустили, сэр, – заявила я.

Он улыбнулся. Потом разжал пальцы и, к моему великому облегчению, отступил на шаг.

– Знаете, Алисия, вы очень похожи на своего отца. Человек с огромным самомнением и при этом наивный и любопытный, как ребенок. Он везде совал свой нос. Пытался разгадать секреты времени и вселенной. Он относился к ним как к дешевым фокусам. И вы такая же.

Откуда-то из-за спины призрака донеслось нечленораздельное мычание, как будто кто-то пытался ему возразить.

– Мне не довелось знать своего отца, но я горжусь его достижениями.

Я отошла на безопасное расстояние, встала у камина и внимательнее посмотрела на призрака.

Он находился в просторной, похожей на пещеру комнате. Там разливался холодный свет, но окон не было. Из обстановки я видела только пустой стол, на который мужчина положил руку. Призрак был в тонких серых перчатках.

– Это – будущее? – шепотом спросила я.

Призрак огляделся:

– Это? Может быть. Я начинаю думать, что у будущего есть множество вариантов. Возможно, я лишь один из них. – Он улыбнулся. – И вероятно, Алисия, я внесу коррективы в ваше будущее. Может, сделаю из вас шпионку в военное время, которое еще не наступило. Это будет так легко!

Он снял очки и протер стекла рукавом. Но перед этим отвернулся, и я не смогла увидеть его глаза. Когда же он снова посмотрел на меня, их уже вновь скрывали синие стекла.

– Дэвид Уайльд, – напомнила я. – Почему он так важен для вас?

– Уайльд – никто. Мне нужен Венн.

Дэвид упоминал о своем друге с таким именем.

– Оберон Венн?

– Да. И еще мне нужна Сара Венн. Моя маленькая невидимая девочка. Моя лучшая ученица. Видите ли, мисс Симмс, она сбежала. Сбежала через мое зеркало. И она опасна. Не знаю, что она задумала.

Он словно говорил сам с собой. Я понятия не имела, что все это значит. А потом где-то совсем рядом в его будущем поднялся страшный шум. Я даже вообразить такое не могла. Казалось, будто стонет и содрогается вся вселенная.

Мое зеркало покрылось рябью. Оно словно плавилось.

На каминной полке задрожал кувшин с ароматическим сухоцветом. Я успела подхватить его до того, как он упал в огонь.

А потом все стихло. Только мое сердце громко колотилось в груди.

– Что это было?

Призрак, не двигаясь, сидел за столом.

– Это вселенная изменяет себя. Так вопит черная дыра.

– Звук довольно жуткий.

Он сухо рассмеялся:

– Вы понятия не имеете, о чем говорите. Оно затянет в себя абсолютно все. Мир, людей, планеты, галактику. Со временем оно поглотит рай и ад, каждую искорку света. Даже само время… – Призрак грациозно повернулся в мою сторону. – Скажите мне, где Дэвид Уайльд, и я пришлю вам вашего отца.

Это было так неожиданно. Просто – шок! Я не знала, во что верить. Но потом он встал из-за стола, отошел в сторону и подтащил к зеркалу крупного, полного мужчину в синей стеганой домашней куртке, перепачканной сажей. Этого лысеющего усатого господина я видела только на старых пожелтевших фотографиях.

У меня сердце подскочило к горлу. Мужчина, похоже, не

понимал, что происходит.

– Алисия? Боже правый, ты совсем взрослая.

– Ты… жив? Где ты?

– Не могу сказать точно. Дорогая, это такое странное место. На самом деле я даже не уверен в том, что действительно здесь нахожусь.

Янус подвел моего отца ближе к тому, что, как я полагала, в его мире было обратной стороной зеркала.

– Алисия, он перед вами. Мистер Джон Харкорт Симмс. Цел и невредим. Я могу прислать его к вам. Прямо в эту секунду. Только скажите, где сейчас Дэвид Уайльд.

Читатель этого дневника, полагаю, Вы бы на моем месте не поддались искушению. Вы бы повели себя героически, Вы бы промолчали и потом мучились угрызениями совести всю оставшуюся жизнь. Я не герой. И я рассказала все, что знала.

– Он во Флоренции. Год одна тысяча триста сорок седьмой. Время Черной смерти.

В конце концов, кто мне этот Дэвид Уайльд?

Отец нахмурился.

– Это правда? Он определенно не сидит на месте. – Губы Януса медленно растянулись в улыбке. – Черная смерть! Это очень кстати, – смакуя каждое слово, сказал он и подтолкнул отца ко мне. – Алисия, огромное вам спасибо.

Спускаться по скользким от ила ступеням было тяжело, да и влажные стены не могли служить надежной опорой – у Сары постоянно соскальзывала рука. Гидеон уже превратился в темный силуэт.

– Что там? – крикнула ему вдогонку Сара.

– Пока ничего. – Голос Гидеона гулко звучал в пустой шахте колодца. – Ты там осторожнее!

Девушка ступенька за ступенькой спускалась по спирали. В колодце было темно, он явно уходил очень глубоко под землю. Сара оглянулась один раз, потом другой. Небо превратилось в окруженный папоротником серый диск. Диск уменьшался. На край колодца села какая-то птица, Саре показалось, что скворец. Когда птица взлетела, в колодец посыпалась каменная крошка.

Снизу донесся всплеск.

Когда Сара была маленькой, папа рассказал ей сказку о людях, которые жили на дне колодца. И теперь, когда ее со всех сторон окружали черные стены, она попыталась ее вспомнить. Там жила одна волшебница, и к ней в услужение прислали двух девочек. Потом они вернулись домой, и, когда хорошая девочка начинала говорить, у нее изо рта сыпались золотые монеты. А у

плохой всякий раз изо рта выпрыгивали жабы. Сара поморщилась. Эту часть она особенно не любила.

Жабы.

Что-то мягкое ухватило ее за ступню. Сара чуть не вскрикнула.

– На меня только не встань! Мы спустились.

Сара спрыгнула со ступеньки в густую грязь. Гидеон уже ощупывал стены колодца. Его зеленый плащ был весь в разводах ила, а пальцы стали ярко-зелеными, как мох.

Девушка посмотрела наверх:

– Там была птица. Она за нами следила. Ты ее видел?

– Да. – Гидеон остановился. – Нашел. Смотри.

Юноша нащупал в стене арку, но она была такой низкой, что Саре, чтобы в нее заглянуть, пришлось сесть на корточки. За аркой начинался тоннель. Он плавно уходил вниз, и его дно покрывало месиво из жидкой грязи и полусгнивших листьев.

Сара нахмурилась:

– Ты уверен?

Гидеон напряг слух и подставил лицо поступающему из тоннеля воздуху.

– Я чую Саммерленд. Он где-то там, внизу. Чувствую запах травы и цветущего можжевельника. Слышу, как жужжат пчелы. – Зеленые глаза Гидеона вспыхнули в темноте. – Ты мне веришь?

– Не думаю, что у меня есть выбор.

Гидеон кивнул, забрался под арку и пополз по тоннелю.

Сара в последний раз посмотрела на свинцовое небо и полезла следом.

Маскелайн наблюдал из окна верхнего этажа, как они уходят.

Он видел, как Венн спрыгнул с парадного крыльца и помчался в Лес. За ним последовал кто-то еще. К удивлению Маскелайна, этим человеком оказался тот крупный мужчина, учитель. Он торопливо надел на плечи рюкзак, обмотал шею полосатым шарфом и побежал за Венном.

Вскоре они исчезли за деревьями.

Ну вот, теперь остались только я и ты.

Маскелайн отвернулся от окна.

В конце Большой галереи стоял Пирс. По обе стороны от него сидели кошки, черные, как египетские статуэтки.

– Здесь только я и ты, человек со шрамом, – заговорил Пирс. – Но я буду наблюдать за тобой. Ты можешь одурачить Венна, но я знаю, что ты вернулся сюда с помощью колдовства, и не доверяю тебе ни на грамм, ни на йоту. Куда бы ты ни пошел, что бы ты ни делал – я буду следить за тобой.

Маскелайн устало улыбнулся:

– Мастер Пирс, ты прямо как трехголовый пес. Тебе не стоит волноваться. Я здесь не для того, чтобы украсть зеркало. По крайней мере, не сейчас.

Красный жилет Пирса покрывали черные пятна.

– Просто хочу удостовериться в том, что мы поняли друг друга, – хмуро проворчал он, потом повернул голову и насторожился. – Это что, мотоцикл? Они возвращаются?

Маскелайн открыл окно и выглянул наружу:

– Я слышу только, как шумит река.

Пирс побледнел:

– Наверное, мне лучше проверить погреба.

– Вот и займись делом.

Маленький азиат ушел, а Маскелайн остался возле окна. Видимо, река под домом разлилась. Поднимается уровень воды. А там, за Лесом, что это? Серое облако тянулось к небу, делилось и снова соединялось, обретая новую форму. Дождь? Или птицы?

Маскелайн с нарастающей тревогой наблюдал за облаком.

Ши сбивались в стаю. Что-то происходило там, в самой чаще Леса. Что-то встревожило этот волшебный народ.

Время и мир тонули. Земные потоки набирали силу, Маскелайн нутром это чувствовал. А внизу, под домом, черное зеркало пульсировало в мрачном безмолвии и повелевало ему спуститься.

– Хорошо, – тихо пробормотал он. – Я тебя слышу.

Но сам продолжал смотреть на темнеющее небо.

Где Ребекка? Что там происходит?

С мотоциклом все было в порядке.

Ребекка в изумлении уставилась на топливный датчик:

– Бензин же кончился. Стрелка была на нуле.

Джейк только покачал головой:

– Возвращаемся. Я сделал то, за чем ехал. Теперь пойду за отцом.

Уайльд взялся за руль, рукав задрался, и Ребекка увидела, как сверкнули серебряный браслет и глаз змеи.

– О господи! – воскликнула она. – Как ты его раздобыл?

Джейк оседлал мотоцикл и запустил двигатель:

– Садись.

– Джейк! Ты вынес его из дома! С ума сошел?

Но ей все-таки пришлось запрыгнуть на мотоцикл. Она обхватила Джейка за талию. Мотоцикл с ревом мчался по дороге. Ребекка чувствовала, что парень напуган не меньше ее, а исчезновение детей лишило его присутствия духа.

Дорога шла между красными склонами голой земли, изогнутыми стволами ясеня и боярышника, мимо веток, которые тянулись к ним с обочин.

Уинтеркомб все не приближался, как будто они уехали гораздо дальше, чем предполагали. После каждого поворота Ребекка ожидала увидеть форд, ворота со львами на столбах, но вместо этого видела бесконечную живую изгородь.

В итоге Джейк резко затормозил и остановился.

– Мы сбились с пути, – срывающимся голосом проговорила Ребекка. – Ты где-то не там повернул. – Она готова была накричать на Джейка.

– Нет, думаю, это ландшафт изменился. Саммер что-то с ним сделала.

Они поехали дальше, но уже не так быстро. Девушка смотрела на залитые красной водой поля, на деревья и ворота, до которых можно было добраться только вброд. Отары овец перегнали на возвышенности, фермеры теряли коров и быков.

Солнце на западе уже опускалось в кучевые облака.

Ворота появились внезапно, и они все еще были открыты. Джейк свернул и аккуратно поехал по подъездной дороге. Он был взволнован гораздо сильнее, чем могло показаться со стороны, потому что понимал – выносить браслет из дома было непростительной глупостью. Если бы он попал в руки Саммер…

Не успел Джейк представить, что произойдет в этом случае, как заглох двигатель.

Воцарилась пугающая тишина.

Они по инерции доехали до большого раскидистого дуба. Джейк прислонил мотоцикл к стволу, и тут на раскачивающуюся ветку сел скворец.

– Идем отсюда, – тихо велел Джейк, – быстрее.

Но Ребекка и так уже бежала к дому. Джейк бросил шлем в птицу и помчался за девушкой. Теперь их, как дождь, преследовала целая стая птиц, они шумно хлопали крыльями и, каркая, широко разевали клювы.

Джейк перепрыгнул через поваленное дерево, оглянулся и тут услышал, как в Лесу забили барабаны. Сердце у него похолодело от страха.

Ребекка остановилась.

Уайльд налетел на нее, а она взяла его за руку:

– Джейк.

Их со всех сторон окружали Ши. Целая армия. Они молча, с жадным любопытством смотрели на смертных.

Все их внимание было направлено на Джейка.

Что, если Ши способны учуять браслет? Что, если они

распознают запах серебра и янтаря? Может, змея говорит с ними с помощью каких-нибудь особых звуков?

– Не останавливайся, – скомандовал Джейк. – И не смотри на них. Продолжай идти.

– Не могу. – Ребекку парализовало от ужаса. – Кто они?

Джейк потащил ее вперед. Они плечом к плечу шли по дороге между рядами существ с красивыми лицами и серебряными волосами. Ши становилось все больше. Они спрыгивали с деревьев, их крылья превращались в руки, когтистые лапы – в ступни, перья – в прекрасные блестящие одежды бордовых и зеленых тонов. Ребекка на ходу успела разглядеть самца, у которого еще оставалось одно крыло, и самку, у которой на месте скукожившегося клюва проступала очаровательная улыбка. А за их спинами в зарослях двигались чьи-то тени.

– Где Саммер? – спросила Ребекка.

– Не спрашивай. – Если она сейчас появится, им конец. – Поторопись!

Джейк начал спотыкаться, Ребекка замедлила шаг. На них пагубно действовало молчание Ши. Они вдруг почувствовали такую усталость, что больше уже ничего не хотели, только лечь на землю и уснуть. И чтобы птицы укрыли их опавшими листьями.

– Ребекка, не останавливайся, – еле ворочая языком, проговорил Джейк, поскользнулся и едва не упал.

Девушка опустилась на корточки и склонила голову.

– Не могу, – прошептала она. – Сил нет.

Если бы они упали, на них бы сразу набросились стаи Ши с клювами и когтями. И отняли бы браслет, чтобы в награду получить радостный вопль своей королевы.

Джейк знал это, но ему было все равно. Он упал на колени.

Все кончено.

И тут его словно пронзило. Он услышал голос.

– Ребекка. Джейк. Вставайте!

Голос был спокойный, но он прозвучал так неожиданно, что юноша вздрогнул и вытаращил глаза. Перед аббатством на затопленной подъездной дороге стоял Маскелайн. А у него за спиной на крыльце суетился перепуганный Пирс.

– Ребекка! Ты слышишь меня?

Девушка подняла голову. Она была в полубессознательном состоянии, словно Маскелайн вернул ее с того света. Джейк схватил Ребекку за руку и помог ей встать.

Они, спотыкаясь, прошли к дому. Ши при одном только звуке голоса Маскелайна расступились, а завидев его тень, так яростно закричали и зашипели от злости, что у Джейка волосы

зашевелились на затылке.

Когда они подошли к дому, Пирс сбежал с крыльца и начал их подталкивать, а сам все оглядывался на темную армию птиц, которая продолжала кружить над Лесом.

Они ввалились в холл.

Маскелайн вошел последним и закрыл дверь на засовы.

– Черт, как вы это сделали? – спросил Джейк. – Мы были… Почему они так вас испугались?

Маскелайн пожал плечами:

– Наверное, шрам увидели. Ши ненавидят уродство.

Ребекка смотрела на него во все глаза:

– Это было нечто!

– Повезло, – буркнул Пирс, он был зол и одновременно испытывал огромное облегчение. – Вам просто повезло. Вот если бы там была Саммер…

– Но ее там не было. – Маскелайн бросил быстрый взгляд на Джейка. – И это меня беспокоит.

– Колодец? – изумился Уортон и посмотрел в черную шахту. – Вы хотите, чтобы я полез в чертов колодец?

Венн, перегнулся через край колодца, потом выпрямился и глянул на Уортона. Лицо его было бледное, а взгляд жесткий и холодный.

– Вы сами вызвались пойти со мной. Вы видели следы. Они ведут сюда. – Оберон с тревогой оглядел Лес. – Решайтесь. Ши в любом случае не дадут вам вернуться в дом. Они вышли на охоту.

Уортон что-то проворчал, потом потуже затянул шарф и оперся рукой на кладку из скользких сырых кирпичей.

– Я-то думал, что Саммерленд – это райское местечко.

Венн в шахте рассмеялся:

– Вы ошибались.

Его слова эхом разнеслись по колодцу. Уортон нахмурился. Чего ему бояться? Куда бы он ни попал, там все равно не будет хуже, чем в пятницу в классе первогодков на уроке по Чосеру. Разве есть во всей вселенной что-то ужасней этого?

Уортон взял себя в руки и начал спуск.

18

Восхождение по самому опасному восточному склону предпринималось лишь однажды – в две тысяча пятом году. В той трагически закончившейся экспедиции участвовали Карл Моррис, Эдва Джеймс, Генрих Свенссон, Оберон Венн и Филиппо Монтень. Сейчас гора признана смертельно опасной для подобного рода попыток, и китайские власти, несмотря на протесты международного сообщества, запретили дальнейшие экспедиции.

«Катра-Симба – смертоносная гора», статья в «Нэшнл джиографик», 2013

Они расположились перед зеркалом и ждали. Словно часовые или его хранители.

Их отражала черная поверхность. Семь кошек. Одна дремала, свернувшись в клубок. Другая вылизывалась. Третья перевернулась на спину и пыталась разодрать сплетенную из липких матерчатых лент сеть.

В доме было тихо. Приглушенно ревела река под аббатством, и стучал дождь по черепице.

А потом с грохотом открылась и закрылась парадная дверь. Задвинули засовы.

Кошки навострили уши.

Со стороны Тропы монахов доносились голоса людей. Кто-то спорил. Кошки сели. Глаза у каждой округлились. Что это?

В комнату ворвался Джейк.

– У меня нет времени на разговоры. Я должен вернуться, потому что уже делал это. Это так трудно понять?

Ребекка в полном недоумении уставилась на него и растерянно заморгала:

– О чем ты вообще?

– Алисия! Она знала мое имя! Она знала меня!

Джейк осознал, что сорвался на крик, и понизил голос. Он

чувствовал на себе взгляд Маскелайна. Этот тип со шрамом на щеке словно бы оценивал его и выносил для себя какое-то суждение.

– Алисия! Я с ней говорил, когда она была там, под развалинами разбомбленного дома. И тогда она мне сказала: «Я ждала тебя только для того, чтобы передать это…» Дураку ясно, что мы с ней уже встречались. Но для меня это было в будущем, а для нее в прошлом.

– О господи, – пробормотал Пирс, – у меня голова раскалывается.

– Но зачем тебе… – начала Ребекка.

Джейк не дал ей закончить:

– Чтобы поговорить с отцом. – Джейк посмотрел на Маскелайна. – Это единственный способ. Мы ведь не можем дотянуться до него в тысяча триста сорок седьмой?

– Думаю, у нас пока не хватает для этого ресурсов. – Маскелайн пожал плечами. – Но можно сделать это поэтапно. Для начала перетянуть его вперед на несколько столетий.

Джейк вытаращил на него глаза:

– Это вообще реально?

– Если выстроить цепочку. Используя наш браслет и тот, что у него, можно вытащить его на подконтрольный нам отрезок времени.

Джейк чуть не задохнулся от радости.

Но тут вперед вышел Пирс. Он сел на резной деревянный стул и сказал:

– А ты знаешь, что Венн считает, что это Сара украла браслет, а не ты.

– Что? – Джейк был в шоке. – Почему?

– Полагаю, потому что он доверяет ей меньше, чем тебе.

Джейк смутился:

– Я не хотел…

Он посмотрел наверх. Тут на него с двери с радостным визгом спрыгнула мартышка и крепко обхватила лапами за шею.

– А где Джордж? – спросил Джейк.

Пирс откашлялся:

– Пошел вместе с Венном в Саммерленд. Он сам вызвался.

Ребекка присвистнула:

– Видно, Сара очень ему дорога.

На секунду Джейк испытал эмоцию, которую едва ли испытывал раньше. Что это было? Зависть? Ревность?

– Уортон нужен нам здесь, – недовольным тоном заявил он. – Он нам нужен! О чем он только думает!

– Этот глупец, – презрительно проворчал Пирс, – даже не

представляет, на что пошел. – Однако по голосу чувствовалось, что он впечатлен поступком учителя.

Джейк снова повернулся к Маскелайну:

– Цепочка, о которой вы говорили. Давайте ее выстроим. Прямо сейчас.

Человек со шрамом мельком глянул на Джейка и подошел к зеркалу. Он взялся обеими руками за серебряную раму. Уайльд видел, как за ним, покусывая от волнения кончик рыжего локона, наблюдает Ребекка.

– Вы оба, – обратился к ним Маскелайн, – готовьтесь к путешествию.

Что случилось после этого, стерлось у меня из памяти. Знаю только, что был мощный, направленный вовнутрь взрыв. Потом чернота в зеркале начала со свистом втягивать в себя воздух. Я даже за стол ухватилась, чтобы устоять на ногах. Со стола стянуло тяжелую скатерть. И еще разбилось чучело какаду и стеклянный колпак, под которым оно стояло.

Из моих легких вышел весь воздух. Я понимала только, что время растянулось, как резина, и зеркало всасывает в какое-то мрачное серое будущее весь мир и меня заодно.

Грохот был такой громкий, что я лишилась сознания.

Придя в себя, сразу почувствовала какой-то насыщенный сладкий запах. Кто-то неловко тыкал мне под нос смоченным в одеколоне платком. Я фыркнула, сделала глубокий вдох и с трудом села:

– Отец? Это ты?

Он немного отстранился и пробормотал:

– Моя дорогая девочка. Конечно, это я.

Я не могла в это поверить. Во-первых, он выглядел ничуть не старше, чем на своей последней фотографии, а ведь она была сделана за пару недель до того трагического инцидента!

– Ты же умер, – с трудом выдавила я.

– Нет! Вовсе нет!

Отец помог мне подняться. Мы стояли лицом к лицу. Я и Джон Харкорт Симмс – бесстрашный исследователь из моих снов. Правда, он был немного ниже ростом и полноват. Отец даже не попытался меня обнять. Похоже, он был растерян не меньше.

– Я не умер. У меня был грандиозный замысел, как использовать зеркало. Но Молл… У нее имелся свой коварный план, и она меня предала… У меня до сих пор нет браслета. – Отец подошел к камину и встал, положив одну руку на полку, а второй расправил усы. Вид у него был такой, как будто он выступает с публичной лекцией. – Я хотел совершить великое деяние, но

потерпел неудачу. Часами плыл в каком-то жутком темном месте, где не было ни света, ни времени, ни гравитации. Потом этот человек, тиран Янус, каким-то образом выхватил меня оттуда. Даже не представляю как. – Отец тряхнул головой. – И я вышел из зеркала в его серую комнату. То, что я там увидел… Естественно, это было всего несколько дней назад. Но…

По глазам я поняла, что он усомнился в реальности происходящего. Отец оглядел комнату: зеркало, новые шторы, электрическое освещение.

– Боже правый. Я переместился… Нет, я совершил путешествие… Путешествие в свое будущее! Сколько прошло лет?

– Тридцать один год, – шепотом ответила я.

Отец вытаращился на меня и в следующую секунду ринулся к окну. Он смотрел на изменившуюся за эти годы улицу и не мог вымолвить ни слова. Я представила, что он там видит. Автомобили. Автобусы.

Когда к нему вернулся дар речи, он заговорил каким-то удивительно смиренным голосом:

– О господи. Значит, королева уже умерла? И это – будущее!

– Возможное будущее, – сказала я, припомнив слова Януса, и похлопала ладонью по дивану. – Сядь, папа, поговори со мной. Расскажи мне об этой беспризорнице Молл.

Уортон на карачках полз по грязной жиже в тоннеле. Рюкзак то и дело задевал сырой кирпичный потолок. Вода стекала по волосам и за уши.

Он чихнул. Чих прозвучал как взрыв. Джордж похлопал себя по карманам в поисках носового платка.

– Господи, далеко еще?

Венн полз впереди. Его раздраженный голос докатился до Уортона, как громкий рокот.

– Не надоело вам спрашивать?

Он явно не знал, сколько им еще ползти.

Уортон скрипнул зубами и продолжил месить грязь. В конце концов, это было не хуже, чем полоса препятствий, которую он проходил во время боевой подготовки. После службы в армии Джордж использовал этот свой опыт, когда надо было придумать жесткий комплекс упражнений для ребят в школе. «Тренировки Уортона» быстро отсеяли слабаков от настоящих… э-э… ребят. Об этих тренировках в учительской складывали легенды.

Уортон хохотнул, и тут, словно по сигналу, его ослепил яркий свет. Он поднял голову и увидел, что Венн уже вылез из тоннеля, а впереди – ярко-синее небо. А еще холод и странная тишина.

Джордж, чертыхаясь, пополз по грязи вперед, но, еще не добравшись до конца тоннеля, почувствовал, что грязь затвердела, превратилась в ребристый лед и теперь царапает ему ладони.

Когда же выполз наружу, то поспешил оглядеться. Представшая его глазам картина вызывала восторг и страх одновременно.

– О господи! Где мы? – Это было высокогорное плато. Внизу простиралась снежная равнина. А за ней гряда за грядой пронзали безоблачное синее небо крутые горы. Их заснеженные вершины сверкали на солнце. Уортон сделал глубокий вдох, и холодный воздух наполнил его какой-то особой энергией. – Просто фантастика! Здесь даже лучше, чем в Альпах. Но это так высоко… Это действительно Саммерленд?

Черный силуэт Венна контрастно выделялся на фоне белого снега. Он напряженно вглядывался в даль. Когда же заговорил, было понятно, что обращается он не к Уортону.

– Что ты делаешь? – шептал Венн. – Саммер, в какие игры ты играешь?

– Вам знакомо это место? – спросил Уортон.

Оберон на секунду пригвоздил его ледяным взглядом:

– Это Саммерленд. А еще это Катра-Симба.

После слов Венна, как по щелчку, далеко и очень высоко над ними что-то зарокотало. Уортон моментально развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Что это? – испуганно спросил он. Склон под ногами начал вибрировать. – Это лавина?

Венн посмотрел на учителя. Лицо его побледнело и осунулось от усталости.

– Будем надеяться, что нет.

– Но мы не можем быть в этом месте.

Уортон все знал об этой мифической горе. Она возвышалась в затерянных землях Тибета и не покорялась ни одному человеку с Запада. Так было до той дерзкой экспедиции Венна. Экспедиция обернулась трагедией. Уортон уже не помнил всех деталей, но он точно знал, что тогда выжил один только Оберон.

– Вы правы, – отозвался Венн, и Уортону показалось, что он даже воодушевился. – Мы всего в полумиле от Уинтеркомба. – А потом он закричал, и в крике его было столько ярости, что Джордж даже поежился. – Саммер, я не собираюсь играть с тобой!

Уортон с трудом поборол в себе желание сесть и прикрыть голову руками.

– Лишний шум нам тут точно не поможет, – пробормотал он. – Где бы мы ни были, Сара наверняка оказалась здесь раньше

нас. Надо только найти…

– Это? – Венн указал пальцем на следы в снегу.

Следы оставили два человека. Они, насколько мог видеть Уортон, уходили вниз к выступающей из снега скале.

Венн, не сказав больше ни слова, решительно пошел по следу.

Уортон поправил рюкзак, натянул на уши вязаную шапку и, утопая по колено в снегу, потащился вниз по склону за Венном.

– Сара тоже в этом месте? – спросил он. – Или они все видят по-другому?

Девушка даже не представляла, что может быть так холодно. У нее было такое ощущение, что она вдыхает острые стрелы или гвозди и они царапают ей горло и впиваются в легкие. Она уже перестала чувствовать свои ступни, кисти рук пульсировали от боли.

Обморожение!

Так можно потерять пальцы. Сара вспомнила, как выглядит обмороженная левая кисть Венна. С ним это случилось в таком же месте?

Гидеон легко шел чуть впереди. Потом вдруг остановился. Сара поравнялась с ним и не могла понять, почему он стоит и так счастливо улыбается.

– Что там? – спросила она, едва переведя дыхание.

– Ты только посмотри. Это же просто невероятно! – Гидеон был опьянен ощущением полной свободы. – Никогда не видел ничего подобного. Словно у мира больше нет границ. Как будто можно все идти и идти, забираться на горы и бежать, куда душа пожелает. И нет никаких стен. Никто за тобой не следит. Свобода!

Сара смотрела на парнишку. Он стоял на снегу в своем тонком плаще, лицо его сияло. Гидеон был бледен, как все Ши, одной рукой он держался за выступающий из снега камень с кристальными прожилками. Саре вдруг захотелось столкнуть его с горы.

– Это иллюзия, – осипшим голосом напомнила она. – Мы в Саммерленде. И ты все еще у нее в плену.

Лицо Гидеона еще секунду светилось от восторга, потом свет ушел, и он посмотрел себе под ноги.

Сара почувствовала себя виноватой.

– Смотри, что это там? – сказала она.

Внизу на склоне горы виднелось что-то похожее на черный куб. Какое-то строение посреди глубоких сугробов. Без крыши и с аркой вместо дверей.

– Не знаю, – равнодушно ответил Гидеон. – Какая разница.

Сара решительно оттолкнула его плечом и первой пошла вниз:

– Ну, хоть что-то. Я ничего другого не вижу.

Они спускались по горному склону, снег становился все глубже. Девушка уже по пояс утопала в сугробах и хорошо понимала, что их глубокие следы выделяются на склоне, как огромный шрам.

Дом словно бы ждал их, наблюдал за их приближением пустыми глазницами окон. Сара подумала, что он очень похож на маленькую овчарню, такие можно встретить на пустошах. Поколения фермеров столетиями ремонтировали их и перестраивали.

Это место явно не тянуло на дворец королевы Ши.

Когда они подошли к дому, что-то заставило Сару остановиться.

Земля где-то в глубине начала вибрировать.

Гидеон с тревогой оглянулся:

– Снег сходит!

Но Сара не двигалась.

– Идем внутрь. – Гидеон подтолкнул ее в спину. – Там хоть какое-то укрытие.

– Думаешь, это безопасно?

– Уверен, безопаснее, чем стоять здесь. – Гидеон, прищурившись, снова посмотрел назад, на сверкающий на солнце снег. – Сара, наверху кто-то есть. Они идут за нами. Я слышу их дыхание.

Сара шагнула между двух черных камней на пороге дома и исчезла.

– Ты где? – изумился Гидеон.

Он видел снег за порогом, но переступить его не решился.

Джейк с Ребеккой стояли возле зеркала. Уайльд был в том же темном костюме, что и в прошлый раз, только еще матерчатая кепка добавилась. Ребекка собрала волосы в пучок на затылке. На ней была длинная юбка, белая блузка с брошью на шее и пальто с меховой опушкой. Девушка вертела в руках шляпку.

– Обязательно это надевать?

– Даже вопрос так не стоит. – Пирс подошел к ним со спины. – Все приличные девушки носят шляпки.

Джейк проверил застежку на браслете.

– Нервничаешь? – спросил он Ребекку.

– Я в ужасе. – Она мельком посмотрела на Маскелайна, который настраивал небольшой монитор собственного производства. – Почему я? У меня нет никакого желания

путешествовать во времени.

– Ты можешь ему понадобиться, – ответил вместо Джейка Маскелайн, но голову при этом не поднял.

Тогда Ребекка решила оставить парня у зеркала, подошла к Маскелайну и взяла его за руку:

– А тебе я не нужна?

Пирс посмотрел на Джейка и закатил глаза.

Маскелайн поднял голову от монитора, как будто его застали врасплох. Его темные глаза стали шире.

– Ребекка, ты знаешь…

– Ничего я не знаю. Думала, что знаю, ты ведь был рядом всю мою жизнь, но для тебя все не так. Для тебя это были считаные секунды то тут, то там. Ты появлялся на мгновения и исчезал на долгие годы. Тебя только одно волнует. Зеркало. Это проклятое зеркало.

Маскелайн выдержал ее взгляд. Шрам отчетливо выделялся на бледной щеке.

– Это не так. Ты… ты для меня особенная.

– Особенная.

– Да. Ребекка, я старше тебя. Старше на сотни лет. И я не такой, как ты, я другой, ты даже не представляешь насколько. Тебе не стоит доверять мне. Не трать на меня свою жизнь.

Она смотрела на него с тоской во взгляде.

– Нам надо идти, – напомнил Джейк. – Ребекка?

Она не ответила и даже не посмотрела на него, но подошла к зеркалу и увидела в нем девушку начала двадцатого века. Уайльду показалось, что у Ребекки в глазах заблестели слезы, но голос у нее был ясный и спокойный.

– Хорошо, идем. Нас здесь ничего не держит.

Джейк взглянул на Маскелайна:

– Мы в какой год прибудем?

– Постараемся в тысяча девятьсот десятый. Примерно в это время она снимала Дэвида на пленку.

Джейк кивнул и сухо сказал:

– Хорошо. Сделаем это.

Зеркало загудело.

Лабиринт стал жестче.

Зеркало открылось, Джейк снова увидел в его центре жуткую пустоту. Эта пустота набросилась на него и начала втягивать в себя. На секунду он почувствовал всю боль, которая жила в этом зеркале. Оно сожрало его отца и сожрет его самого, от него не убежать.

Зеркало завыло.

Завыло так, что Пирс сел на корточки с открытым ртом и зажал уши ладонями, а кошки бросились врассыпную, словно семь черных молний.

А вот Маскелайн не двигался. Его руки спокойно лежали на мониторе, пока чернота с громким хлопком не сжалась и поверхность зеркала снова не стала твердой. Ребекка с Джейком исчезли.

Пирс опустил руки и выдохнул, потом потряс головой и встал на ноги.

– Чем дальше, тем хуже. Вы уверены в том, что можете его контролировать?

Маскелайн оторвал взгляд от монитора:

– Никто не может контролировать зеркало. Даже Янус. Но я разобрался со шкалой Симмса и теперь хотя бы могу его мониторить.

Пирс вытер руки о фартук:

– Не знаю, как вы спите по ночам. Если призраки вообще спят.

Он хотел добавить еще что-то, но запнулся, увидев, как Маскелайн с нарастающим страхом в глазах смотрит на монитор.

Пирс поспешил к нему.

– Что-то не так?

Он глянул на шкалу. Цифры сменялись, отсчитывая века в обратном порядке:

1900
1800
1700
1600

Пирс закрыл руками глаза:

– Остановите это. Остановите же!

– Я не могу.

1500
1400

– Проклятье, – прошептал Пирс.

19

Мое черное творение – это портал, через который путешествует моя душа. Боюсь, я отдал ему на милость всего себя. Как демону. Как черному ангелу.

Мортимер Ди. Исследование тайн

Джейк успел только понять, что оказался посреди дороги, а прямо перед ним встал на дыбы осел и громко ржет ему в лицо. Ребекка рывком оттащила парня в сторону, и они вдвоем завалились в сточную канаву, больно ударившись о горячие камни на обочине.

– Ты как? – выдохнул Джейк. – В порядке?

– Ушиблась немного. – Ребекка потерла локоть, одна щека у нее перепачкалась в грязи, потом подняла голову и простонала: – О господи. Джейк…

Жара.

Это было настоящим ударом. Джейк заметил, что улицы слишком узкие, а дома слишком высокие. Стены выложены из желто-коричневого камня, крыши покрыты красной черепицей. И раскаленное небо такое синее, каким никогда не бывает в Лондоне.

В нос Джейку ударили запахи нечистот, а еще оливок и фимиама. Возница спрыгнул с запряженной ослом телеги и принялся в ужасе креститься.

– Демоны! Исчадье ада! – завопил он.

Джейк не сразу понял, на каком языке вопит возница.

Ребекка схватила его за рукав:

– Джейк…

– Молчи. Ничего не говори. Это итальянец.

– Ты его понимаешь?

– Отец работал в Риме. Мы там жили, когда я был маленький.

Джейк просто не мог поверить в происходящее.

Все совсем не так… И гораздо раньше, чем надо. Намного раньше! Люди распахивали ставни и сбегались из ближайших домов. Смуглые и кареглазые. Джейк с ужасом и одновременно с восторгом понял, что зеркало в очередной раз его обмануло.

– Демоны! – вопил возница.

– Нет, прошу вас. – Джейк от страха вспомнил все выученные

в детстве итальянские слова. – Мы здесь гости. Мы вас напугали. Пожалуйста.

Не подействовало. Толпа стремительно разрасталась. Джейк посмотрел на Ребекку и понял, что внимание горожан приковывает ее дурацкая одежда эдвардианских времен, да и его костюм тоже.

Тогда он подтянул браслет как можно выше к локтю и скомандовал:

– Бежим!

Они развернулись, оттолкнули с пути двух женщин и бросились по мощеной улице за угол.

И там оказались перед выстроившимися в ряд воинами.

Джейк споткнулся и упал. Ребекка закричала.

Юноша встал на ноги и увидел, что один из мужчин держит Ребекку и смеется над тем, как она пытается от него освободиться. Шляпка слетела на землю. Волосы вырвались на свободу. Мужчины выпучили глаза, кто-то присвистнул, один даже перекрестился.

Джейк подскочил к тому, кто схватил Ребекку, и закричал:

– Отпусти ее!

Мужчина как бы ненароком плашмя ударил его мечом по животу. Джейк распластался на мостовой. Он попытался восстановить дыхание, встал на карачки, но его пинком ноги снова отбросили на мостовую.

Толпа загудела.

– Джейк! – завизжала Ребекка.

Все вдруг умолкли. Кто-то отрывистым голосом подал команду. Толпа сразу отхлынула и начала рассеиваться. Шеренга воинов расступилась, вперед выехал всадник в черном с золотом плаще и в шляпе из затейливо уложенного в складки красного бархата. Черные волосы незнакомца блестели на солнце, а нос у него был изогнут, как ястребиный клюв. Он словно выехал на коне из портрета эпохи Проторенессанса.

Мужчина натянул удила и коротко скомандовал:

– Назад. Всех разогнать.

Джейк, задыхаясь от боли, с трудом поднялся. Ребекка бросилась к нему, она была напугана до смерти, но не произнесла ни слова.

Солдаты расчищали улицу от горожан, а Джейк тем временем пытался собраться с мыслями.

Они попали в передрягу. И это еще мягко сказано.

– Кто вы такие?

Всадник спросил это вполне доброжелательно, только вот он явно привык получать незамедлительные ответы на все свои

вопросы. У Джейка перед глазами на секунду мелькнуло лицо инспектора Алленби.

– Меня зовут Джейк Уайльд. А это… моя жена. Ребекка. – Девушка в этот момент тихо ахнула, но он не обратил на нее внимания. – Мы приехали из далекой страны.

– Откуда? У тебя речь как у варвара.

– Из Англии.

– Ах так. Это действительно далеко. – Мужчина щелкнул пальцами. – В тех землях всегда туман и солнце показывается только утром на Пасху?

Джейк позволил себе улыбнуться:

– Почти, синьор.

За всадником к этому моменту появилась свита. Там были священники, кардинал в красных одеждах и несколько богато одетых мужчин. Женщин не было.

– Могу ли я узнать, к кому обращаюсь? – спросил Джейк.

– Я – Федерико Алтамана, кондотьер этого города. А вы кто? Торговцы?

Джейк нервно сглотнул:

– Как бы это сказать. Мы знаем о болезни, которая пришла в ваши края. И до нас дошел слух, что она распространяется. – Мужчины начали переговариваться. Среди прочего Джейк явно расслышал, как кто-то сказал: «Il morto negro». Ребекка крепко сжала его руку, как будто хотела остановить, но Джейк и глазом не моргнул. – В моей стране научились делать много лекарств, много отваров и настоек. Я принес вам это знание и заверения в дружеском отношении моего короля…

– Эдуард Третий, – шепнула Ребекка.

– Эдуарда, короля Англии и Франции.

Джейк почувствовал себя на коне. Всю эту информацию он выудил из полузабытых уроков истории. Теперь от того, что он скажет, зависит их с Ребеккой жизнь. При всем этом опасность, как это всегда бывало, опьяняла его, заставляла забыть обо всем на свете.

Всадник наклонил голову и поманил кого-то рукой.

Ребекка охнула.

Вперед вышел человек в самой странной маске из всех, что видели в своей жизни Ребекка и Джейк. Это был капюшон из серой ткани с прорезями для глаз и с огромным клювом, как у вороны или какого-нибудь стервятника.

– И где ваши лекарства? – требовательно спросил Алтамана. – Где дары вашего короля? Где свита?

– В Пизе. Корабли еще не разгрузили. Мы не стали ждать. Слышали, что многие люди уже умирают. – Джейк мельком

глянул на человека в маске и заметил, что тот пристально смотрит на него блестящими глазами.

Человек с глазами ворона.

Кондотьер кивнул.

– Увы, это так, – сказал он и, немного подумав, продолжил: – Доктор проводит вас в монастырь. Надеюсь, вы сможете нам помочь. Но эта болезнь не так уж страшна. Ею заражаются только бедные и грешники. Она пройдет, как проходили другие болезни.

Джейк нахмурился:

– Она может превратиться в мор.

Кондотьер чуть наклонился в седле:

– Будем надеяться, что этого не случится. Жду даров вашего короля. Если их не доставят, вы поплатитесь за свой обман.

После этого он благосклонно улыбнулся, кивнул своим людям и поехал дальше. Солдаты отправились за господином и по пути пялились на Джейка, но особенно на Ребекку. Девушка поскорее заправила волосы под шляпку.

Остался только человек в маске. Он махнул им рукой и направился в узкий переулок с лужами нечистот вдоль стен домов. Там он открыл одну из дверей и склонил голову. Джейк с Ребеккой вошли в дом первыми. Обоим было не по себе.

В темной комнате горела только одна свеча. Хозяин снял маску, и они увидели седого человека с усталым лицом. Он смотрел на них с нескрываемым ужасом.

Джейк даже дышать перестал и смог шепотом произнести только одно-единственное слово. И с этим словом в его душе зажегся свет.

– Отец.

Когда Уортон наконец добрел по глубокому снегу до овчарни, то увидел там Венна. Тот стоял, скрестив руки на груди, и с подозрением смотрел в проход.

– Выходи, – отрывисто потребовал Венн.

Уортону на секунду показалось, что Оберон сошел с ума. Но потом из-за черного камня у входа в развалины выступил Гидеон. Подменыш был бледен и дрожал, зеленая одежда поблекла и стала похожей на мех горностая. Уортон подумал, что и сам парень как-то поблек. Гидеон будто бы стал менее плотным и даже немного прозрачным.

– Где Сара?! – сразу набросился на него Венн.

Гидеон указал на развалины:

– Она вошла туда и исчезла.

– Что с тобой случилось? – спросил Венн. – Что с тобой сделала Саммер?

– Она украла мой сон. Я больше не вижу сны. – Подменыш сел на снег и провел пальцами по спутанным волосам. – Это единственное место, куда я мог от них сбежать.

Венн кивнул:

– Она – виртуоз по части пыток. – Оберон посмотрел на развалины овчарни, прикоснулся к черному камню и обошел его кругом, оставляя глубокие следы в снегу. – А ты почему не вошел?

Гидеон поднял голову и сказал:

– Я хотел, но потом увидел вас.

– Врешь. – Венн сел на корточки и схватил Гидеона за грудки. – Ты знаешь, где она, ведь ты сам ее сюда привел. Саммер нужен браслет, так?

– Какой браслет?

– Тот, который Сара украла у меня.

Судя по глазам Гидеона, он явно не понимал, о чем его спрашивают.

– У нее нет никакого браслета.

– Ты уверен? – вмешался в разговор Уортон. – Но тогда… Кто мог…

Тишина оглушала. Она будто заставила землю дрожать под ногами. Уортон с Венном переглянулись. Казалось, что земля застонала и вот-вот обрушит на них гору.

– Джейк, – выдохнул Венн.

Что вызвало лавину? Его имя? Или тяжесть осознания, что это был он? Но когда Уортон с Венном обернулись, они увидели, что на них надвигается белая стена снега. Она походила на пену, на сметающую все на своем пути гигантскую белую волну.

Венн словно окаменел.

Уортон услышал, как он прошептал:

– Только не это.

А потом Венн широко расставил руки, как будто приготовился встретить волну и умереть.

– Нет! – закричал Уортон и отшвырнул Оберона в развалины.

Венн спиной завалился внутрь прохода и исчез.

– За ним! – приказал Уортон Гидеону.

Выбора у них не осталось. Белая масса с ревом столкнула их друг с другом, они превратились в клубок из двух тел. Но за мгновение до того, как твердый, как мрамор, снег залепил ему глотку, Уортон почувствовал, что летит кувырком в непроглядную темноту.

Отец помешал сахар в чашке с чаем.

Отпил глоток и с довольным видом откинулся на спинку

кресла.

– Пирожное? – предложила я.

– О, моя дорогая.

– Эклер? Или баттенбург?

– Эклер, пожалуй. Как же я люблю этот чудесный крем.

Я взяла эклер серебряными щипцами и положила ему на тарелку. Отец ел пирожное, и крем падал на салфетку у него под подбородком. Я села обратно на стул и почувствовала себя так, будто исполнилось мое самое заветное желание.

– И эта Молл прожила с тобой десять лет?

– Да. Не девочка, а настоящий чертенок. Ела мою еду, пила мой виски и постепенно превратилась в красавицу. Что она только не вытворяла! Такой хитрюги свет не видывал.

У меня в душе, как червячок, зашевелилась ревность, но я быстро ее придавила.

– А я все это время жила в том йоркширском доме как в тюрьме.

– Твоя мать решила забрать тебя. Боюсь, она мне не доверяла. А потом, мы были слишком заняты поисками серебряного браслета. Весь Лондон обыскали. Мы были абсолютно уверены в том, что он где-то в городе! А Молл, бедная девочка, она еще надеялась, что Джейк Уайльд вернется и заберет ее в будущее. Но он так и не вернулся.

– И это разбило ей сердце? – Признаюсь, я надеялась, что так оно и было.

– Возможно. Через год или около того она перестала о нем говорить. Но не думаю, что забыла о нем. А потом весной в одно прекрасное утро Молл выскользнула из дома и больше не вернулась.

Я хмыкнула:

– Уличная девчонка – всегда уличная девчонка.

– Может быть, – задумчиво сказал отец. – А может, и нет. Спустя полгода я получил письмо с пачкой банкнот. Три сотни фунтов стерлингов – существенная сумма. И к ним прилагалась коротенькая записка: «Дж. Х. С. За все, что вы для меня сделали». Наверняка от нее. Даже думать боюсь, как она раздобыла такую сумму.

– Она умела писать?

– Я научил. Она была на редкость способной.

Я достаточно наслушалась о Молл и решительно запретила себе о ней думать.

– Мне бы хотелось больше послушать о будущем.

Отцу от моей просьбы явно стало не по себе.

– Дэвид, когда работал со мной, очень неохотно поддерживал эту тему. Теперь я хорошо его понимаю. Я мало что видел. Янус

держал меня в одной комнате, и пробыл я там всего несколько часов. Могу лишь сказать, что это холодное и тускло освещенное место. – Отец подался вперед. – И знаешь, мне показалось, они там совсем не едят.

Я передернула плечами, как будто услышала что-то страшное.

– Не едят?

– Мне за все это время ни крошки не предложили. Думаю, они там по утрам глотают таблетки с необходимыми питательными веществами. Таким образом можно сэкономить массу времени.

– И одновременно лишить себя удовольствия. – Я придвинула к отцу блюдо с пирожными.

Отец выбрал кофейное пирожное:

– Тут ты права.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на аккуратно завешенное шелковой вуалью обсидиановое зеркало в углу комнаты. На секунду показалось, что кто-то там есть и этот кто-то нас подслушивает.

– Как ты думаешь, я правильно поступила, когда вызволила тебя оттуда такой ценой? То есть рассказала этому тирану то, что он хотел узнать?

Отец слизнул с губ кофейный крем и промокнул их салфеткой:

– Моя дорогая, у тебя не было выбора. Я знал Дэвида Уайльда и видел Оберона Венна и могу сказать, что они люди весьма изобретательные и обладают определенными компетенциями. – Отец поставил чашку на поднос. – Я уж не говорю об этом дерзком и заносчивом Джейке.

Он посмотрел на зеркало и печально так улыбнулся:

– Дорогая моя, твоя карьера более увлекательна. Ты моя дочь, и этим все сказано.

Я не сдержалась и глубоко вздохнула, настолько приятно было это услышать.

– А Джейк придет за пленкой?

– Несомненно! – Отец наклонился вперед и взял меня за руку. – И когда он придет, мы должны быть к этому готовы.

Между снежными завалами и комнатой не было никакого зазора, но у Сары возникло такое ощущение, будто она совершила растянувшееся на многие мили и годы путешествие.

Ботинки оставляли на толстом красном ковре мокрые следы.

С ее коротко стриженных светлых волос капала вода от стаявшего льда. И с кончиков пальцев тоже. Девушка чувствовала, как внутри ее оттаивает лед высокогорного плато.

Здесь оказалось тепло и тихо. Сара стояла в комнате с высоким потолком, стены были оклеены чудесными обоями с

рисунком в цветочек. В огромном очаге шипели и плевались дрова, ревел огонь. Жара доставляла немыслимое удовольствие.

Только до конца отогревшись, Сара смогла хорошенько оглядеться.

Высокие канделябры освещали помещение, в каждом по дюжине свечей. Пламя свечей было холодным и ровным, оно не мигало, не становилось выше или ниже. Окна занавешены янтарного цвета шторами с кистями из плетеных шнуров.

По стенам висели портреты в золотых рамах. Сара прошлась под ними, тихо ступая по мягкому ковру.

На всех портретах красовалась Саммер.

Саммер в белом платье. Саммер в темно-красной мантии. Саммер в платье с круглым гофрированным воротником и с напудренным лицом, как какая-нибудь Елизавета. Смеющаяся Саммер в коротком, по моде шестидесятых годов, платье в черно-белую полоску.

Сара нахмурилась и, обернувшись, увидела накрытый обеденный стол. Там были блюда с лобстерами, с рыбой и пряным мясом. И еще целый ряд супниц. Сара приоткрыла одну и вдохнула горячий пар от тушеных овощей и снова закрыла.

– Знаешь, – громко произнесла она, – это очень старая уловка. Про такое в любой сказке можно прочитать.

Ответа не последовало.

И тут девушка увидела в углу небольшой белый стол с круглой и гладкой столешницей.

Сара заставила себя подойти ближе.

На столе лежали кость, желудь, золотое кольцо и белые жемчужины.

И посреди всех этих вещей на небольшой круглой подставке – шкатулка.

Маленькая шкатулка с ключом в замке.

Шкатулка, обшитая алым жаккардом.

Сара огляделась.

В комнате тихо, дверь закрыта, окна зашторены.

Она протянула руку и открыла шкатулку.

20

У Ошина Венна не было возраста, он не старел.

Его богатства увеличивались, поместье процветало. Он преуспевал во всем, чем бы ни занялся. И все же однажды вечером пришел в дом священника и сказал:

– Святой отец, отпусти мне грехи, ибо я грешен.

Ошин сел у огня, а святой отец ответил:

– Господь всех прощает, сын мой.

– Меня не простит. Она предоставила мне выбор: остаться смертным или вечно жить с Ши, а я не смог выбрать. Поэтому поклялся ей в том, что каждый из моих наследников столкнется с этим выбором и наступит такой день, когда один из них останется с ней навсегда. Я предал всех неродившихся детей из своего рода. Потому что я побоялся ее гнева.

Уинтеркомбские хроники

– Насколько далеко? – Пирс чуть ли не бегом обогнул стол.

Шкала остановилась на цифре «одна тысяча четыреста».

– Не могу сказать точно, но действительно далеко.

Маскелайн отвечал спокойно, Пирса это бесило, но даже он уловил в спокойствии Маскелайна страх.

– Сделайте что-нибудь!

– Я пытаюсь.

Маскелайн поставил все переключатели в верхнее положение. По экрану поползли ряды подрагивающих цифр.

– О господи! – Пирс надавил на глаза кулаками. – Мы их потеряли. Джейк. Ребекка. И оба браслета! Венн точно убьет меня. Нет, не убьет, это слишком легко. Он на века засадит меня в дерево. Распилит и сожжет на костре. Сотрет в стружку.

Маскелайн раздраженно глянул на Пирса:

– Всегда все сводится только к тебе одному, да, маленький

человек?

– Вам легко говорить. Вы думаете, что зеркало принадлежит вам.

– Так и есть.

– Помечтайте! Вы даже не способны с ним нормально работать!

– Когда-то мог! – Маскелайн на секунду утратил самообладание, как будто сверкнула молния и он превратился в злобное темное существо. – До того, как я веками плыл через времена и пространство! Я заново сложил свои воспоминания! Что ты можешь знать о настоящих потерях? Об этом жутком падении?

Пирс расправил плечи и выставил вперед подбородок:

– Знаю побольше, чем вы думаете. Я не только повар и прислуга. У меня тоже есть история, так что можете…

Мяукнула кошка, Пирс сразу умолк и огляделся по сторонам.

Черная кошка стояла прямо перед ними с задранным хвостом и шипела на них обоих.

– Ладно. – Пирс перевел дух, ему как будто бы вдруг стало стыдно за свое поведение. – Да, ты права, – пробормотал он, – сейчас не время и не место.

Маскелайн шагнул вперед. Казалось, что внутри его сгущается темнота. Он молча подошел к зеркалу, схватился за серебряную раму своими красивыми руками и, пристально вглядываясь в темноту, прошептал:

– Все миры там. Все возможные миры. И я снова буду по ним путешествовать.

Пирс с любопытством наблюдал за Маскелайном.

– Оно живое? Зеркало? Вы говорите с ним так, будто оно вас слышит.

– Настолько же живое, как и твои кошки-репликанты, маленький человек.

Мужчина с заметным усилием отвел взгляд от зеркала и отступил от него на шаг. Отражение лаборатории уменьшилось и пошло рябью. Маскелайн повернулся к зеркалу спиной, он снова был спокоен.

– Понятно, что Джейк смог совершить путешествие достаточно долгое, чтобы получить шанс дотянуться до отца, – тихим хрипловатым голосом произнес он. – Возможно, их желание увидеть друг друга превратилось в некое подобие змеи, кусающей свой хвост. Ди описал нечто похожее. Он назвал это магнетизмом сердца.

– Что? – Пирс вытаращил на него глаза, потом подбежал к столу и выхватил из-под завалов бумаг манускрипт Ди. – Вот оно!

Сердце! О господи. Это значит… это… а затем – это… – Он принялся быстро писать какие-то буквы.

Маскелайн подошел и посмотрел ему через плечо.

Пирс остановился и спросил:

– Видите?

– Вижу.

Позволю себе сказать, что зеркало – это путь от сердца к сердцу. Потому что только любовь может победить время.

Путешественник во времени подобен человеку, который нашел тропинку в темном лесу и идет по ней к освещенному окну.

Пусть глаз змеи откроется. Пусть сердца встретятся.

Пирс взглянул на Маскелайна. Тот кивнул.

– Да, – подтвердил он осипшим голосом. – Это я помню. Глаз змеи можно открыть.

– Что значит – помню?

Раздался оглушительный грохот. Кошка от неожиданности подскочила на месте.

Потом снова.

И еще раз.

Как будто какой-то гигант колотил в дверь с такой силой, что весь дом затрясся.

Словно в недрах самой земли загрохотала лавина.

– Что это? – шепотом спросил Пирс.

Маскелайн напряг слух:

– Лес идет. Месть Саммер.

– Отец.

Это слово причиняло боль. Джейк не мог двинуться с места. Он даже дышать не мог.

Но к его удивлению, человек в сером плаще пришел в бешенство и принялся орать:

– Джейк, какого черта! Заявил, что можешь вылечить чуму! Как ты до такого додумался! Здесь люди умирают. Ты это понимаешь? Они по-настоящему умирают! Дети, женщины и младенцы, умирают в страшных муках. И мы ничего не можем с этим сделать. Ни ты, ни я, никто не в состоянии остановить эту расползающуюся заразу. А у тебя хватило наглости и безрассудства взять и заявить им…

– Папа, – тихо перебил его Джейк, – все хорошо, пап. Мы пришли, мы здесь. – Он шагнул вперед, мельком посмотрел на Ребекку, которая, ссутулившись, сидела на стуле и наблюдала за ними широко распахнутыми глазами. – Все хорошо, – повторил Джейк и потянулся к отцу.

Отец обнял его худыми и удивительно хрупкими руками и

крепко прижал к себе. Уткнулся ему в плечо.

– О господи. Джейк. Джейк, – сдавленным от рыданий голосом повторял он. – Я уже думал, что никогда больше тебя не увижу.

Джейк закрыл глаза.

Ребекка прикусила губу и смахнула набежавшие слезы.

Долгое время в темной комнате никто не решался заговорить. Как будто объятий и взглядов уже было достаточно и не требовалось никаких слов.

Потом Дэвид Уайльд медленно отстранился от сына и смог слабо улыбнуться:

– Посмотри на меня! Глупец. Устроил истерику.

– Все нормально.

– Как же долго… Совсем один… Это было так тяжело.

– Ты не должен ничего объяснять. Я все понимаю. – Джейк криво улыбнулся. – Господи, ты ужасно выглядишь.

Отец хрипло рассмеялся и выдохнул с облегчением.

– Ты так считаешь? А ты вот выглядишь отлично. Такой… повзрослевший.

– Мне жаль, что я там наговорил. Про чуму. Просто… меня понесло, вот и перегнул палку. Понимаю, что все это не игра. Тут, наверное, не жизнь, а ад кромешный.

Дэвид кивнул, потом откашлялся и вытер лицо грязным рукавом:

– Подходящее определение. Народ здесь так и говорит. – Дэвид посмотрел на Ребекку. – А это…

– Это Бекка.

Ребекка встала и протянула Дэвиду руку. Тот, немного смущаясь, пожал ей руку:

– А почему вы так одеты?

– Ошибка вышла, – признался Джейк. – Мы хотели добраться до тебя через Алисию. Я и не думал, что мы так далеко переместимся.

– А Венн? Где Венн?

– Отправился в Саммерленд за половинкой одной греческой монеты. Послушай, у меня нет времени все объяснять. Мы должны пойти к зеркалу и вернуть тебя обратно. С двумя браслетами у нас получится, даже поэтапно. – Джейк запнулся. – Что? Что не так?

Дэвид Уайльд подошел к окну и широко распахнул ставни. В комнату вместе с солнечным светом хлынула жара. Снаружи над крышами домов пронзительно кричали стрижи.

– Мой господин. Его семья. Я не могу их бросить.

У Джейка глаза на лоб полезли.

– Не смотри на меня так! Я – врач, это мой долг.

– Нет! – Джейк не верил своим ушам.

– Если я уйду, они умрут. Я работал сутки напролет и смог приготовить грубую форму антибиотика. Очень мало. И процесс почти завершен. Если я смогу…

Ребекка не дала Дэвиду договорить все эти страшные вещи. Она взяла его за руки и посмотрела в глаза. Джейк был впечатлен ее поступком.

– Дэвид, послушайте меня. Это не ваше время. Я студентка исторического факультета, я знаю, что говорю. Черная смерть бушевала в Европе, и никто не смог ее остановить. Здесь была эпидемия. Это уже случилось, и в этом нет вашей вины. Если вы не покинете это время, то погибнете. И мы тоже, потому что я не представляю, как Джейк сможет вернуться без вас.

Дэвид не спускал с нее глаз. Ребекка видела, насколько он изможден.

– Знаете, по ночам я лежал без сна и мечтал. О зеркале. Это было настоящей пыткой. Какой смысл в обладании им, если ты не можешь его использовать? Я мог бы вернуться в Уинтеркомб, взять нужные лекарства и принести их сюда. Возможно, у нас получится остановить эпидемию. Мы спасем тысячи жизней. Изменим историю. Мы могли бы это сделать. – Дэвид отошел к узкой кровати, сел и словно оцепенел. – Подумайте о том, что мы могли бы сделать.

Ребекка с тревогой посмотрела на Джейка.

– Скорее нас сожгут на костре за колдовство, – грубо напомнил он.

Девушка даже не представляла, что самоуверенность этого парня может так ее обрадовать.

– Что будем делать? – шепотом спросила она.

– Заберем его домой. На остальное мне плевать.

Джейк подошел к окну и посмотрел вниз. На раскаленной от жары улице не было ни души. Только стрижи кричали на крышах.

– Уходить надо сейчас, пока сиеста не кончилась. – Он подошел к отцу и опустился перед ним на колени. – Где зеркало? Ты говорил, что знаешь, где оно.

Дэвид посмотрел на сына, потом провел ладонью по лицу и сказал:

– Да, знаю. Оно в старом дворце.

– Мы можем туда пробраться?

– Там живет мой господин. Там его официальные апартаменты. Там охрана и пыточные камеры. – Дэвид нахмурился. – Но, Джейк…

– Уходим. Прямо сейчас.

Дэвид встал, взял свою маску и огляделся. Джейк впервые заметил, какая в комнате бедная обстановка. Распятие на стене, пыльный кувшин с водой, обшарпанные стены.

– Браслет у тебя?

– Я его никогда не снимаю. – Дэвид запнулся. – Джейк… я должен тебе кое о чем рассказать.

– Ты хочешь что-то с собой взять? Отсюда?

В ногах кровати стоял деревянный ящик с одеждой. Юноша достал свернутый в рулон плащ:

– Можно надеть это на Бекку или…

Тут ему изменил голос.

Это был не плащ. Это было детское одеяло. А внутри кто-то тихонько запищал. Джейк откинул уголок одеяла.

На него смотрел младенец. И глаза у него были голубые.

Ребекка прикрыла рот ладонью.

– Кто это? – шепотом спросил Джейк.

Ему показалось, что у него отнялись руки и ноги, а в живот заползает и распространяется по всему телу страх.

Дэвид все еще колебался. Потом все-таки подошел к Джейку, взял у него ребенка и снова прикрыл ему лицо уголком одеяла.

– Это Лоренцо. Твой брат.

Снег обрушился на Венна, как воспоминания. Воспоминания о событиях на Катра-Симба. Белая пустота вытеснила все, она забилась ему в глаза и в нос. Она стерла даже память о Лии и швырнула в проход, который, как он знал, вел в дом Саммер.

Все его существо вопило, пыталось сопротивляться, но это была судьба. Она тащила его дальше, а он ничего не мог ей противопоставить, кроме своей ярости.

В следующее мгновение он лежал на полу в просторном зале. Снег на его одежде таял и превращался в лужи на полу. Там же стоял на карачках и ловил ртом воздух Гидеон. Уортон проскользил мимо по каменным плитам и остановился, уткнувшись лицом в стену.

Венну показалось, что у него сломаны ребра. Знакомое чувство. Он сел и медленно огляделся.

Вокруг сидели сотни его отражений.

Гидеон выпучил глаза. Встал. Вместе с ним встали сотни Гидеонов. Его бесчисленные копии – бледные юноши в зеленых сюртуках.

Парнишка завертелся на месте и счастливо рассмеялся:

– Что это за место?

– Зал зеркал. – Венн, морщась от боли, подошел к Уортону и

перевернул его на спину. – Джордж, вы ранены?

Уортон застонал и открыл глаза:

– Кажется, я превратился в один большой синяк.

Венн помог ему сесть. Учитель с вытаращенными глазами оглядывал зал. Сначала показалось, что здесь полно людей. Кто-то стоит, кто-то сидит, а потом до него дошло – их всего трое, просто они бесконечно отражаются в зеркальных стенах.

Учитель сделал глубокий вдох и спросил:

– Где это мы? Это все дело рук Саммер?

Венн огляделся. Высокий и бесстрастный, он стоял посреди зеркал. Те были самых разных форм и размеров, в красивых рамах они заполняли все стены. И даже потолок.

– Да, это дело рук Саммер, – пробормотал Венн.

Уортон развел руки:

– А где же Сара?

Как только шкатулка открылась, из нее выскочила птица. Крошечная деревянная птица с яркими зелеными и желтыми перьями. Она закрутилась вокруг своей оси и запела так звонко и громко, что Сара чуть не подпрыгнула на месте.

– Тсс… Заткнись, ты. И лезь обратно.

Она попыталась закрыть крышку, но та не поддавалась.

Сара в отчаянии посмотрела на дверь и на зашторенные окна, но никто не вошел.

Песня закончилась так же внезапно, как и началась. Птичка перестала вертеться и уставилась на Сару черным и круглым, как бусинка, глазом.

Внутри шкатулка была обшита багровым атласом. Сначала Саре показалось, что она пустая, но потом заметила маленькую петельку, которая подсказала, что есть и потайное отделение.

Сара затаила дыхание, аккуратно взяла двумя пальцами петельку и медленно-медленно потянула.

Она смотрела в черную дыру. Перед ней открылась сама бесконечность с россыпью крохотных звезд и далеких галактик. Или это были золотые нити, бриллианты и рубины?

– Правда, красиво? – спросила птичка. – Это никогда не заканчивается.

Сара уставилась на нее.

– Не могу даже передать, как хорошо снова вернуться. – Птичка расправила крылья и несколько раз ими взмахнула. – Мне было так скучно! Столетия в полной тишине.

И она радостно засвистела, потом облетела всю комнату и снова села на край шкатулки.

Сара собралась с духом и спросила:

– Это принадлежит Саммер?

– Ее сокровища.

Надежда расцвела в душе Сары, острая, как боль.

– Я ищу кое-что. Монету. Вернее, половину монеты. Она моя. На цепочке и…

– Знаю-знаю. – Птичка закивала с важным видом. – Жди здесь. – Она расправила крылья, а потом снова посмотрела на Сару, как будто чего-то опасалась. – Ты ведь никуда не уйдешь?

– Нет! Я никуда не уйду.

Птичка улетела в шкатулку. Девушка смотрела ей вслед и видела, как та постепенно растворилась среди далеких звезд.

Свет меркнет, ворон летит в туманный лес… [7]

21

Он не мог лежать, не мог спать.
Она украла его сны.
Она заперла их в своем самом темном зале
С демонами, призраками и феями.
Он сказал: «Я не прошу о пощаде
И не склоню колени».
А она улыбнулась и растопила снег,
И расцвели цветы.

Баллада леди Саммер и лорда Уинтера

Пирс распахнул окно и высунулся наружу. Капли дождя брызнули ему в лицо.

– Смотрите! Вон там!

Маскелайн посмотрел из-за спины Пирса. Из всех окон выглядывали кошки.

Коридор располагался в задней части аббатства, там, где дом словно бы пригнулся под скалой Уинтер-Тор. Гряда сланцевых пород врезалась в Лес. Далеко внизу, в спрятанном от глаз ущелье, ревела вышедшая из берегов река Уинтеркомб. А над ней, на крутом, заросшем деревьями склоне, Пирс заметил какое-то движение.

Оно было очень медленным. Чуть – здесь, чуть – там. Хрустнула ветка, упал камешек в реку. Но Пирс чувствовал повисшую в воздухе угрозу. Она затаилась даже в бесконечно моросящем дожде. Весь склон дюйм за дюймом скользил вниз. Насыщенная влагой почва тащила за собой корни деревьев и постепенно вырывала их из земли. Дерево напротив окна уже склонилось к соседнему, его ствол трещал, будто от боли.

– Все это может спуститься на нас в любую минуту, – тихо сказал Пирс и рывком закрыл окно. – Что нам делать?

Маскелайна, судя по выражению его лица, это не особенно волновало.

– Если уж такое случится, дом определенно пострадает. Но зеркало на Тропе монахов уцелеет. В древней части аббатства крепкая каменная кладка. С ним ничего не случится.

Пирс от возмущения чуть дар речи не потерял.

– С ним, может, и ничего, а вот со мной случится! Вы хоть

представляете, что сделает Венн, когда вернется и обнаружит, что его дом разрушен! Вы понятия не имеете, на какие страдания…

Маскелайн небрежно пожал плечами и пошел по каменному коридору. Кошки цепочкой отправились за ним.

– А что я могу сделать?

Пирс засеменил следом:

– Много чего. У вас есть… способы.

Маскелайн остановился:

– Способы?

– Возможности. О, я не уверен, что знаю, кто вы, мистер Лицо со шрамом. Но я знаю – что вы. Никто не может затолкать меня в кувшин, если только он сам под завязку не заполнен колдовством. Я в жизни не испытывал на себе более сильного заклинания, а уж я-то повидал колдунов, можете мне поверить. Так что, осмелюсь предположить, остановить двигающийся Лес для вас – плевое дело.

Маскелайн улыбнулся и покачал головой:

– Ты, наверное, меня с кем-то путаешь. Я дождь даже не могу остановить!

Пирс не собирался отступать. Он скрестил руки на груди и сказал:

– Может, да, а может, и нет. Но если дом снесет, кто гарантирует, что Ши не растащат тут все, включая и зеркало. Мистер Призрак, подумайте об этом.

Маскелайн смерил дворецкого суровым взглядом и решительно зашагал по коридору к лестнице.

Пирс смотрел ему вслед. Он был очень доволен собой. То-то же. Его не проведешь. Маленький азиат выставил грудь колесом и улыбнулся. Но в следующую секунду заметил, что все кошки смотрят в его сторону, и улыбка слетела с его лица.

– Что? Если не я, то кто будет охранять это место? Может, вы?

Животные разбежались. Осталась только Примо. Она потерлась о щиколотки Пирса, тот с любовью почесал ее за ухом. Кошка изогнулась, а потом не спеша подошла к двери в одну из спален и пронзительно мяукнула.

Пирс редко заходил в эту часть дома, о чем красноречиво говорил слой пыли на полу. Он открыл дверь и заглянул в комнату, которую сам же выделил Саре.

– Что тут такое? – шепотом спросил он.

Черная кошка грациозно прошла по потертому ковру к окну, поскребла лапой одну половицу, потом запрыгнула на подоконник и начала вылизываться.

Пирс подошел к окну и присел на корточки. Половица совсем

расшаталась. Дворецкий легко ее поднял и обнаружил тайник.

Он посмотрел на Примо:

– Значит, здесь она прячет свои сокровища, да?

Кошка продолжала вылизываться.

Пирс запустил руку в тайник и вытащил оттуда небольшой блокнот в серой обложке и черную ручку, которая была крепко привязана к блокноту лентой.

Ручка из будущего. Пирс понял это по запаху и по выгравированной на колпачке большой букве Z. Зевс. Он открыл блокнот и увидел множество написанных Сарой сообщений. Но были там и другие, выведенные заглавными буквами. Почерк наклонный, прерывистый, временами автор записей даже рвал бумагу. А подписывался он «Янус».

Пирс прочитал последнее.

«Я ПОСЛАЛ К ТЕБЕ СВОИХ ДЕТЕЙ».

Дворецкий сложил губы трубочкой и беззвучно присвистнул.

– Ого, это очень плохо, – прошептал он.

Дэвид с ребенком на руках сидел на узкой кровати.

– Я встретил здесь женщину, – сказал он. – Молодую, красивую… Сначала мы были только друзьями. Она… Лишь с ней я чувствовал себя в безопасности. А потом…

– Не желаю выслушивать эту грязную историю, – проворчал Джейк.

Он стоял в тени у окна и смотрел на улицу.

– Джейк, – начала Ребекка.

– А ты не вмешивайся. Тебя это не касается.

Ребекку бесил его надменный тон, но в то же время она чувствовала, что ему больно. Поэтому шагнула к Дэвиду, и тот, немного подумав, передал ей ребенка. Девушка с удовольствием ощутила его тепло и удивилась тому, какой он тяжелый.

Дэвид подошел к окну и встал за спиной у Джейка.

– Сын, не злись на меня.

– Я не злюсь. Но…

– Это просто случилось, и все. Она сказала мне, что беременна. Мы поженились.

– Но ты уже женат! Ты женат на моей матери!

– В тысячах лет отсюда в стране, которую даже еще не открыли. – Дэвид попытался улыбнуться. – Ей не обязательно об этом знать.

Джейк резко обернулся:

– Это не смешно!

– Нет. – Дэвид устало смотрел ему в глаза. – Не смешно. Мне совсем не было смешно, когда Габриэллу принесли с рынка и я

увидел у нее на шее первую черную лезию. Джейк, двадцать четыре часа, это заняло всего двадцать четыре часа. Продлившаяся двадцать четыре часа агония, и здоровая женщина превратилась в покрытый черными язвами труп. – Он взял Джейка за руку. – Я не смог ее спасти.

– Зеркало, – проговорил Джейк. – Ты мог бы…

– И принести заразу в какую-нибудь другую эпоху? Я бы не сделал этого даже ради нее.

Они замолчали. Где-то в городе церковный колокол начал звонить к обедне.

Ребекка переложила ребенка с руки на руку, малыш удовлетворенно засопел.

Джейк отошел от окна и заявил:

– Ладно, хорошо. Что бы ни случилось, что бы ты ни сделал, это не имеет значения. Нам надо уходить. И как можно быстрее.

– Ребенка я возьму с собой. У него здесь никого нет.

Джейк и Ребекка одновременно посмотрели на Дэвида.

– А мы?.. – начала девушка.

– У нас два браслета. Мы можем попытаться.

Джейк резко выдохнул и кивнул:

– Хорошо. А теперь идем.

Спустя десять минут они сбегали по лестнице. Дэвид снова надел маску с клювом, Джейк переоделся в одежду его ученика, а Ребекка закуталась в плащ, укрыв под ним малыша.

– Ты понесешь, – решил Дэвид, когда привязывал к ней сверток с ребенком. – Так будет натуральнее.

– Думаете?

Ребекка почувствовала себя глупо. А Дэвид будто понял это и пояснил:

– Здесь ты была бы замужней дамой уже много лет. И даже состариться успела бы.

Такая перспектива всерьез испугала девушку.

Ребекка спешила вниз по черным ступеням. Ей было страшно от мыслей о том, что жизнь, которая, как ей казалось, еще впереди, в этой эпохе уже бы закончилась. Она думала о молодой женщине, за сутки превратившейся из красавицы в гниющий труп, и паниковала.

Дэвид остановился у парадной двери, осторожно выглянул на улицу:

– Идите за мной. Не отставайте. Не разговаривайте. Джейк, поддерживай ее, словно она больна, тогда люди будут вас сторониться.

На улице было пусто. Они старались идти быстро, но жара,

словно огромная рука, давила им на грудь, лица покрылись пленкой пота.

Над ними возвышались узкие высокие дома, похожие на замки и башни. Парадные двери были заперты на засовы, ставни плотно закрыты – все боялись заразы. Город провонял, как будто гнил заживо, как будто уже превратился в безмолвное кладбище. Джейк вдруг сообразил, что где-то уже видел эти дома, и вспомнил рисунки на странице из манускрипта, который принесла в аббатство Сара. Там тоже были такие башни. Они свернули за угол и оказались перед конной статуей.

– Ди, – выдохнул Джейк.

Ребекка отчаянно пыталась вспомнить все, что знала об этой болезни, которая уничтожила треть населения Европы.

Она передается через блох?

Крепко прижимая к себе ребенка, девушка старалась обходить лужи и постоянно задерживала дыхание.

Тень закончилась, как черное лезвие ножа. Они вышли на небольшую, сверкающую на солнце площадь. Напротив возвышалось каменное здание устрашающего вида с узкой башней. Два стражника прислонились к стене по обе стороны от единственной двери.

Дэвид выглянул из-за угла и тут же отпрянул:

– Мы пришли. Это Барджелло. Городская тюрьма. Посмотрите вон туда.

Джейк поднял голову и увидел, что из окна второго этажа свисают два тощих куля из костей и одежды, которые когда-то, возможно, были людьми. Запах удушающий. Они медленно развернулись.

– Бог мой, – пробормотал Джейк.

– Мой господин прячется там от чумы. – Дэвид вытер пот с лица и попытался улыбнуться. – Я бывал здесь. Заехал как-то во время отпуска в тысяча девятьсот восемьдесят шестом. Ел мороженое в кафе, которое стояло как раз на этом месте.

На секунду на лице Дэвида проступила растерянность. Словно он перестал понимать, где находится. Потом развернулся и вышел из-за угла.

Они медленно поднялись по ступеням. Стражники оторвались от стен.

– Доктор…

– Это моя пациентка. – Дэвид махнул им: – Не подходите, держитесь подальше.

Джейк, обняв одной рукой Ребекку с ребенком, поспешил пройти в здание. Он надеялся, что там будет прохладно, но, пройдя через каменную комнату, они оказались во внутреннем

дворе с боковой лестницей.

Дэвид шумно выдохнул:

– Первый этаж. Поторопитесь.

Они шли по открытой галерее. Она была уставлена сундуками, как будто хозяин замка вытащил сюда все свои богатства. Дэвид, не обращая внимания на сундуки, бежал по выложенному каменными плитами полу. Яркий солнечный свет проникал через высокие широкие окна и оставлял на полу раскаленные квадраты.

– Сюда, – тихо позвал Дэвид.

Джейк сначала его не заметил. Вокруг громоздились статуи языческих богов, христианских святых и ангелов. Огромные раскрашенные сундуки. Еще там был стол с объедками на тарелках.

А потом в темном углу у стены он увидел знакомую вещь, похожую на черную дверь.

Обсидиановое зеркало.

Сначала птица была не больше точки, потом стала расти, а когда стремительно вылетела наружу, у Сары даже дыхание перехватило.

В клюве птичка держала половину монеты.

Сара протянула руку. Монета упала ей на ладонь.

– А теперь только не ошибись, – предупредила птица, – не вздумай бежать, не то я так засвищу, что вся армия Ши ввалится сюда через дымоход и стены. Даже думать не хочу о том, что с тобой будет.

Сара нервно сглотнула:

– Так ты мне угрожаешь?

– Обстоятельства вынуждают. – Птичка поправила клювом маленькое желтое перо.

Сара глянула на сломанную монету с половиной лица греческого бога. Вдруг девушке стало стыдно. Она совсем забыла об ужасах, которые творятся в далеком и печальном будущем, забыла свою клятву верности, забыла Карлу и Макса.

Птичка наклонила голову набок и скосила глаз на Сару:

– Ты что, плачешь?

– Нет, – соврала Сара. – Слушай, я должна это забрать. Она принадлежит мне. Я отдала ее Саммер…

– Не произноси ее имя. – Птичка даже как-то уменьшилась в размерах и стала похожа на крохотного блестящего птенчика. – Она услышит!

– А теперь, – продолжила Сара, – мне нужно забрать ее. Это очень важно. Не могу объяснить причину, но…

– Ты одна из Веннов?

Сара не знала, как лучше ответить, поэтому просто кивнула.

Птичка развернулась вокруг оси и возбужденно захлопала крыльями. Потом немножко подросла и сказала:

– Я видела его. Ошина Венна. Красивый мужчина. Она очень изощренно его пытала.

– Он больше не Ошин. Он теперь Оберон.

Птичка как будто бы пожала плечами:

– Оберон, Оливер, Ошин. Для нее нет никакой разницы. Она как погода, как земля. Не знает ни возраста, ни сострадания. Подойди.

Сара надела цепочку с монетой на шею и подошла ближе к шкатулке:

– Пойми, я должна…

– Это она со мной сделала.

Птичка смотрела на Сару глазом-бусинкой. Девушке показалось, что она увидела в его глубине какую-то искорку. Как будто огонь вспыхнул.

– Заперла меня здесь. Превратила в механизм из палок и перьев.

– За что?

– Я ее ослушалась. В Лесу есть одно место. Ловушка. С виду ничем не отличается от обычной травы. Но если смертный ступит на него, он застрянет там, а время потечет дальше. Так она шутит. В общем, все стали ждать, когда кто-нибудь подойдет к этому месту.

Саре было страшно, но в то же время хотелось узнать конец этой истории.

– Все, кроме тебя.

– Я… – Птичка поправила клювом перья. – Я была непослушной и решила ее позлить. Смертный оказался обычным крестьянином. Он шел с полей, закинув лопату на плечо. Ши, как мухи, стаями летали вокруг. Я его предупредила. Шепнула на ушко. Видела бы ты, как он побежал! – Птичка тихо и печально свистнула. – А потом она об этом узнала.

– Мне очень жаль, но я должна идти, – сказала Сара.

– С монетой? – Птичка презрительно пискнула. – Ты никогда не выйдешь из этой комнаты. Разве только…

– Что? – спросила Сара, уже зная ответ.

– Возьми меня с собой. Положи шкатулку в карман и уходи. Я проведу тебя через Саммерленд. Откажешься – я подниму шум.

Сара чуть не засмеялась. Очень уж забавной была напыщенная птичка.

Но потом снаружи донесся грохот. Девушка встрепенулась:

– Что это?

– Уверена – ничего хорошего.

Сара решилась. Только она одна могла уничтожить зеркало. Не колеблясь ни секунды, сунула шкатулку в карман и развернулась к двери.

Дверь оказалась открыта.

В зале не было выхода. Даже тот, через который они сюда попали, исчез. Не было вообще ничего, только бесконечные обсидиановые зеркала, все одинаковые. И все, как думал Венн, иллюзия.

– Ловушка Саммер, – сказал он. – Если мы войдем в одно из них без браслета…

– Какая разница, – мрачно заметил Гидеон. – Мы все равно никуда не переместимся. Это – Саммерленд, а он не заканчивается.

Уортон пропустил мимо ушей это парадоксальное замечание. Учитель рассматривал себя в зеркале: похоже, действительно немного прибавил в весе.

– А вы что думаете? – обратился он к Венну.

Тот нахмурился, подошел к ближайшему зеркалу и уперся в него ладонями. Поверхность была черной и твердой.

– Мы так привыкли проходить через зеркала, – пробормотал он, – что забыли об их истинном предназначении. – Оберон пристально смотрел в свои голубые, как лед, глаза. – Они показывают нам то, что мы считаем реальностью. Но это не так. Реальности не существует.

Венн широко расставил пальцы. Уортон заметил на черной поверхности зеркала крохотную светящуюся точку. Не веря своим глазам, он наблюдал за тем, как эта точка увеличивается и трансформируется в круг, потом в квадрат. Вскоре она заняла все зеркало и превратилась в окно, которое выходило на какую-то странную, залитую солнцем и мощенную булыжником узкую улицу.

Пока они растерянно смотрели на зеркало, окно исчезло.

– Это было по-настоящему? – спросил потрясенный Уортон.

Венн отступил от зеркала и насторожился:

– Возможно. Но в каком-то другом времени. Или ловушка, которую специально для нас расставила Саммер. Я предполагаю, она знает, что мы здесь.

Уортону эта мысль категорически не понравилась.

– Отсюда некуда уйти.

– Может быть. – Венн вдруг повернулся к Гидеону. – Скажи, почему ты привел сюда Сару?

Гидеон заморгал зелеными глазами:

– Она очень просила. Я…

– И ты ее пожалел? – Венн подошел к подменышу. – Я так не думаю.

Глаза Гидеона зло сверкнули.

– Мы заключили сделку. Она пообещала помочь мне.

– Как…

– Она заявила, что в ее времени нет Ши.

Произнесенные шепотом слова Гидеона прозвучали магическим заклятием. Юноша обхватил себя за плечи, как будто сказал нечто запретное и волшебное, что нельзя произносить вслух.

Уортон заметил потрясение Венна. Оберон шагнул к Гидеону и замахнулся. Джордж дернулся вперед, но рука Оберона остановилась в паре дюймов от побелевшего лица Гидеона.

– Не смей, – выдохнул Венн. – Не смей упоминать здесь об этом. Саммер услышит.

Он нервно заходил по залу. Вместе с ним вышагивали его отражения в бесчисленных зеркалах.

Во всех, кроме одного. Уортон внезапно похолодел. В одном из зеркал не было Венна – только черная, непроницаемая пустота.

Уортон бочком подошел ближе.

– Если потребуется, – бормотал Оберон, – я перебью тут все зеркала. Должен быть выход!

Джордж протянул руку. Зеркало было черным, но не из стекла. Это была закрашенная черной, как ночь, краской деревянная дверь. В ней имелось углубление. И там Джордж разглядел маленькую встроенную ручку. Попробовал повернуть ее, и она поддалась.

– Нет! – закричал Гидеон.

Венн развернулся и бросился к Джорджу.

Но Уортон уже исчез, а вместе с ним исчезла и дверь. Оберон увидел только отражение своего искаженного лица.

22

Промежуточное донесение:
АЛИСИЯ ХАРКОРТ СИММС

Субъект находится под постоянным наблюдением. Похоже, встречается с сообщниками только на так называемых сеансах. Информация, скорее всего, передается там же.

Субъект мог заметить слежку. Вчера при выходе из дома она подмигнула нашему офицеру.

Секретная операция Алленби

Комната была обставлена как примитивная лаборатория. На скамье – перегонные кубы. На подставках – стеклянные колбы самых причудливых форм. В колбах булькала и шипела какая-то жидкость. Череп смотрел на них пустыми глазницами.

Дэвид быстро прошел к небольшому, встроенному в стену запертому шкафчику, открыл его и достал маленький пузырек.

– Вот оно. – Он поднял пузырек повыше. – Я попытался выделить антибиотик. Он пока еще сырой, неочищенный. Но это может сработать, спасти несколько жизней.

В пузырьке было зернистое вещество медового цвета.

Где-то в доме поднялся шум. Они замерли и прислушались. Кто-то бежал вверх по лестнице. Малыш заворочался возле теплой груди Ребекки. Шаги звучали все ближе. Прошли мимо комнаты и постепенно стихли.

Джейк с облегчением выдохнул:

– Хорошо.

Он снял с руки браслет и застегнул его на запястье Ребекки.

– Зачем? – встревожилась она. – Мы ведь вместе пойдем, разве нет?

– Конечно вместе. Просто на всякий случай.

Секунду Ребекка с ужасом смотрела на Джейка. Ее жутко пугала перспектива потеряться на бесконечных просторах времени.

Джейк развернул ее к зеркалу:

– Отец, как ты им управляешь? Тут нет никаких приборов…

– Я успел кое-что узнать о нем. – Дэвид подошел ближе и

посмотрел на серебряную раму. – В этих электрических приспособлениях нет никакой нужды. Вот здесь выгравированы буквы. Слова. Достаточно уметь ими пользоваться. Положите ладони сюда и вот сюда. Иногда мне кажется, что зеркало способно считывать ДНК. Но… – Он отступил и тряхнул головой. – Господи, Джейк! Все мои попытки отсылали меня еще дальше в прошлое! Что, если мы в результате застрянем в какой-нибудь доисторической эпохе? Что, если…

– Нигде мы не застрянем. – Джейк схватил Ребекку и, прежде чем Дэвид успел что-то возразить, подтащил ее к зеркалу. – Делай, как сказал мой отец.

Ребекка прикоснулась к серебряной раме.

Та завибрировала, словно почувствовала браслет у нее на запястье. Девушке показалось, что зеркало проявило к ней интерес.

– Джейк!

Юноша тем временем схватил отца:

– Теперь мы.

Зеркало загудело. Задрожало. Воздух в комнате сгустился.

Но с жутким грохотом открылось не зеркало, а дверь. В комнату ворвались стражники с алебардами на изготовку. За ними вошел высокий человек в свободных одеждах из дамаста. Кондотьер. Хозяин дворца. Он остановился и посмотрел на людей возле зеркала.

Оно уже пульсировало.

Потом открылось, явив всем пустоту вселенной, и с диким ревом втянуло в себя Ребекку с Лоренцо на руках.

Стражники онемели от ужаса и повалились на колени. По полу застучали брошенные алебарды. Джейка отбросило в сторону. Потом его подняли на ноги и лишили возможности дышать. Кондотьер одной рукой зажал его горло, а второй подставил к шее кинжал.

Джейк видел, как отец замер на месте, и поднял руки над головой.

– Синьор! Стойте! – закричал он.

Юноша ловил ртом воздух, он цеплялся за руку кондотьера, но она была твердая, как сталь.

– Какую нечистую силу ты принес в мой дом? – с еле сдерживаемым гневом и, стараясь не показать свой страх, процедил кондотьер.

Последнего призрака мне посчастливилось увидеть в январе сорок первого года.

К этому времени я уже почти сдалась, но, несмотря на

преклонный возраст, не переставала надеяться. Мой отец был так уверен в том, что они придут. Дэвид или Джейк. Или их загадочный друг мистер Оберон Венн, рассказы о котором, признаюсь, немного меня пугали.

Я завесила зеркало, и оно просто стояло у меня в комнате. За все эти годы оно не показало мне ничего, кроме моего, увы, стареющего лица. Я даже начала сомневаться в том, что Дэвид вообще когда-то существовал. Отец мой умер, мир изменился, надвигалась новая война. Еду выдавали по карточкам. Начались бомбежки.

А потом холодным весенним утром, в ту пору, когда на площади уже проклюнулись желтые бутоны нарциссов, вернулся Янус.

Я превратилась в сухую седую старушку с покрытым морщинами лицом, но все еще оставалась сильна духом. И была вполне счастлива. Сеансы все еще были популярны, ко мне на чай приходили мои дорогие друзья из Общества экстрасенсов.

Увы, денег собрания уже особых не приносили, и я не могла позволить себе горничную, поэтому, когда в то утро вошла в свой кабинет, огонь в камине никто не разжег, а шторы были задернуты. Я сама их раздвинула. Кольца загремели по карнизу. Еще сонная, я выглянула в окно.

И тут у меня за спиной прозвучал его голос:

– Ну, здравствуйте, Алисия. Давно не виделись.

Я обернулась, и сердце бешено заколотилось в груди.

Он совсем не изменился. Даже длина волос осталась прежней. Невысокий человек в форме, с гладкими волосами и в круглых очках с синими линзами улыбался этой своей кривой улыбочкой, в которой совсем не было теплоты.

– Вы! – охнула я.

Признаю, это не самая оригинальная моя реплика, но его появление вне зеркала выбило меня из колеи. Он стоял спиной к нему. На каминной решетке лежали черепки от разбитых фарфоровых собак.

– Надеюсь, вы не против того, что я занял ваш кабинет. – Он взмахнул маленькой кистью. – Я предполагаю кое с кем здесь встретиться.

Я молча смотрела на него и не могла вымолвить ни слова.

– Вообще-то, они появятся здесь с минуты на минуту.

– Кто? Дэвид? – спросила я, и, признаюсь, голос у меня дрожал.

Янус улыбнулся.

– Ах да. Вы же всю свою жизнь потратили на ожидание этого Дэвида. Какая жалость.

Должна сказать, что не принимаю такого к себе отношения.

Ни от кого. Поэтому выпрямилась в полный рост и произнесла:

– Сэр, я ожидала любого, кто явится с Той стороны. Мы с моим отцом много лет рассматривали возможность появления такого человека. И смею вас уверить, мы не теряли времени даром.

И с этими словами подняла руку, что, как я надеялась, было весьма уместным жестом, и опустила предусмотрительно спрятанный за шторами рычаг.

С потолка рухнула складная металлическая клетка.

Загудела подведенная к ней электропроводка.

Янус застыл в клетке, что уже много лет ждала его появления.

Слово «удовлетворение» не вполне описывает то, что я испытала в тот момент. Правильнее будет сказать: я ликовала.

Я чинно села на диван, сложила руки на коленях и стала любоваться результатом своей работы. Тиран из конца времен был у меня в плену. Это и впрямь не могло не радовать.

Янус молчал. Потом протянул руку, как будто собирался прикоснуться к стальным прутьям.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы причинили себе вред, – быстро предупредила я. – Пока мы с вами беседуем, по этим металлическим прутьям проходит электрический ток. Напряжения в двадцать пять вольт достаточно, чтобы вас хорошенько тряхнуло. Мой дорогой отец лично соорудил всю эту конструкцию.

– Вот, значит, как. – Янус кивнул и сложил руки на груди, потом посмотрел на зеркало, которое стояло на безопасном от него расстоянии. – Дорогая леди, примите мои самые искренние поздравления.

– Жаль, что у вас там нет стула. Не хочу, чтобы вы испытывали дискомфорта.

Янус не сводил с меня глаз, вот только они были спрятаны под синими стеклами и разглядеть их выражение не представлялось возможным. Однако я с некоторой тревогой начала сознавать, что он далеко не так сильно, как мне хотелось бы, переживает из-за своего положения.

– Я совершенно уверена в том, что вы использовали мои сеансы, чтобы заманить меня в ловушку. Ваши люди постоянно следят за моим домом. Это глупо.

– Мои люди? – удивился Янус. – Вы что, действительно ничего не понимаете?

– Все документы и труды моего отца спрятаны в надежном месте, – с гордым видом сказала я. – Вы никогда их не найдете.

Янус тряхнул головой. Когда он снова заговорил, голос его сочился, как яд.

– Алисия, вы самая глупая женщина из всех, кого я встречал в своей жизни.

Я разозлилась и коротко заметила:

– Пусть так, но в клетке вы, а не я.

– Ах да. Клетка. А вы не поделитесь своими замыслами на мой счет?

Признаюсь, я понятия не имела, что с ним делать.

– У меня свои планы, – холодно ответила я.

Улыбка не сходила с его лица.

– Неужели? Что ж, а у меня свои. И они уже на пороге.

Зеркало загудело. Я вскочила на ноги, отступила к стене и, схватив последнюю фарфоровую собаку, прижала ее к животу.

Казалось, вся комната начала сжиматься. В глубине зеркала образовался вакуум.

Из волос полетели шпильки, юбки закружили вокруг ног и потянулись к зеркалу. Казалось, кто-то собрался вытянуть из меня все нутро. И на одну страшную секунду я увидела черную дыру в самом центре вселенной.

Маскелайн листал длинными пальцами дневник Сары и не торопясь читал. Возле стола у него за спиной в нетерпении суетился Пирс.

– Теперь понимаете? Она все это время была в сговоре с Янусом! Он пишет – дети. Что еще за дети? Те репликанты?

– Скорее всего.

– Что ж, мы знаем, что с этим делать.

Пирс достал из кармана полосатого жилета большую связку ключей и поспешил к маленькому, встроенному в стену сейфу. Открыл и извлек оттуда запечатанный полиэтиленовый пакет. Осторожно принес его к столу. Маскелайн услышал шорох разрываемого полиэтилена и поднял голову.

Пирс держал в руках стеклянный пистолет, из которого можно было убивать репликантов.

– Мой пистолет. – Маскелайн быстро отложил дневник и уверенно отобрал оружие у трясущегося от страха коротышки. – Не бери его без надобности. Это очень опасная вещь.

Пирс состроил жуткую гримасу:

– А я и не хотел. У меня от него мурашки.

Он смотрел, как Маскелайн проверяет оружие. А тот выдвинул какую-то панель и установил туда маленький блестящий диск.

– Он еще работает?

– Да.

Пирс поежился:

– Это хорошо. Что-то мне подсказывает, скоро он нам понадобится.

Снаружи сквозь сырые стены донесся треск и грохот надвигающейся на аббатство земли.

Маскелайн осторожно положил пистолет на стол.

– Пирс, послушай меня. Судя по тому, что написала Сара, репликанты появились здесь ради Джейка. Янус наверняка снабдил их сведениями о том, что будет происходить. Если ты из будущего, раздавать пророчества очень легко.

Пирс подошел еще ближе:

– Какие пророчества?

– Первое: «Черный лис освободит тебя», сбылось. Потом: «Человек с глазами ворона». – Маскелайн нахмурился. – Я не могу сопоставить это с датами на зеркале. Понятия не имею, что это может быть. Но что означает – «Алая шкатулка»? В ней хранится что-то очень ценное. Это очевидно. Что-то, что хочет, но не может заполучить Янус. И он решил использовать для этого Сару. Следовательно, Сара тоже стремится завладеть этим предметом.

Пирс вытаращился на Маскелайна:

– Монета с Зевсом! Да, но Янус может дотянуться куда угодно и в какое угодно время. Если ему известно, где монета, почему он сам…

Маскелайн начал ходить из угла в угол. Длинная тень скользила по тускло освещенной лаборатории.

Он поднял руку:

– Перестань болтать. Думай. Монета, если соединить ее половины, способна уничтожить зеркало. Янус этого не хочет. Значит, ему нужно, чтобы эти половинки находились как можно дальше друг от друга. Как знать, может, левая хранится у него. А правая, та, которую Сара отдала Саммер, наверняка в шкатулке. Есть единственное место, единственное измерение, куда Янус не имеет доступа. И она должна оставаться в этом месте.

Маскелайн и Пирс смотрели друг на друга через зеленый лабиринт.

– Саммерленд, – мрачно констатировал Пирс.

– Саммерленд. – Маскелайн встал перед зеркалом. – Вот где вторая половина монеты. И там она в безопасности. Если Сара вынесет ее оттуда… Это как раз то, что нужно Янусу.

Они ненадолго замолчали.

Первым нарушил молчание Пирс:

– А как же вы? Вы ведь тоже этого не хотите.

– Нет, не хочу. – Маскелайн положил пистолет на стол, и они посмотрели друг другу в глаза.

– Надо известить Венна, – сказал он.

В комнату проскользнул Уортон. Он закрыл за собой дверь и радостно улыбнулся:

– Сара! Слава богу!

– Джордж? – изумилась Сара. – Как вы здесь оказались?

– Хороший вопрос! Венн пошел за тобой. И я тоже, потому что… волновался за тебя. – Уортон обернулся и посмотрел на белую гладкую стену у себя за спиной. – Что случилось с дверью? Где мы? Что, черт возьми, здесь происходит?

– Я бы не стала ему доверять, – тихо шепнула птичка в кармане у Сары. – Задай вопрос, на который, кроме него, никто не сможет ответить.

Сара села на мягкий диван:

– Похоже, мы застряли в заколдованном доме Саммер. Джордж, когда мы встретились в Британском музее, какие сэндвичи вы мне купили?

Уортон посмотрел на нее так, будто она сошла с ума:

– Господи, Сара, разве я сейчас вспомню? Да и какая разница…

– А вы попытайтесь.

Уортон сделал глубокий вдох и шумно выдохнул.

– С яйцами? Да, определенно с яйцами. С яйцами и огурцом.

Сара улыбнулась.

– Это что-то вроде пароля? – Уортон легкой походкой подошел к дивану. – Сара, нам надо выбираться отсюда. Мы должны найти Венна и Гидеона. А ты сама, вообще, зачем сюда пришла? Что ты здесь ищешь?

– Не говори.

Слова птички прозвучали чуть громче дыхания, но Уортон мгновенно склонил голову набок.

– Что это было? Ты ничего не слышала?

– Нет. Так, значит, вы хотите знать, зачем я здесь? Почему бы вам не спросить об этом Гидеона?

– Гидеона? – Уортон растерянно огляделся. – Я оставил его с Венном. Что…

– Твоя растерянность меня не удивляет. – Сара встала и, мягко ступая по толстому ковру, прошла вдоль ряда великолепных скульптур. – Ты не можешь понять, как я сумела зайти так далеко в королевство Ши. Для тебя это важно. Это тебя беспокоит. Это изводит тебя. Ты – не Уортон. Ты – Саммер.

Джордж Уортон хихикнул.

И тут же начал перевоплощаться прямо на глазах у Сары.

Руки «Джорджа» стали длинными и белыми, ботинки превратились в босые ступни, плащ – в платье из изумрудно-

фиолетовых перьев с кружевными вставками. На секунду он оказался наполовину мужчиной, наполовину женщиной. Это был уже не человек, но еще не Ши. А потом существо превратилось в Саммер. Королева Ши разлеглась на диване и довольно захихикала:

– Сара, ну и лицо у тебя! Я-то думала, что у меня все получится! Это было так весело! Расскажи, где я ошиблась?

Сара, кроме раздражения, ничего не чувствовала.

– Если тебе интересно, это был «огрурец».

– Неужели?! Еда смертных такая странная. Действительно не понимаю, почему она вас так волнует. – Саммер вытянула босые ноги. – Итак, Сара, как тебе мой дом?

– Он очень красивый.

– Иногда – да, а иногда он ничем не лучше сырой темной лачуги с паутиной по углам. Время от времени это пещера на дне океана. Или дворец на зеленом острове. Он может быть любым, стоит мне только захотеть.

Сара сжимала спрятанную в кармане шкатулку.

– Наверное, это скучно. Всегда меняться и всегда оставаться такой же, – сказала она и на секунду испугалась, потому что увидела, как в глазах Саммер вспыхнула злобная искра.

– Мне никогда не бывает скучно! Итак. У тебя есть то, что принадлежит мне. Я хочу, чтобы ты это вернула.

Саммер протянула руку.

Внешне Сара оставалась спокойной. Но внутри она была напряжена до предела. У нее в мозгу мелькали самые разные варианты следующего хода. Это было как в тот день, когда они прорвались за заграждения из колючей проволоки, прошли через электрифицированные коридоры в лабораторию Януса и шагнули в зеркало. Тогда они совсем не волновались о том, что их могут схватить. Абсолютное бесстрашие, вот что ее воодушевляло. Сара достала из кармана шкатулку и протянула ее Саммер:

– Я пришла за этим. Сокровища, о которых рассказывал Джейк. Я пришла за ними, потому что считала, они помогут победить Януса. Но не смогла до них дотянуться.

Саммер приподняла одну идеально изогнутую бровь, схватила шкатулку и открыла. Из шкатулки появилась птичка. Она поправила зеленое перо и выдала звонкую мелодичную трель.

Саммер рассмеялась:

– Ты! Я совсем о тебе забыла!

Она протянула птице белый палец, и та запрыгнула на него, как на насест. Маленькое существо из деревяшек, перьев и бечевок.

Королева Ши заглянула в бездну, где хранились ее сокровища:

– Все ли на месте? Все мои любимые безделицы? Ничего не пропало?

Птичка искоса посмотрела на Сару. Та задержала дыхание.

– Золото и самоцветы. Алмазы и капельки росы. Рубины и малиновки. Пирит и луна. Все на месте, ничто не пропало.

Саммер так долго смотрела в глубины шкатулки, словно могла видеть все, что там хранилось. В этот момент мужество едва не изменило Саре. Ведь владычица Ши была практически всесильной. Птичка подмигнула ей, и девушка смогла удержать надежду, которая тлела в ее душе.

– Моя шкатулка не поможет тебе в борьбе с Янусом. А всякий, кто нарушил границы моего дома, должен понести наказание. – Саммер подняла голову и указала длинным тонким пальцем на стену. – Как ты можешь видеть.

И Сара увидела Уортона.

Он застыл в стеклянном кубе, который выступал из стены под странным углом. Лицо несчастного исказила паника.

– Что ты с ним сделала!

Сара подбежала и потянулась к Уортону, но ее руки заскользили по гладкому холодному стеклу.

– Я его остановила. – Саммер подошла к Саре и критически посмотрела на свое творение. – Какими же уродливыми бывают эти смертные. Как неуклюжие животные. Сморщенные и тяжеловесные, они не могут оторваться от своего мира. Венн, конечно же, не такой. Он холеный, как белый леопард. Свирепый и прекрасный.

– Отпусти его, – низким, похожим на рык голосом произнесла Сара. Лицо Уортона с открытым от ужаса ртом раздражало ее, она не могла видеть его в таком унизительном положении. – Это меня тебе следует наказать.

Саммер улыбнулась:

– Что ж, тут я с тобой согласна.

Она ничего не сделала, но стены стеклянного куба вдруг превратились в четырех Ши с серебряными волосами. Ши, облаченные в мантии из белого атласа, раскачали Уортона за руки и за ноги и бросили его к ногам Саммер. Он очнулся, стоя на карачках, мгновенно пришел в ярость и начал сыпать самыми отборными армейскими ругательствами.

А потом увидел Сару.

Его лицо отразило такое облегчение, что девушка не удержалась от улыбки. Но когда их взгляды встретились, ей стало понятно: Джордж знает, зачем она здесь. Ее радость поутихла, а в

груди разлилась резкая боль.

Как будто она должна чего-то стыдиться.

«Не предавай меня! – мысленно взмолилась она. – Не предавай».

23

Однажды, еще до того, как он познакомился со своей женой, я спросил Венна, что он ценит больше всего на свете.

Он ответил: «Свободу».

После Катра-Симбы и после того, как он женился, я снова задал ему этот вопрос.

Венн посмотрел куда-то вдаль и сказал: «Оставь меня в покое Джин. Теперь ты знаешь ответ».

Джин Ламартин. Странная жизнь Оберона Венна

– Не убивай его. Это мой сын.

Джейк почувствовал, как у кондотьера от неожиданности дрогнула рука. Он замер и постарался не дышать.

– Твой сын?

– Да, он прибыл из Англии, это правда.

– Я не верю демонам. Я видел, как исчезла девчонка. Через этот черный вход в ад.

Федерико Алтамана попятился от зеркала, увлекая за собой Джейка. Оно походило на черную наклонную плоскость. В комнате стояла невыносимая жара. У окна жужжали мухи.

– Послушайте, вы же меня знаете! – Дэвид шагнул вперед. – Я служил вам четыре года. Помог появиться на свет всем вашим детям. Перевязывал ваши раны после сражений и выходил после лихорадки. Я спас вам жизнь.

В ответ ни слова. И хватка ничуть не ослабла. Джейк усилием воли заставил себя не дергаться. Пот струился по лицу. Он даже глотать не решался.

– Если этого недостаточно, я могу предложить вам кое-что в обмен на моего сына, – продолжил Дэвид. – Нечто обладающее великой силой. И никто, кроме вас, никогда об этом не узнает.

Тишину разорвал пронзительный вопль. Где-то далеко в городе кричала от горя женщина. Ее крик звенел над раскаленными от жары улицами, над домами с закрытыми ставнями и запертыми дверями. Под безжалостным синим небом.

– Вы слышите? – тихо спросил Дэвид. – Синьор, это город кричит вам. Это кричит сама смерть.

Секунду ничего не происходило. Потом кондотьер повернулся к своим стражникам.

– Вы! Все вон! И никого не впускать, пока я не прикажу.

Стражники молча повиновались, хотя один все же оглянулся у порога и кровожадно посмотрел на Джейка. Звякнула щеколда.

– Говори! – Кондотьер приставил острие кинжала к шее Джейка. – И побыстрее.

– Позвольте нам с сыном уйти. Мы для вас не опасны. А взамен я дам вам это. – Дэвид достал из складок плаща стеклянный пузырек и поднял его над головой.

Желтый порошок засверкал в косых лучах солнца.

– Колдовское зелье.

– Никакого колдовства. Это – лекарство. Оно может излечить от чумы. В этом пузырьке достаточно, чтобы, если потребуется, спасти вас и вашу семью. Это лекарство единственное в своем роде. Такое не найти во всем мире.

Джейк видел в обсидиановом зеркале лицо кондотьера. Возможно, зеркало усиливало эмоции и выставляло их наружу, но кондотьер совершенно определенно сузил от жадности глаза.

Юноша попробовал немного от него отодвинуться, но острое как бритва лезвие сразу уперлось ему в шею.

– Почему я должен в это верить? – хриплым голосом спросил Федерико Алтамана.

– У вас нет выбора.

– Нет? Я могу бросить твоего сына в яму к больным. Могу заразить его чумой, а потом посмотрю, сможешь ли ты его излечить.

– Заберете его, я разобью о камни этот пузырек. Разбить? – Дэвид еще выше поднял пузырек. – Я хочу, чтобы вы меня выслушали. Синьор, я не демон, но я тот, кто сумел заглянуть в будущее этого мира. И я все знаю об этой чуме. Вы думаете, что сейчас самое плохое время. Но эпидемия еще даже не началась. Она зальет всю Европу, как черный дождь. Люди будут умирать в полях, за обеденным столом, падать замертво в торговых лавках и в церквях. Горы мертвых тел будут лежать на улицах, и даже крысы станут обходить их стороной. Двое из каждых трех умрут. Умирать будут все без разбору – короли, принцы, герцоги и простые крестьяне. Эпидемия выкосит ваших граждан. Ваша армия превратится в горстку плохо вооруженных солдат. Синьор, поверьте, грядет настоящее бедствие. И это правда.

Эхо под высоким сводчатым потолком несколько раз тихо повторило последние слова Дэвида.

Пот заливал Джейку глаза.

Алтамана не двигался. Юноша чувствовал исходящий от его

тела жар.

– И куда вы пойдете? – спросил кондотьер.

– В зеркало. Туда, откуда мы пришли.

– В Англию? Или в ад?

– Ад сейчас здесь. Ад – это видеть, как умирают твои дети. Но мы можем помочь друг другу. Я не предлагаю вам адские муки. Я предлагаю вам жизнь.

Пузырек поймал солнечный луч и засверкал, но теперь уже красным как кровь светом. От этого света обстановка в полумраке комнаты немного разрядилась.

Кондотьер принял решение и поволок Джейка вперед.

– Хорошо. Поставь пузырек на пол и отойди.

– Нет, сначала вы должны отпустить его, – спокойно возразил Дэвид.

Они смотрели друг другу в глаза. Юноша чувствовал себя в центре противостояния. Он не осмеливался даже пошевелиться. Кинжал кондотьера – словно тонкая грань между жизнью и внезапной смертью. Джейк смотрел на отца. Его вера была слепой и неистовой.

Получив ускорение от неожиданного и сильного толчка в спину, Джейк с раскинутыми в стороны руками врезался в отца. Алтамана тем временем быстро и плавно, как змея в броске, подхватил пузырек и сунул его в складки плаща, а потом, практически без паузы, замахнулся кинжалом.

– Демон! – зарычал он.

Дэвид растерялся и стоял как вкопанный. Кинжал засвистел в воздухе. Джейк с воплем оттолкнул отца в сторону и схватил Алтаману за руку.

Кондотьер отшвырнул его, как тряпку. Что-то горячее поползло по плечу. Отец подхватил его, они вместе попятились и завалились в разверстое черное зеркало. Последнее, что увидел Джейк перед тем, как упасть в темноту, – это кондотьер. На карачках, выпучив глаза, он смотрел в открывшийся портал.

Ребекку выбросило из черноты зеркала прямиком в спутанную темно-зеленую паутину. Она угодила в сеть, как муха, и закричала от ужаса.

Младенец заплакал.

Липкие зеленые ленты еще какое-то время продолжали раскачиваться.

Запыхавшаяся и ошарашенная, она выбралась из сети. У нее было такое чувство, будто ее разорвало на куски, а потом ее собрали заново, но в неправильном порядке.

– Маскелайн? Пирс?

В лаборатории никого не оказалось. Здесь было непривычно темно. На мониторах мигали маленькие лампочки. Дыхание Ребекки вырывалось паром.

– Где вы?

Холодная тишина лишала присутствия духа. Ребекка встала, развернулась и ахнула.

Зеркало отражало ее перепачканное испуганное лицо.

И где Джейк? Почему он не пошел за ней?

Малыш снова заплакал. Ребекка откинула уголок одеяла и посмотрела на его страдальчески сморщенное личико.

– Тсс… тише.

Ребекка не помнила, чтобы в аббатстве было так тихо и так темно. И что-то еще не так. Запах. В лаборатории пахло сыростью и разложением.

Что-то скользило вниз и падало.

Ребекка в страхе оглянулась, сердце громко колотилось в груди.

Средневековая кирпичная кладка дальней стены, покрытая многими слоями штукатурки, выгибалась внутрь лаборатории. На глазах Ребекки треснул кирпич и упал на пол кусок штукатурки. Казалось, какая-то неудержимая сила давит снаружи на стену и склон холма надвигается на аббатство.

Ребекка попятилась.

Где-то в глубине дома раздался страшный грохот.

Как будто труба обвалилась.

Или на аббатство упала бомба.

Венн, изнемогая от тревоги, ходил туда-сюда по зеркальному залу.

– Что-то происходит. Чувствуешь? Что-то меняется.

Гидеон стоял, упираясь ладонями в одно из сотен одинаковых зеркал, и в упор смотрел в свои зеленые глаза. Он и правда это чувствовал. Слабая деформация пространства. Сокращение. Как вдох.

– Комната уменьшается, – сообщил он.

– Уменьшается?!

– Стены сдвигаются со всех сторон. – Теперь он это услышал – тихий треск. – Комната сжимается.

Венн, полный решимости, посмотрел на зеркала:

– Тогда мы пробьем себе путь.

Он потянул за резную раму, но позолоченное дерево рассыпалось у него в пальцах, как гнилая труха.

– Попробуй это!

Гидеон схватил стул и с размаху ударил им об пол. Стул

разлетелся на части. Они с Венном взяли по ножке и бросились атаковать стены. Комната к этому времени уменьшилась вдвое. Пол и потолок искривились под невероятными углами.

Венн саданул ножкой по ближайшему зеркалу. Его поверхность покрылась похожими на молнии трещинами. Это напомнило Гидеону расселины в леднике. Он отскочил, к его ногам упали огромные осколки.

Но это ни к чему не привело. За первым зеркалом появилось второе и продемонстрировало им их же отчаяние.

Венн в бешенстве набросился на него, но за ним выросло следующее.

Гидеон потянул его от стены.

– Бесполезно. Подумайте! У вас должна быть сила против этого. Венны – наполовину Ши. Все так говорят. Призовите силу! Используйте ее!

Венн посмотрел на Гидеона, и у того от его взгляда все внутри похолодело.

– Нет.

– Но…

– Если я… если я начну, то чем закончится? – Венн оглядел сжимающуюся комнату. – Она этого и добивается. Хочет, чтобы я отказался быть человеком и вошел в ее мир. Это легкое решение. Слишком легкое. – Он глубоко вздохнул и продолжил: – Ты лучше других это знаешь. Ты слышал их музыку и пошел за ними.

Гидеон кивнул, но охватившая его паника все нарастала.

– Знаю. Но если вы этого не сделаете, мы тут умрем.

– Саммер никогда…

Гидеон глянул на Венна и тихо перебил:

– Саммер легко прихлопнет нас, как мух.

Венн молчал, словно принуждал себя посмотреть правде в глаза.

Гидеон с холодным сочувствием наблюдал за его внутренней борьбой.

– Вы должны. Все Ши об этом болтают. Ваша семья стоит перед выбором еще со времен Ошина Венна. Сила появится, только надо захотеть ею воспользоваться. Сделайте это, Венн. Уничтожьте Саммер с помощью силы, которой она же вас наделила. – Гидеон понимал, что его голос срывается от злобы. Он никогда не думал, что жажда мщения может быть настолько сильной.

Венн отшвырнул ножку стула и замер.

Юноша ждал затаив дыхание. Комната стала такой маленькой, что, расставив руки, он мог одновременно дотянуться до двух противоположных стен, как будто каждый фрагмент мира

уменьшался до размера точки. Как минута на фоне бесконечности.

Венн посмотрел наверх.

До стеклянного потолка было слишком высоко. Со стороны казалось, что он сконцентрировался и направил на потолок весь свой гнев.

Гидеон пытался унять панику. Стены давили на его ладони. На него надвигались его собственные отражения. Рука к руке, лицо к лицу. Сотни Гидеонов сгрудились в толпу, их душил его страх: он задохнется, уткнувшись в свое же лицо. Его руки беспомощно скребли по собственным отражениям.

Он попытался развернуться, но это уже было невозможно.

Венн задрожал. Он побледнел и истончился. Его пальцы чуть удлинились. Глаза стали голубыми, как у птицы.

Он потерял какую-то часть себя.

Венн сел на корточки:

– Забирайся. Живо!

Гидеон легко и грациозно вскочил ему на плечи.

Венн встал и скомандовал:

– Толкай. Толкай сильнее!

Юноша напрягся. Его ладони упирались в стекло, но оно было твердым и непроницаемым, как лед. На секунду Гидеон прочувствовал ужас замурованного человека, страх младенца в утробе и цыпленка в яйце.

– Толкай! – закричал Венн.

Стены сдавили их.

А потом Гидеон услышал звук, от которого у него чуть не выскочило сердце. Мир треснул и рассыпался на осколки.

Сверху хлынула вода. Хлынула в его кошмар, в его орущий рот, в уши.

– Вы как? – тихо спросила Сара.

– В порядке, – ответил Уортон.

Он еще не пришел в себя и первые секунды даже не понимал, где именно находится. Мужчина с любопытством оглядел роскошно обставленную комнату, потом посмотрел на Саммер, которая ответила ему очаровательной улыбкой.

Сара перехватила его взгляд:

– Все хорошо. Будьте осторожны. Прошу вас.

Она не осмелилась добавить к сказанному что-нибудь еще. Девушка кожей чувствовала спрятанную под одеждой маленькую золотую половинку. Теперь главная цель – вынести ее, то есть выбраться отсюда… вместе с Уортоном.

– А где же Венн? – удивился учитель. – И Гидеон?

– О, полагаю, будет справедливо, если у них возникнут кое-какие трудности. Вы согласны? – Саммер с томным видом вытянула маленькую ступню, потом лукаво посмотрела на Сару. – Гидеон должен был принести мне один из этих чудесных волшебных браслетов и не принес. Он подвел меня. Причем уже не в первый раз. Я очень разочарована. – Саммер села. – И, Сара, мне еще кое-что не нравится. – Она встала с дивана, прошла легкой походкой к столу и взяла шкатулку.

Уортон внимательно наблюдал за происходящим.

– Я не верю, что ты пришла за ней. Думаю, тебя интересует нечто иное. – Саммер обиженно надула губы. – Мне хотелось бы узнать, что же это? Некая вещь, обладающая такой силой, что ты осмелилась прийти за ней в мой дом.

Сара даже пошевелиться боялась. Она чувствовала, что Уортон подобрался чуть ближе.

Саммер открыла шкатулку:

– Эй! Иди сюда.

Птица выскочила из шкатулки и звонко зачирикала.

– Прекрати. – Саммер протянула палец. – Послушай, я знаю, что она кое-что взяла. Что? Говори, или я тебя прямо сейчас превращу в таракана и ты тысячу лет будешь ползать в навозе.

Птица умолкла. Посмотрела на Сару, глаза-бусинки на секунду вспыхнули, и Сара поняла, что на этот раз птица ее предаст.

– А что я получу взамен?

– Свободу. Ты полетишь в зеленый лес.

– И стану такой же, как прежде?

Саммер повела плечом:

– Может быть. А может, я позволю тебе стать настоящей птицей.

– Скворцом? И я снова буду летать со стаей?

– Почему бы нет?

Деревянная птица на секунду задумалась, а потом объявила:

– Половина золотой монеты. На цепочке. Висит у нее на шее.

Сара схватилась за цепочку и отскочила. Уортон занял позицию между ней и Саммер.

– А, эта безделушка! Значит, монета действительно обладает силой. Я подозревала нечто такое, когда выбрала ее в качестве вознаграждения. Но как видно, сила ее гораздо мощнее, чем я предполагала.

Саммер направилась к Саре, Джордж хотел остановить ее, но обнаружил, что не в состоянии это сделать. Он даже руки не мог поднять. Хотел закричать от злости и бессилия, но вместо крика беззвучно ловил ртом воздух.

Королева Ши встала перед Уортоном на цыпочки и заглянула ему в глаза.

– Прости, Джордж, – шепнула она. – Обещаю, это долго не продлится. – Потом подошла к девушке и тихо сказала: – Подарок никогда не возвращается.

После этого быстро сняла цепочку с ее шеи. Прикосновение было холодным и легким, как у паука.

Сара не могла не только пошевелиться, она не смогла даже воспользоваться своим даром невидимости. Сверкающая половинка монеты, единственное оружие против зеркала, раскачивалась у нее перед глазами, как игрушка, которой дразнят ребенка.

Ее захлестнула бешеная злоба, она мысленно заорала, вопль нарастал и под конец вырвался наружу, превратившись в резкий звук, от которого у нее заложило уши. Саммер искренне удивилась и отступила на шаг. Этой секундной заминкой успела воспользоваться маленькая птичка. Она выхватила половину монеты из пальцев Саммер и полетела под потолок, к шторам и дальше – через открытое окно в ночь к мотылькам.

Сара опустилась на пол. Уортон ловил ртом воздух.

Саммер пронзительно закричала и в одно мгновение превратилась в черного сокола с желтыми глазами. Она взлетела, и в то же мгновение исчезла комната. Диван превратился в ствол поваленного дерева, толстый ковер – в кучу опавших листьев, потолок – в кроны деревьев в Лесу.

И над всем этим в звездном небе крохотная птичка поднималась все выше и выше в черную бесконечность космоса.

24

Идите за нами! Присоединяйтесь к нам все мужчины и женщины, в чьих сердцах еще жива отвага. Зачем нужна жизнь, если в ней нет свободы?

Тайная передача данных «Зевса»

Маскелайн подгонял Пирса по коридорам Уинтеркомба.

Снаружи доносился жуткий грохот, как будто на аббатство шли маршем все деревья Леса.

У парадной двери Пирс начал упираться:

– Почему? Почему я? Я не могу…

– Ты сможешь. Ты должен. – Маскелайн схватил маленького человечка за плечи, развернул и стянул с него белый лабораторный халат. – Пирс, теперь мы все зависим только от тебя.

Пирс рассмеялся, его смех походил на нервное кудахтанье. Алый жилет потемнел и превратился в коричневый, ткань костюма сменилась на тускло-коричневый твид.

– Надо слиться с окружающей средой. Маскировка. – Пирс схватил с вешалки пальто и быстро надел.

– А теперь послушай меня. – Маскелайн уже взялся обеими руками за дверной засов. – Найди Венна. Расскажи ему о том, что задумала Сара. Ты должен защитить монету. Если Саммер наложит на нее свои когти… – Маскелайн тряхнул головой, и шрам у него на щеке побагровел. – Пирс, ты больше не слуга. Ты герой! Ты – воин, который в одиночку противостоит силам тьмы. Если ты это сделаешь, Венн никогда не сможет отблагодарить тебя в полной мере.

– Вы так думаете? – Коротышка выпятил грудь. – Что ж… хорошо.

– Готов?

– Нет… Послушайте, я не…

Маскелайн отодвинул засов. Дверь распахнулась, и в холл вместе со шквалистым ветром ворвались горизонтальные струи дождя.

Все возражения Пирса унесло прочь. Он сделал глубокий вдох, запахнул плотнее пальто и исчез, словно превратился в маленький коричневый лист, который забрал с собой ветер.

Маскелайн тут же закрыл дверь и задвинул все засовы, потом прислонился к ней спиной и постоял так какое-то время, словно тень. Он смотрел на сырые разводы на потолке и лужи воды на полу, на лестницу, которая вела в пустые коридоры, и на мансарды аббатства.

А после позволил себе слабо улыбнуться.

Потому что наконец-то остался один. Наедине с зеркалом.

Несмотря на отсутствие освещения, он быстро прошел по Большой галерее и вышел на Тропу монахов. Внизу под древними арками пенилась и ревела река, воздух напитался влагой, по стенам стекали струйки воды.

Зеркало призывало его. Маскелайн слышал голос, этот странный монотонный вой, который постоянно звучал где-то в глубинах сознания. Частота звука менялась. Зеркало изводило его своей тревогой. Оно словно потеряло свой язык и теперь жаждало только одного – вновь его обрести.

– Не волнуйся, – прошептал Маскелайн. – Потерпи. Я уже иду.

В лаборатории царила тишина. Мужчина прислушался, потом подошел к сети из малахитовых лент.

Зеркало ждало его. Маскелайн знал слова, выкованные на его серебряной раме, понимал их смысл. Он протянул руку, чтобы прикоснуться к ним. Его пальцы гладили древние заклинания, он был там, когда их выковывали много веков назад.

– Я вернулся. Я здесь. Теперь только мы вдвоем. Забудь о других, забудь о Венне. Их больше нет. Есть лишь мы. – Он потянулся к новым регуляторам. – Им теперь незачем возвращаться.

Маскелайн взялся за переключатель.

И тут у него за спиной раздался звук, который заставил его замереть на месте. Звук, похожий на мяуканье и урчание.

Послание, идущее прямо из разума, минуя речь и язык.

Мужчина в ужасе обернулся.

– Так, значит, я не существую? – горько спросил девичий голос. – Или я тоже забыта?

Она вышла из тени. Закутанная в грязный плащ. Маскелайн чуть не задохнулся, потому что ему на секунду показалось, что она вернулась из настолько далекого прошлого, что он уже не должен был ничего о нем помнить.

– Ребекка? Когда ты…

Маскелайн умолк, увидев младенца у нее на руках. Он подошел ближе и посмотрел на круглое заплаканное личико, на крепко сжатые кулачки.

– Что там произошло?

– Не то, что ты думаешь, – с презрением в голосе отрезала Ребекка. – Это сын Дэвида. Его мать умерла от чумы…

Маскелайн облизал пересохшие губы:

– Послушай, Ребекка…

– Что ты собирался сделать? – Она подошла ближе и склонила голову набок. – Решил оставить их там? Венна, Джейка, Дэвида? Хотел закрыть для них зеркало? Ты ведь знаешь, как это сделать, да? – Маскелайн не отвечал, но Ребекке это было и не нужно. – Я не позволю тебе это сделать. Очевидно, я понятия не имею о том, какой ты и кто ты на самом деле.

В этот раз я приготовилась немного лучше, чем в прошлый. Когда зеркало открылось, я придержала свои юбки и смело посмотрела в черную воронку. Как вам это описать? Словно на секунду заглянула в самые далекие глубины космоса, в жуткую пустоту, за самой отдаленной галактикой, где догорела последняя звезда.

А когда все кончилось, в моей комнате стало тесно от гостей.

Передо мной застыл высокий худой юноша в темном костюме. Я сразу заметила кровоточащую рану у него на плече. Он повалился на коврик у камина. К нему, сбросив странную маску в форме птичьего клюва, кинулся… Наконец-то! Это был Дэвид.

– Джейк! – воскликнул он и поднял голову. – Венн! Нужно…

Он умолк и огляделся вокруг. Увидел Януса, который спокойно стоял в клетке моего отца.

– Что…

Дэвид оперативно оценил обстановку.

– Боюсь, вы слегка отклонились от маршрута, – с издевкой сказал Янус и улыбнулся.

Я налила в бокал немного вина из графина и поднесла его к губам мальчика. Но он выхватил бокал и выпил все одним глотком. А когда пришел в себя, с изумлением посмотрел на меня:

– Алисия?

Дэвид медленно встал на ноги.

– Да, мой дорогой. – Я решила взять ситуацию под свой контроль. – Как же чудесно, что вы все-таки смогли это сделать! А ты, должно быть, Джейк. И я вижу, что ты серьезно ранен. Дитя мое, сядь сюда, пожалуйста.

Оба явно были потрясены.

– Почему мы здесь? – спросил Дэвид.

– Не знаю, – тихо ответил Джейк.

И все это время они не отрываясь смотрели на Януса.

– Вам не стоит беспокоиться по поводу этого злодея из будущего. – Я заботливо усадила Джейка на стул. – Мы с отцом

отлично подготовились. Как видите, он в клетке, из которой ему никогда не выйти.

Они посмотрели на меня, как на маленькую девочку.

Джейк, довольно красивый молодой человек, сказал:

– Вы действительно не понимаете? Это репликант. Он способен проходить через что угодно.

– Ерунда. Такое только призраки умеют. – Я расправила плечи и посмотрела на Януса. – Вы можете?

Он улыбнулся:

– Моя дорогая леди, я бы никогда не совершил подобную бестактность.

И в тот момент я осознала, какое зло сидит в этом существе, словно в моей бедной комнате на секунду явило себя нечто темное и бесчеловечное.

Я резко развернулась и обратилась к Дэвиду:

– Ему нужен браслет. Бегите! Скорее!

Но Янус опередил всех. Он протянул руку и оттолкнул меня в сторону, да так сильно, что я споткнулась о скамейку для ног и довольно неуклюже упала на ковер.

Джейк вскочил со стула:

– Бежим!

Он схватил отца за руку и потянул к зеркалу.

Раздался громкий взрыв. Я поморщилась.

Но ничего не случилось!

Янус, как мне показалось, был удивлен не меньше нашего. А потом он рассмеялся так, как будто его это все забавляло:

– Да уж, вот это сюрприз. Похоже, вас предали.

– Кто предал? – спросил Дэвид, суетливо поправляя серебряный браслет на запястье.

– Венн. Или человек со шрамом. – Тут Янус нахмурился, как будто вспомнил что-то очень для него неприятное.

Я подобрала юбки и встала. Да, меня немного трясло, но вот Дэвид не на шутку встревожился.

Зеркало по-прежнему оставалось черным и непроницаемым.

– Ты никогда не получишь браслет, – зло заявил Джейк. – Мы скорее его в огонь выбросим.

– И тогда сделаете именно то, что я хочу. – Тиран мерзко ухмыльнулся.

Я заметила, что он очень быстро выходит из себя.

В комнате повисла тишина. Никто не двигался. И в этот момент я поняла, что уличное движение тоже как будто замерло. Откуда-то издалека доносились крики людей, кто-то пробежал по тротуару у меня под окнами.

Джейк уставился в одну точку. В его глазах можно было

прочитать крайнюю тревогу.

Я проследила за его взглядом. Оказалось, что он смотрит на календарь. Бесплатное приложение к «Дейли миррор» с милыми котятками и щеночками. Календарь был открыт на 14 января 1941 года.

– О господи! – выдохнул Джейк и посмотрел на меня так, будто только что заметил мои седые волосы и, увы, мой преклонный возраст.

Он повернулся к отцу:

– Это сегодня!

– Что?

– Налет… бомбежка! В этот день я оказался в этом месте. В этот день она умерла. Это сегодня. Прямо сейчас!

Будто в ответ на его слова, где-то в глубине города начал нарастать звук, который напугал их с Дэвидом и к которому я уже почти привыкла. Вой сирен, предупреждение о бомбежке.

Далеко в Ист-Энде уже взрывались бомбы, так под глухой стук дождя по крышам расцветают алые смертоносные цветы.

– Не делай этого. – Ребекка подошла к Маскелайну. – Ты нужен им. Венну, Джейку, Саре. Ты заключил с ними договор.

– Эта девчонка уничтожит зеркало! Я не могу допустить. Без них…

– Ты не можешь оставить Джейка умирать в каком-то зараженном чумой прошлом. Я тебе не позволю.

Маскелайн, как тень, стоял между Ребеккой и обсидиановым зеркалом. И как всегда, в нем не отражался. Как будто его и вовсе не существовало, словно он был порождением снов Ребекки и, кроме нее, никто не мог его видеть. Иногда девушке казалось, что она его придумала, но сейчас осознала: этот человек – тайна, недоступная ее пониманию.

Мужчина вымученно улыбнулся:

– Бекка, не злись на меня.

– А ты не вынуждай. Ты можешь выступить на их стороне или можешь подождать. Первым делом надо спасти зеркало. Спасти от Саммер. От Януса. – Ребекка сделала еще один шаг вперед, теперь их уже почти ничего не разделяло. – Кто, кроме тебя, способен спасти его от Януса? Я не знаю, кто ты, но знаю, что ты намного сильнее любого из нас, вероятно, даже сильнее самой Саммер. И я тебе доверяю.

У них за спиной кто-то заурчал и забулькал. Ребекка обернулась и увидела, что мартышка Горацио и малыш Лоренцо нос к носу с интересом и взаимной симпатией разглядывают друг друга.

Когда она снова посмотрела на Маскелайна, глаза его были темными, как зеркало.

– Мне кажется, Бекка, я только из-за тебя все еще остаюсь человеком, – пробормотал он.

Сара с Уортоном шли через Лес, продираясь сквозь колючие кустарники.

– Ты ее видишь? – спросила девушка.

Уортон ничего не видел. Птичка затерялась где-то над повисшим над верхушками деревьев низким облаком. Да еще Ши вместе с дождем пикировали и рассаживались на узловатых, покрытых лишайником ветках.

– Осторожней! – крикнула Сара.

И как раз вовремя. Лес резко обрывался в ущелье, на дне которого река, с ревом перекатываясь через камни, устремлялась к видневшемуся сквозь просветы между деревьями аббатству.

Уортон заскользил вниз, но успел затормозить. В ущелье посыпались мелкие камни.

Из пропитанной влагой земли торчали древние надгробия, покосившиеся кресты и поникшие ангелы со сложенными за спиной крыльями.

– Где мы? – немного придя в себя, спросил Джордж.

– Грин-Чэпл. Древняя часть аббатства.

Сара с тоской глянула в небо. Птичка улетела, но Саммер, конечно же, ее найдет, а когда найдет, растерзает в клочья.

И заберет монету.

Саре хотелось выть от бессилия, но вместо этого она сказала ледяным тоном:

– Думаю, теперь ты доволен.

Уортон, пятясь, отошел от края обрыва:

– Конечно нет. Чему радоваться, если Саммер знает о том, что можно сделать с помощью монеты. Это ж какое оружие против Венна!

Они смотрели друг другу в глаза, а тем временем на деревья вокруг них рассаживались стаи Ши. И с каждым опустившимся на ветку скворцом деревья сгибались все больше. Птицы били крыльями, сверкали глазами, а иные даже дрались.

– Теперь и ты об этом узнала. Кто тебе рассказал? Этот подменыш?

– Ты, Джордж. Я… я подслушала ваш с Джейком разговор.

Уортон скривился:

– Ну, отлично.

Земля под ногами скользила. Сара отвела взгляд, чтобы Джордж не увидел, что ей стыдно, хотя это и было странно, но

тут же вскинулась:

– Весь склон движется!

Кладбище затрясло. Оно ползло в сторону аббатства, как будто собиралось сбросить отяжелевшие деревья на дом, а надгробия и кости из могил – в бурлящую реку.

Сара вскрикнула. Из воды на мгновение показались фалды зеленого сюртука. Гидеона бросало на валуны, затягивало под коряги, он то уходил под воду, то снова появлялся на поверхности.

– Надо его вытащить! – закричала Сара.

По склону ущелья спускалась узкая, залитая дождем тропинка. Девушка без колебаний спрыгнула на нее и заскользила вниз, цепляясь за колючие ветки и не обращая внимания на ссадины и порезы.

– Сара! Подожди!

Уортон начал спускаться к реке, проклиная свою неуклюжесть и одышку. Он потерял равновесие, споткнулся, но успел бросить взгляд вверх по реке.

И увидел Венна.

Тот уверенно плыл по течению, его светлые волосы пригладила вода. Сара спустилась на берег, и, пока бежала вдоль реки, перепрыгивая через паводковые наносы, Венн нырнул в коричневую воду за Гидеоном.

Секунду на поверхности крутилась лишь одна бурлящая белая пена.

Уортон тяжело приземлился на берег рядом с Сарой.

– Где они?

– Не знаю. Не вижу… Вон там!

На поверхности реки появился Венн и вместе с ним Гидеон. Они в обнимку врезались в поваленное в реку дерево и зацепились за уходящие под воду ветки. Сара в два прыжка была на месте. Она схватила Гидеона и потащила на берег, где он сразу встал на карачки и начал отплевываться.

Сара вернулась к Венну. Ее рука сжимала его руку, его голубые, как лед, глаза смотрели в ее такие же голубые, как лед. Но Оберон был слишком тяжелым, течение тащило его за собой, она не могла его удержать.

Тут рядом возник Уортон. Он оттолкнул Сару и вступил в воду, крепкий и надежный, как валун. Венн ухватился за учителя, и тот вытащил его из стремнины, гладкого, как мокрая выдра. Сара, едва только поняла, что Оберон в безопасности, без сил опустилась на берег.

Рядом с ней послышался чей-то тихий и безрадостный смех.

Гидеон откинул длинные волосы.

– Что смешного? – спросила Сара.

– Он действительно думал, что Ши дадут мне умереть? Да никогда.

– Может, Саммер на секунду забыла о твоем существовании? Может, у нее есть вещи поважнее тебя?

Сара, наблюдая за Уортоном с Венном, пока те выбирались на берег, успела осознать свое поражение. Ей казалось, что у нее не осталось ни сил, ни надежды.

Гидеон внимательно посмотрел на Сару:

– Что-то не так?

– Монету я не получила. Саммер о ней узнала. Все кончено.

Спокойная интонация, с которой она произнесла эти слова, настолько не вязались со степенью ее отчаяния, что даже Гидеон испугался.

– Но у тебя хотя бы остались твои сны, – пробормотал он.

Сара не успела ответить – Венн уже стоял рядом. С него стекала вода. Сара сразу заметила, что в нем что-то изменилось. Кожа его стала бледнее, а волосы приобрели новый серебристый оттенок.

Венн выпрямился на берегу во весь рост и заорал так, что от его вопля содрогнулся весь Лес:

– Прочь! Все прочь! Прочь от моего дома!

Скворцы закричали и поднялись над Лесом. Их были тысячи и тысячи. Черные стаи заслонили небо. Девушка почти физически ощутила, какое облегчение испытали деревья, избавившись от этого груза.

Янус следил за тем, как с потолка падает штукатурка. Потом, с явным удовольствием наблюдая за моим ужасом, прошел сквозь прутья клетки!

Встал лицом к лицу с Дэвидом и спокойно заявил:

– Отдай мне браслет. Теперь только я один могу вас спасти.

– Отец! Нет! – закричал Джейк изо всех сил, хотя я видела, что после ножевого ранения этих самых сил у него осталось не так много.

Дэвид смотрел на Януса свысока, но было ясно, что он готов сдаться.

– Сын, у нас нет выбора, – пробормотал он и расстегнул застежку браслета.

Но в следующую секунду зеркало вдруг принялось пульсировать. В комнате появился незнакомец со шрамом на щеке. У него на запястье тоже блестел браслет, а еще он сжимал пистолет. Это самое странное оружие из всех, что мне доводилось видеть: оно было стеклянным! Незнакомец нацелил его на Януса.

– Нет, выбор у вас есть, – негромко сказал он.

На улицу упали бомбы. И я уже знала, что одна из них меня убьет.

25

И с того дня в роду Веннов в каждой семье старший сын должен был делать свой выбор. Кто-то умирал при странных обстоятельствах, кто-то бежал в чужие земли, кто-то добровольно уходил на войну и погибал на передовой. Как будто все они страшились того, что ожидало их в Уинтеркомбском лесу.

Но когда-нибудь наступит день и Венн вернется в этот Лес навсегда.

И там его будет ждать королева Леса.

Уинтеркомбские хроники

Пирс столкнулся с ними, когда они уже были на пути домой. Впереди шагал Венн, за ним – Гидеон, а следом брели Сара с Джорджем.

– Ваше сиятельство! – Запыхавшийся коротышка согнулся пополам и уперся руками в колени. – Как же я рад, что нашел вас… Послание… Сара… Она пошла за монетой… все знает.

– Что за послание? От кого? – требовательно спросил Венн. – Пирс, какого черта? На кого ты оставил зеркало?

– Кошки за ним присматривают. И Маскелайн.

– Ты с ума сошел!

Пирс занервничал. Венн круто развернулся и посмотрел на Сару.

– Ты обещала помочь, – тихо напомнил он. – А вместо этого все бросила и отправилась за той единственной вещью, которая меня уничтожит. Сара, могу ли я после этого доверять тебе? Если член моей семьи предает меня, кому еще мне остается верить?

Девушка молчала. Ей хотелось облегчить его боль, но она не могла найти нужные слова.

– И где же сейчас эта половина монеты? – бесцветным голосом спросил Венн. – Ты ее вернула? Ты позволила Саммер узнать то единственное, что она никогда не должна была узнать?

На Сару вдруг навалилась страшная усталость, и ей стало все равно, что Венн о ней думает.

– Я пыталась вернуть ее, но у меня не получилось. Саммер

прятала ее в алой шкатулке. Там, как я поняла, она хранит всю вселенную. И хоть я и не выдала ей, что можно сделать с помощью этой монеты, думаю, она уже сама догадывается.

Венн усмехнулся и посмотрел прямо перед собой, как будто мог видеть сквозь деревья:

– Мой самый заклятый враг завладел половиной того, что может уничтожить труд всей моей жизни. И именно ты дала ей это.

Уортон, чтобы как-то приободрить Сару, сжал ее руку своей теплой рукой.

– Послушайте, – сказал он, – может, нам лучше вернуться в аббатство? Если Маскелайн заберет зеркало…

Учитель не успел закончить предложение, а Венн уже мчался к дому. Все бросились за ним. Они бежали через подлесок, потом по размякшим от дождя тропинкам, перепрыгивали через поваленные деревья.

Венн первым выскочил на заросшую высокой травой лужайку и замер.

Скала за домом пришла в движение. Лесистый склон с кладбищем изменил угол наклона, и древняя церковь на краю обрыва приобрела другие очертания.

Венна потрясла эта картина.

– Оползень, – прошептал он.

Гидеон глянул на Сару и вопросительно приподнял бровь.

– Как на Катра-Симба? – спросила она.

Венн посмотрел на нее ледяным взглядом:

– Что тебе об этом известно?

– Ничего. Кроме того, что ты выжил, а все остальные – нет.

Венн кивнул:

– О Сара, как я их оплакивал! Глубоко под снегом, похороненный в этой жуткой белизне, я руками прокладывал себе путь на поверхность. Я звал их, но гора была неумолима. Она выплюнула меня и приказала убираться. Я ничего не мог сделать. – Он отвел взгляд и добавил: – Дождь перестал.

Сара кивнула. Вдалеке, высоко над свинцовыми облаками небо стало чуть светлее.

По пути через клуатр у девушки появилось такое ощущение, будто что-то вокруг их и внутри его начало рассеиваться, рассасываться, растворяться. И это ее пугало.

На Тропе монахов у входа в лабораторию сидели все семь кошек.

– Что такое?

Встревоженный Пирс пробежал мимо кошек, открыл дверь и ввалился в лабораторию.

Ребекка повернулась от зеркала:

– Слава богу!

Венн грубо оттолкнул ее:

– Черт, что он с ним сделал?

Зеркало перестало быть черным, оно стало прозрачным, и, глядя в него, они видели Джейка.

И Дэвида.

И Януса.

Янус смотрел на пистолет через синие стекла очков. Затем перевел взгляд на Маскелайна.

– Я начинаю подозревать, что ты создал это оружие специально, чтобы раз за разом убивать меня. Ведь я, естественно, всего лишь репликант. Я – копия.

Маскелайн кивнул:

– Пока – да. Но придет день, когда я найду дорогу к тебе. Ты забрал мое зеркало и стал использовать его во зло.

– Не я, а мы. – Синие стекла очков Януса поймали солнечный зайчик. – Я был Блейзом, а ты моим Мерлином[8]. Я всего лишь ученик, который превзошел своего учителя.

Рука Маскелайна не дрогнула.

– Стреляйте же! – закричал Джейк.

– В этом нет нужды. – Человек со шрамом махнул пистолетом в сторону зеркала. – Уходи. Оставь нас в покое. Тебе здесь нечего делать.

Янус пожал плечами и презрительно скривил лицо. Потом поклонился Алисии, она стояла с прямой спиной и всем своим видом демонстрировала ему крайнюю неприязнь.

– Вы намерены дать этому человеку уйти? – строго спросила она Маскелайна.

– Он – ничто. – Маскелайн отступил в сторону. – Оригинал находится далеко в будущем. Сара подтвердит.

Янус посмотрел на Дэвида:

– Венну не победить. Ни один смертный не в силах одолеть время. Оно его уничтожит.

После этого повернулся к зеркалу, и в этот момент Джейк увидел, что оно стало прозрачным, как окно, а за этим окном стоят они все: Пирс, Сара, Уортон, Венн и Ребекка. И Ребекка с тревогой, не отрываясь смотрит на Маскелайна темными глазами.

Венн подошел ближе к серебряной раме:

– Нет, этого не будет.

– О, ты думаешь, что ты такой особенный! – воскликнул Янус, но потом кивнул: – Возможно, так и есть. Возможно, ты способен от него увильнуть. Но у всего есть своя цена. Наступит день,

когда тебе действительно придется сделать выбор. Быть человеком или чем-то другим. Костью или кустом. Плотью или пером. Любовью или свободой. – Янус улыбнулся и подошел близко к зеркалу: – Кто знает, может, ты забудешь свою возлюбленную. Возможно, ты уже начал ее забывать.

Венн сузил глаза, но не успел ничего сказать в ответ. Янус вошел в прозрачное зеркало. Для Джейка он как будто бы быстро уходил по длинному тоннелю из квадратных комнат и по пути уменьшался в размерах, пока окончательно не исчез. Для Сары, которая стояла сразу за Венном, Янус шел прямо на нее и с каждым шагом становился все больше и больше. Ей даже захотелось отойти в сторону, но он прошел сквозь нее, через лабораторию, заполнил собой потолок, превратился в серую тень, в паутину, в едва различимое пятно.

А за ним по пятам скользили три его тени. Три маленьких чумазых мальчика в заношенной школьной форме. По пути они улыбнулись Джейку, у последнего на пальце, как маятник, раскачивался йо-йо.

– Пока, Джейк.

– Удачи, Джейк.

– Увидимся, Джейк.

И они тоже исчезли.

Судя по лицу Джейка, он нервничал и был крайне недоволен, но у него часто бывало такое выражение. Венн смотрел не на него.

– Дэвид?

Сара увидела отца Джейка. Вид у него был измученный: глаза покраснели, лицо грязное и небритое.

– Да, это я. Я возвращаюсь к тебе. Только… – Он посмотрел на что-то, чего не могла увидеть Сара. – Может возникнуть небольшая задержка. Лоренцо в безопасности?

– Кто? – не понял Венн.

– Да, – сказала у него за спиной Ребекка. – Он со мной, мы в безопасности.

– О чем ты? Что еще за задержка? – Венн крепче вцепился в раму. – Дэвид?

Где-то далеко раздался взрыв, и зеркало пошло рябью.

– Что это? Дэвид! Что там происходит?

Джейк вскинул голову и напрягся:

– Мы под…

Взрыв. Мощная горячая волна прошла через всю лабораторию. Полетела на пол и разбилась вдребезги стеклянная лабораторная посуда. Зеркало почернело. Венна отбросило назад.

Уортон попятился в сторону Пирса. Все кошки прижались к полу. Закричал малыш. Сара отлетела к скамье, но все еще не могла оторвать взгляд от зеркала.

Пирс выбрался из-под обломков верстака и спросил:

– Что это было?

Уортон посмотрел на Венна и прошептал:

– Похоже на взрыв бомбы.

Потолок частично обвалился. На пол посыпалась штукатурка. Осколки оконного стекла влетели внутрь, один порезал Джейку щеку.

Маскелайн что-то пробормотал, нагнулся и взял Джейка за плечи.

– Идем, Джейк. Надо уходить.

Джейк вывернулся:

– Нет! Отец! Послушай меня. Мы не можем оставить Алисию. Она здесь погибнет. – Он плохо соображал от усталости и боли и с трудом подыскивал подходящие слова. – Когда я пришел… Прибыл на несколько минут. Я с ней разговаривал. А потом… позже… ничего. Я думал, что она умерла. Но что, если… если она ушла с тобой.

Алисия сидела на полу возле дивана. Она посмотрела на Джейка. На секунду их взгляды встретились.

– Ты приглашаешь меня в путешествие? Во времени? О, это так чудесно! Просто непостижимо!

Дэвид взял ее за руку:

– Хорошо. Идите! Мы пойдем сразу за вами.

Маскелайн схватил Джейка, посмотрел на Дэвида и сказал:

– Но сначала послушайте, что я скажу. Мы нашли манускрипт Ди. То, что там написано, важно. Он пишет: «Только любовь победит время». Вы должны помнить это! И еще глаз змеи на браслете. Он открывается. Используйте то, что найдете внутри.

– Я понял. Уходите!

Алисия вдруг разволновалась:

– Погодите! Джейк, я должна передать тебе талон в камеру хранения. Куда же я его положила? Ах да, в чайницу.

Давление усилилось.

Джейку стало нечем дышать. Он чувствовал, как рассекает воздух падающая бомба. Как она падает через клубы дыма, пробивает черепицу, проламывает балки под крышей. Маскелайн превратился в черноту, которая затягивала его в себя. Браслет – в кровавую линию на запястье, пульсирующее зеркало – в его смерть. На него навалилось жуткое отчаяние и опустошение.

– Нет! Подождите! – закричал он. – Подождите!

Слишком поздно.

Он умер, он погрузился в темноту. В зеркало.

Оно открылось для него, Джейк переступил невидимый порог и упал в объятия Уортона.

– Отец! – завопил он.

Но Уортон крепко прижимал его к себе, обратного пути уже не было.

Спустя несколько часов Джейк услышал, как в его комнату на цыпочках вошла Сара.

Он лежал, повернувшись лицом к стене. Девушка села на край кровати.

Прошло много времени, прежде чем он спросил:

– Он не вернулся, да?

– Нет, – тихим голосом ответила Сара, – но…

– Они могли убежать.

Джейк не поворачивался, и Сара подумала: кого он хочет убедить, ее или себя?

– Когда я в первый раз разговаривал с Алисией, там, на развалинах, она была жива. Ее тело так и не нашли. – Джейк перевернулся на спину. – Они наверняка ушли в зеркало. Ведь такое может быть? Они могли уйти!

Сара еще никогда не видела его таким.

– У них были все шансы, – согласилась она.

– Но куда? Это из-за меня он с ней остался! Не надо было ему говорить. Мы могли уйти вместе.

– Ты все сделал правильно. Ты спас ей жизнь. А твой отец… он… он не из тех, кто бросает людей в беде. Ты знал это.

– Ты думаешь, он умер.

Сара сидела и тупо смотрела на потертый ковер на полу.

– Не знаю, – наконец призналась она. – Я больше не знаю, о чем думаю.

– Я нашел его. Всего на несколько минут… на час. Он был там со мной. А теперь снова исчез.

Ей было нечего сказать. Есть ли смысл говорить, что понимает всю тяжесть его потери? Ведь половина золотой монеты с головой Зевса была у нее в руках. Несколько минут. А теперь она ее потеряла. И вместе с ней, возможно, потеряла последнюю надежду спасти жизнь родителей.

Джейк, видимо, догадался, о чем она думает.

– Ты делала то, что считала нужным, – сказал он. – Но Венн тебя не простит.

– Плевать мне на его прощение.

– Мы должны научиться доверять тебе.

Сара искоса посмотрела на Джейка. Ее голубые глаза были холодными, как у Венна.

– Ты знаешь, кто здесь враг? Не я, не Саммер. И даже не Янус. Враг – это зеркало. Зеркало и то, что оно предлагает. Оно всех нас себе подчинило. Мы уже ему прислуживаем.

Джейк некоторое время молчал, а потом, немало удивив Сару, заявил:

– Мы должны работать сообща. Ты и я. Обещай, что будешь со мной заодно. И больше никаких секретов.

Сара рассмеялась, но потом кивнула.

В глубине дома прозвучал гонг. С лестницы донесся крик Пирса:

– Ужин готов!

Джейк вскочил с кровати.

– Удивлена, что ты хочешь есть.

– Я никогда не сдаюсь. – Уайльд поморщился, потому что от резкого движения сдвинулась повязка, которую наложил на его рану Уортон. – И мой отец тоже. Я его знаю. Он вернется. В любой момент может вернуться.

Джейк вышел из комнаты и побежал вниз по лестнице. Сара успела заметить, что у него заблестели глаза. Были это слезы или глаза у парня блестели от охватившей его решимости, она не знала. В любом случае завидовала ему.

Сара не пошла за Джейком, вместо этого она открыла окно и уперлась локтями в подоконник.

Ночь выдалась тихая. Над черным Лесом висел тонкий серп Луны.

Свет из кухни падал на лужайку под домом. Сара видела, как под окном скользнула тень Пирса, а потом, как ей показалось, Уортона.

Сара замерла и слушала, как будто вечер говорил с ней.

Последний вечер апреля.

И он был удивительно теплым.

На тропинках в Лесу появились желтые цветы. Лесной купырь раскинул свои белые соцветия, как привидение – рукава. Сара ощущала запах мая. Прямо у нее на глазах подлесок пошел легкой рябью и стал по-весеннему бледно-зеленым, как будто Саммер перестала злиться и месть ее больше не привлекала.

Дым из трубы аббатства поднимался строго вертикально – его не тревожил ветер.

Где-то высоко чирикнула птица.

Сара с наслаждением вдыхала вечерний воздух и презирала себя за это. Джейк проиграл. И она тоже.

Что бы он там ни говорил, все кончено. Если только…

Чирикнула птица. Последний одинокий звук перед наступлением ночи.

Сара насторожилась и посмотрела наверх.

Она летела с высоты лилово-синего неба. Маленькая, как прозрачная капля дождя, как одинокая снежинка, настолько крохотная, что Сара ее даже не сразу разглядела. А потом превратилась в деревянную птичку с золотыми и синими перышками. Птичка на головокружительной скорости опустилась на подоконник, и в клюве у нее была половинка золотой монеты.

Сара смотрела на нее и не верила своим глазам.

Птичка аккуратно положила половину монеты на каменный подоконник.

– Вот.

Она потеряла все перья из хвоста. У нее был выклеван один глаз, но второй, маленький как серная бусинка, смотрел прямо на Сару.

– Естественно, теперь путь назад мне заказан. Придется жить в Убежище. Ты должна дать клятву, что будешь защищать меня, пока она не забудет.

Сара дрожащими пальцами взяла монету. Прикоснулась к лицу Зевса. Перевернула. Древний бог с орлиным носом смотрел на нее одним глазом.

Птичка взмахнула крыльями и пролетела в комнату.

– Я могу поселиться где угодно. В часах с кукушкой. Или в шкатулке с украшениями. Главное, чтобы Ши меня не нашли. А на твоем месте я бы спрятала эту монету под проточной водой, потому что Саммер не сможет туда добраться.

Птичка уселась на шкаф Джейка.

Сара крепко сжала монету в кулаке:

– Как тебе удалось от нее улететь?

Птичка присвистнула:

– Сама не знаю. Она меня настигла, схватила своими когтями и уже приготовилась оторвать мне голову, а потом просто бросила. Как будто что-то отвлекло ее внимание.

Уортон с наслаждением проглотил ложку горячего томатного супа с чесноком.

– Пирс, просто нет слов. Это один из твоих шедевров. Хлеб домашней выпечки?

– Естественно. – Дворецкий красовался в лихо сдвинутом набок поварском колпаке, и у него появились новые клетчатые брюки. Он с довольным видом наблюдал за тем, как Горацио жует банан, семь кошек лакают молоко из одинаковых мисок с их именами, Джордж с Ребеккой едят суп, а Джейк пощипывает

кусок хлеба. – Старая добрая еда любому поднимет настроение.

Джейк мельком глянул на Гидеона. Подменыш, обхватив себя за плечи, сидел на скамеечке у очага и задумчиво смотрел на огонь. От его еще сырой, сшитой из лоскутов одежды шел пар.

– Что теперь будешь делать? – спросил Джейк.

Гидеон пожал плечами:

– Здесь останусь. Беженец из Леса. – Он был таким бледным, словно его заморозила злость Саммер. – Поживу, пока она и сюда не доберется.

– Поешь суп, – предложил Уортон и подвинул через стол миску.

– Я не ем.

– Тогда, может, пришла пора начать. В конце концов, здесь не Саммерленд. Вдруг, если поешь, почувствуешь себя ближе к нам, смертным, и подальше от этих малоприятных существ?

Гидеон медленно выпрямился, встал и подошел к столу. Сел, с любопытством посмотрел на горячую жидкость в миске. Вдохнул насыщенный аромат.

– Суп тебя не съест, – сказал Уортон. – Скорее – ты его.

Гидеон сверкнул глазами, взял ложку, зачерпнул суп и чуть-чуть попробовал. Вытаращил глаза. Его как будто током ударило.

Джордж улыбнулся:

– И как?

– Я чувствую вкус!

– Вкус чего?

– Вкус… разного.

Гидеон замотал головой. Как им объяснить, что до этой минуты он вообще не ощущал никакого вкуса? В Саммерленде все было безвкусным. То, чем там питаются, имеет вкус праха и пожухлых листьев. Гидеон удобнее устроился за столом и быстро и решительно зачерпнул следующую ложку.

Уортон многозначительно посмотрел на Пирса.

Джейк встал из-за стола и подошел к очагу. Колыбельку предусмотрительно поставили подальше от огня. Малыш, помытый, в новых пеленках и накормленный молоком, высвободил из одеяльца кулачок и с довольным видом пускал пузыри.

Джейк присел рядом на корточки.

– Не волнуйся, – тихо, чтобы никто, кроме младенца, его не услышал, прошептал он. – Он вернется. Твой папа. Наш папа. Мы его вернем, я тебе обещаю.

Джейк прикоснулся к теплому кулачку малыша.

Брат крепко схватил его за палец.

– Ты правильно сделала, что накричала на меня тогда, – произнес Маскелайн.

Они с Ребеккой были в лаборатории.

– Что имел в виду Янус, когда сказал, что ты его учитель?

Маскелайн прикоснулся к изумрудно-зеленой сети.

– Когда-нибудь наступит день и я расскажу тебе обо всем. Обещаю. О том, как я… нашел зеркало… и о том…

– Нашел?

Ребекка подошла ближе. Высокая рыжеволосая девушка в джинсах. Такая близкая. Хотя иногда ему казалось, что с того момента, как он услышал ее плач в ночи, прошло всего несколько секунд.

– Я не думала, что ты его нашел. Считала, ты его создал.

– Бекка…

Она смотрела ему в глаза:

– Думала, что ты – Мортимер Ди и, может быть, воплощение многих людей. Полагала, что ты и зеркало вместе уже очень-очень давно.

Маскелайн приложил палец к ее губам.

– Тогда пусть это будет нашим секретом.

Они долго молчали, а потом Ребекка согласилась:

– Пусть, до поры.

Венн был один в своей башне.

Он слышал приближение весны. Слышал, как расцветает боярышник, как просыпаются пчелы, как с тихим шорохом распускаются почки на дубах, рябинах и ясенях. Чувствовал, как ветер превращается в легкий бриз. Ежи шуршали в листьях на берегу, на водной глади открыли глаза головастики, их хвостики выросли, и они уплыли в зеленую глубину озера.

Скрестив руки на груди, Венн наблюдал за тем, как выплывает Луна, как хлопают крыльями мотыльки.

Оберон чувствовал свет, и у него было такое странное ощущение, будто он только сейчас закончил откапываться из-под снежной лавины на Катра-Симбе, вырвался к ярко-синему небу и снова задышал.

Венн знал, что отошел на шаг от своей человеческой природы.

Он ждал. Наконец из темноты появился сокол.

Сокол сел на голову горгульи и пристально посмотрел на него ярко-желтым глазом с узким зрачком. Его когти крепко вцепились в камень.

Венн кивнул:

– Даже ты способна лишь задержать приход весны. Саммер,

чего ты от меня хочешь? Какую цену я должен заплатить за то, что мы выжили?

Но он знал, каким будет ее ответ. Саммер взлетела высоко в фиолетовые сумерки, а он наблюдал за ее полетом. И не сопротивлялся. Его глаза стали круглыми и синими, как сапфир. У него появился клюв, как у злобного хищника. Его тело стало легким. Боль ушла.

Он взлетел над землей.

Спустя несколько секунд в комнату вошел Пирс с подносом в руках и произнес:

– Я тут подумал, вы захотите отведать супу.

Но в комнате уже никого не оказалось. Только открытое окно и пара черных перьев на подоконнике.

Пирс поставил поднос на кровать, подошел к окну и выглянул в сумерки.

Высоко над деревьями парили два сокола. Из глубины Леса доносились странные звуки музыки Ши. Пирс вспомнил, что это канун Белтейна. Первый день мая – самая магическая точка в году. В этот день на пустошах разожгут костры.

Пирс закрыл окно, повернулся и глянул на портрет Лии.

Ее бледное лицо было залито лунным светом. Она смотрела на него со стены и улыбалась.

– Ты нужна ему, – прошептал дворецкий. – Ты нужна ему, иначе он пропадет навеки.

Но портрет хранил молчание. Пирс знал, что она его не слышит.

notes

Примечания

1

У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского.

2

В качестве родителей *(лат.)*.

3

У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского.

4

У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского.

5

День святого Стефана (26 декабря). У ирландцев был обычай ловить крапивника и подвешивать его тушку на шесте, что символизировало уход Старого года.

6

У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского.

7

У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского.

8

Персонажи «Хроник Амбера» – серии романов Роджера Желязны.